

зала 19
шкафъ 6.
полка 7.
№ 3.

15.

ИМЕЕТСЯ
МИКРОФИЛЬМ

7-55

У Т Р Е Н Н І Й
С В Ъ Т Ъ ,

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н О Е
И З Д А Н І Е .

Ч А С Т Ъ V .

Издание второе.

В Ъ М О С К В Ъ ,

ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова , 1785 года.

УТРЕННІЙ СВѢТЪ.

І.

ЖИЗНЬ

ПЛАТОНОВА.

Платонъ, сынъ Аристона и Перикціоны, или Попоны, родился въ Аѣинахъ; мать его вела свой родъ отъ Солона чрезъ Дропида, брата сего законодавца и отца Кришія, у коего былъ сынъ, по имени Калехрѣ. Отъ сего послѣдняго произошелъ другой Кришій, которой былъ въ числѣ прищипши пиранновъ, и имѣлъ сына по прозванію Главкона. У сего Главкона были дѣти Хармидъ и Перикціона, мать Платона, которая слѣдовательно произошла въ шестомъ поколѣніи отъ Солона; а Солонъ велъ свой родъ отъ Нелеи и Непшуна. При семъ думаютъ, что Аристонъ, отецъ Платоновъ, относилъ свое поколѣніе къ Кодру, сыну Мелавѣа, которой, по свидѣтельству Тразила, произошелъ отъ Непшуна. Да и дѣйствительно Спевзиппъ въ книгѣ своей *Часть V.* А подѣ

подъ заглавіемъ: *Ужины Платонопы*, и Клеархъ въ похвальной своей рѣчи, на Плашона сочиненной, равнымъ образомъ и Анаксилидъ во II книгѣ о Философахъ, повѣспвуютъ, будто бы въ Аѣинахъ носился слухъ, что Аристонъ принужденъ былъ на нѣсколько времени опсрочить свое бракосочетаніе съ Перикціоною, и что когда ему во снѣ явился Аполлонъ, то онъ не прежде съ нею соединился, пока не разрѣшилась она отъ бремени. Аполлоторъ объявляетъ въ своемъ лѣтосчисленіи, что Плашонъ рожденъ на VII Олимпіадѣ, въ самой день рожденія Аполлонова, по мнѣнію Делосскихъ жипелей. Ермиппій повѣспвуетъ, что онъ скончался на первомъ году XIX Олимпіады, на 108 году отъ своего рожденія, будучи нѣкогда на свадьбѣ. И такъ естли сему вѣришь можно, то онъ былъ шестью годами моложе Исокраша; поелику сей послѣдній родился во времена Аминія, при коего правленіи Перикль жизнь свою скончалъ.

Аншилеонъ пишетъ во II книгѣ своего сочиненія, что Плашонъ былъ родомъ изъ мѣстечка *Коллиры*. Другіе объявляютъ, что онъ рожденъ въ Егинѣ въ домъ шакъ называемаго Фидіаса, сына Талеша; ибо опецъ Плашона, будучи шуда посланъ съ другими для учрежденія поселенія около сего мѣста, возвратился назадъ въ Аѣины, когда жипели Егина, вспомошествоваемые Лакедемонянами, разорили и уничтожили сіе поселеніе. Онъ учредилъ шакже для Аѣинянъ игры, за коихъ шждивеніе плашилъ Діонъ, какъ по Апеноторъ

дорѣ въ VIII книгѣ своихъ *Гульбищѣ* свидѣ-
шельствувешѣ.

У Плафона были два брата, Адиманшѣ и Главконѣ, и одна сестра Пофона, мать Спевзиппа. Въ наукахъ имѣлъ онѣ себѣ учителемъ Діонисія, о комѣ онѣ въ своей книгѣ подѣ заглавіемъ *Соперники* упоминаешѣ; а пѣлеснымъ упражненіямъ обучался онѣ у Аришона, Аргосскаго уроженца, шпажнаго бойца, кошорой и прозвалѣ его Плафономѣ по причинѣ хорошаго шѣла его расположенія, вмѣсто того, что прежде назывался онѣ Аришпокломѣ по имени его дѣда, какѣ шо Александрѣ въ своей о *Наслѣдствахъ* объявляешѣ. Другіе думаютѣ, что сіе прозвище было ему дано по причинѣ его краснорѣчія, или для того, что у него, по мнѣнію Неанеа, лобѣ весьма былѣ широкѣ. Нѣкоторые также говорятѣ купно съ Диксархомѣ въ I книгѣ о *Жизняхъ*, что онѣ сражался на Ишмическихъ играхъ для полученія награжденія, опредѣленнаго шѣмъ, кои въ борьбѣ верхѣ одержашѣ. Онѣ прилѣпился также къ рисовальному художеству и стихотворству, и сочинилѣ сперва имѣ въ честь Вакха, а потомѣ пѣсни и трагедіи. Тимофей, родомѣ изѣ Аѣинѣ, говоритѣ въ своей книгѣ подѣ заглавіемъ *Жизни*, что у него голосѣ былѣ весьма шихѣ и слабѣ, и что когда Сократѣ видѣлъ во снѣ у себя на колѣняхъ молодаго лебедя, къ коему будшо бы вдругѣ приросли крылья, и кошорой съ пріятнымъ пѣніемѣ ошѣ него улешѣлъ: шо онѣ Аришону, ко-

шпорой на другой день предсавляяль ему Пла-
тона, вѣщаль, что его сынъ былъ шомъ
самой видимой имъ вѣ прошлую ночь во снѣ
лебедь.

Платонъ началъ обучашь философіи спер-
ва вѣ Академіи, а пошомъ вѣ саду, лежав-
шемъ близъ *Колоніи*, по свидѣшельству Але-
ксандра вѣ книгѣ его о *Послѣдопаніяхъ*; и
когда онъ доведенъ былъ до шого, что при-
нужденъ былъ защищашь свою шрагедію на
ѳеатрѣ Діонисія Тиранна, шо вдругъ услы-
шавъ о имени Сократа, предалъ огню свои
сшихи, говоря: *Вулканъ, отецъ огня! при-
влижься; Платонъ имѣетъ теперь нужду
пѣ шноемъ шпомощешчопаніи*. Сказыва-
юшъ, что ему было омъ роду почши дваши-
цашъ лѣшъ, когда онъ сдѣлался ученикомъ
Сократа. Послѣ его смерти прилѣпился онъ
къ Крашиму, ученику Ираклида, и Гермогену,
обучавшему Парменида. На шришцашъ вшор-
омъ году опшправился онъ вѣ Мегару сѣ нѣ-
которыми учениками Сократа, дабы слушашь
нашавленія Евклида. Општуда поѣхаль онъ
вѣ Цирену, гдѣ обучался у ѳеодора математикъ;
а пошомъ перебрался вѣ Ишалію для
своего нашавленія у Филолая и Евриша, фи-
лософовъ Перипашешической секшы. Послѣ се-
го посѣшилъ онъ Египешскихъ жрецовъ, и го-
воряшъ, что онъ не одинъ шуда ѣздилъ, но
имѣль при себѣ Еврипида, и что во время
ихъ вѣ сей землѣ пребыванія Платонъ впаль
вѣ нѣкоторую болѣзнь; но былъ излеченъ
Египешскими жрецами, кои омывали его мор-
скою

скою водою. Сіе самое подало ему поводъ сказашь, что море всѣ людскія несчастія омываеть, да еще принужденнымъ себя находилъ ушверждать, что, что Омиръ говоритъ, будто бы всѣ Египтяне сушь искусные врачеватели. Платонъ хотѣлъ также повидаться и съ Магарами, но война, возставшая въ Азіи, ему въ томъ воспрепятствовала. При своемъ возвращеніи въ Аѳины ушвердился онъ въ Академіи, мѣстѣ, лежавшемъ не подалеку отъ города и окруженномъ лѣсомъ. И такъ онъ былъ названъ симъ именемъ отъ Академа полу-бога. Евполисъ объявляетъ о семъ, говоря о Платонѣ такъ: *Онъ преподавалъ свои наставленія подъ тѣнію скрытыхъ переходовъ бога Академа.* Тимонъ подобнымъ образомъ вѣщаетъ о семъ философъ тако: *Въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ начальствовалъ Платонъ, изъ коего устъ исходили слова, столь же пріятныя, какъ и пѣніе кузнечикоу, коимъ наполнялася роща Гекадема.* При семъ надлежитъ примѣчать, что въ старину слово *Academiis* писалось съ буквою Е, *Aecademiis*; почему то мѣсто и называлось *Гекадемія*.

Платонъ былъ великой другъ Исократу. Парексифанъ описалъ нѣкошорой споръ, касающійся до стихотворцевъ, и происходившій на полѣ у Платона, гдѣ Исократъ имѣлъ свое пребываніе. Аристоксенъ объявляетъ, что онъ былъ въ трехъ походахъ: въ первомъ при Танагрѣ, въ другомъ при Коринѣ, а въ третьемъ при Делѣ, гдѣ онъ и одержалъ побѣду.

Платоново ученіе состояло изъ смѣси мнѣній Ираклида, Пифагора и Сократа; ибо Ираклидово поученіе похвалялъ онъ въ томъ, что до чувствъ касается; Пифагорово въ томъ, что надлежитъ до разумнїя; а Сократово въ нравоученїи. Саширъ и другіе говорятъ, что онъ писалъ письмо въ Сицилію къ Діону, въ коемъ его просилъ, дабы онъ ему купилъ за сто монетъ у Филолая три книги Пифагорова сочиненїя. Платонъ и дѣйствительно былъ въ состоянїи шолікое число дать денегъ; поелику онъ получилъ отъ Діонисїя 80 талантовъ, по увѣренїю Онешора въ его книгѣ подъ заглавіемъ: *Прилично ли мудрецу быть богатымъ?* Сочиненїя Епихарма, Комическаго писателя, великую помощь учинили Платону; ибо онъ почерпалъ изъ оныхъ многія вещи, какъ-то говоритъ Алцимъ въ своихъ книгѣхъ, Аминѣу посвященныхъ и въ чешырехъ томахъ состоящихъ. Въ первомъ пишеть онъ, что Платонъ великую получилъ пользу отъ Епихарма, и что онъ особенно отъ него принялъ сіе мнѣніе, что чувствами вкушаемыя вещи никогда одинаковы не пребываютъ, но что на каждую минушу переменяюща и точно такъ протекающъ, какъ бы есшьи я отнялъ отъ нѣкоторой суммы денегъ извѣстное число, то бы оная сумма не была та же ни въ разсужденїи свойства цифровъ, ниже въ разсужденїи цѣлаго количества; и что при томъ сіи вещи суть шѣ самыя, кои беспрестанно зараждающа и никогда существа не имѣющъ;

а что запрошивъ того достигаемаго умомъ вещи суть шѣ, кои никакого не имѣють приращенія и ничего не теряють; что таковы суть вѣчныя вещи, коихъ естество всегда одинаково и никогда не перемѣняется. Подобнымъ образомъ рассуждалъ также и Епихармъ о вещахъ; и вотъ какъ онъ изъясняется:

А. Боги въ вѣчности пребывали, и никогда не бысть не могутъ; ибо то, что состоитъ само по себѣ, всегда одинаково бываетъ.

Б. Однакожъ говоряшъ, что хаосъ прежде боговъ получилъ свое зарожденіе.

А. Сіе никоимъ образомъ бысть не можешъ; ибо не возможно, чтобы та вещь была первая, которая имѣетъ начало: посліку ничто изъ ничего сдѣлаться не можешъ. Что же особенно до людей касается, то вотъ что изъ оныхъ будешъ первой: положимъ одно число равное, или неравное, и ешьли къ оному прибавишь, или отъ онаго отнимешъ, то останешся ли оно тоже самое число?

Б. Не думаю.

А. Или ешьли продолжишь, или уменьшишь мѣру въ одинъ локошь, то она будешъ ли та же самая мѣра, какъ и прежде?

Б. Безъ сомнѣнія не будешъ она та же.

А. И такъ теперъ разсмащивайте людей, изъ коихъ одинъ рождаешся, а другой умираетъ. Они на каждую минушу перемѣняются; но посліку то, что перемѣняется въ своемъ ествествѣ, и что не въ одинакомъ состояніи пребываешъ, ошмѣнно ешь ошъ того,

го, чѣмъ оно прежде было: то я и вы нынѣ не шѣ самые, какими были вчера, а завтра не шѣ будемъ, какіе нынѣ; да и во вѣкъ такими бышь не можемъ, какими мы въ другое время были.

Къ сему присовокупляешъ еще Алцимъ то, что философы утверждающъ, будто бы есть шакія вещи, о коихъ душа познаніе имѣешъ посредствомъ шѣла, какъ-то помощію глазъ и ушей; а другія шакія, кои она сама собою познаешъ безъ всякой помощи шѣлесной; и при семъ случаѣ раздѣляютъ они вещи на чувственныя и умомъ достигаемыя. Изъ сего Платонъ заключалъ, что дабы получишь свѣдѣніе о началахъ свѣта, то надлежишъ сперва разсматривать шѣ понятія, кои въ душѣ сами по себѣ возбуждающся, какъ-то понятія о подобіи, согласіи, множествѣ, величинѣ, спокойствіи и о движеніи. Помомъ должно изслѣдовашъ шакже то, что въ себѣ само по себѣ понятіе о честномъ, добромъ и справедливомъ содержишъ. А наконецъ подлежишъ смотрѣшь и на шѣ понятія, кои въ себѣ нѣкоторое отношеніе заключающъ, какъ-то науку, или величину, или власшь, и вспомнишь, что шѣ вещи, кои къ намъ самимъ относящся, получающъ свое названіе отъ участвованія своего съ главными понятіями, на примѣръ: мы называемъ праведными шѣ вещи, кои сходны съ понятіями о праведномъ; а честными сходственныя съ понятіемъ о честномъ. Каждая изъ сихъ вещей вѣчна и душевна; почему и никакого

замѣшашельсшва въ нихъ произойши не можешъ. Плашонъ говорилъ шакже, что въ ешесшвѣ понятія о вещахъ сушь какъ бы самыя образцы оныхъ вещей.

При семъ присовокупаю я шакже, какимъ образомъ Епихаридъ разсуждалъ о добромъ и о понятіяхъ.

А. Звукъ ошъ музыкальнаго инструмента не уже ли не ешь какая нибудь вещьешвенная вещь ?

Б. Конечно ешь вещь вещьешвенная.

А. И шакъ не уже ли и человекъ ешь шаковой звукъ ?

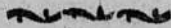
Б. Нѣшъ.

А. Кто же шощъ, кошорой играетъ на семъ инструменташъ ? Не человекъ ли онъ ?

Б. Конечно человекъ.

А. И шакъ по сему не кажешся ли вамъ, что шожешъ бываетъ и въ разсужденіи добра, что доброе ешь само по себѣ шаково, что шощъ, кошорой добро дѣлаешъ, ешь добродѣшельной человекъ, и что съ нимъ шожешъ самое бываетъ, что и съ шѣми случается, кои научились играшъ на какомъ нибудь инструменташъ, или шанцовашъ, или прясшъ, или другому какому подобному искусству, шожешъ, что человекъ не ешь шожешъ самое художество, кошорому онъ обучался, но шожешъ художникъ ?

Плашонъ въ книгѣ своей, подѣ заглавіемъ *Мнѣніе, до понятій касающееся*, говоритъ, что память доказываетъ, будшо бы существующія въ свѣшъ вещи опашъ къ понятіямъ

возвращающа, естли только память заня-
та настоящимъ и всегда въ единомъ состоя-
ннн пребывающнмъ предметомъ. И такъ по
сему ничего нѣтъ въ свѣтѣ постояннаго,
хромъ понятнй. Возможно ли, говоритъ онъ
также, чтобы живошныя бдѣли о сохраненн
себя, естлибъ онѣ не имѣли о томъ поня-
тнй, и естлибъ природа не внушила въ оннхъ
побужденнй? Въ примѣрѣ приводншь онъ ихъ
жадноств ко всему тому, что походншь на
ту пищу, къ коей онн прнобыкли; а симъ
доказываетъ онъ, что онѣ всѣ имѣющъ есте-
ственное понятне о пособнн, посредствомъ
коего познающъ вещи одинакаго рода. Но по-
слушаемъ также мнѣннй Епнхарма на сне.
Евмей! говоритъ онъ, премудростью не
однн шокмо человекъ одаренъ, но всѣ на
землѣ живошныя имѣющъ объ оной нѣкоторое
познанне. Курица не живыхъ производншь
цыплящъ, но она сидншь на янцахъ и ожн-
вляетъ оння своею теплотою. Единая при-
рода вѣдаетъ сню премудростъ, и она сама
научаетъ оной сне живошное. -- Онъ присово-
купляетъ: Не днвншься тому, что я говорю,
что сня курица охотно взнраетъ на своихъ
цыплящъ, и что она ихъ презрнядными по-
чншаетъ; ибо собака другой собакъ хорошею
кажешся, что самое бываетъ съ быкомъ,
осломъ и свннью.

Алцнмъ говоритъ о семъ и о прочнхъ по-
добныхъ вещахъ въ своихъ чешырехъ кннгахъ,
замѣчая прн томъ то, что Платонъ почерп-
нулъ изъ сочнненнй Епнхарма; ибо онъ и самъ

вѣдалъ, что ошъ него великую пользу получишь можно. А сіе явствуетъ изъ словъ его, говоренныхъ на шѣхъ, кои могутъ послѣдовать его сподамъ: *Я думаю, да я и предпиху, что мои слова поспомянутъ; что същется кто нибудь такой, которой переложитъ мои стихи на прозу, и украситъ ихъ презящными извясненіями, поспользуется оными и пѣхъ другихъ прецзойдетъ.*

Софронъ, Комической писатель, былъ также въ числѣ шѣхъ сочинителей, коего Плашонъ охотно по видимому чиналъ: онъ исправлялъ свои нравы по шѣмъ правиламъ, какія тамъ предписаны. Сіи книги были еще въ то время безъизвѣстны въ Аѣинахъ, и сказываютъ, что когда Плашонъ скончался, то оныя найдены у него подъ головами.

Сей философъ ѣздилъ прижды изъ Греціи въ Сицилію. Къ первой побѣдкѣ побужденъ онъ былъ любопытствомъ, дабы увидѣть сей островъ и огнедышущую гору Эпну. Когда Діонисій, незаконный правитель, сынъ Ирмакраша, всячески старался всшупить съ Плашономъ въ разговоръ, то сей, разсуждая съ нимъ о тиранствѣ, вѣщаль ему, что та вещь не можешь почесъся наилучшею, которая шокмо шому выгодна, кшо оною наслаждаешься, развѣ когда онъ въ самое то время всѣхъ другихъ своею добродѣшелію превышасъ. — Разгнѣванный на сіи слова Діонисій сказалъ ему, что сіи рѣчи приличны шокмо старикамъ. — А ваши слова, ошвѣчалъ Плашонъ,

шонъ, доказывающъ Тиранна, народнаго мучишеля. Тогда Діонисій, преисполненный гнѣва, хошѣлъ было его приказашъ умершвишь, но склонившись на прозьбу Діона и Аристомена, предалъ его шокмо Полиду, послу Лакедемонскому, при Дворѣ его находившемуся, дабы онъ его продалъ, за какую цѣну онъ пожелаешъ. А сей, опведши его въ Егину, продалъ аки невольника. Тогда Хармандръ, сынъ опца шого же имени, обвинялъ Плашона въ уголовномъ дѣлѣ по силѣ одного шоя земли закона, кошорой осуждалъ безъ всякаго оправданія на смерть Аѳинянъ, на семъ островѣ показавшихся. Фаворинъ въ своей испоріи посшавляешъ самаго Хармандра учредиселемъ сего закона. Впрочемъ когда нѣкто изъ насмѣшки сказалъ, что Плашонъ былъ философъ, шо его въ невредимости назадъ опослали. Другіе объявляющъ, что онъ былъ представленъ предъ судей, кои увидя, что онъ не говорилъ ни слова и казался, будшо бы самъ себя своимъ молчаніемъ обвиняешъ, перемѣнили смершную казнь въ рабшво, и опредѣлили, дабы онъ былъ проданъ какъ невольникъ. Нѣкто, по прозванію Анницерисъ, уроженецъ Киринейскій, находясь шамъ по случаю, выкупилъ его за дваццашъ, или по мнѣнію нѣкошорыхъ, за шришцашъ монешъ, и опослалъ его друзьямъ, кои безъ замедленія возвращили Анницерису шу сумму денегъ, кошорою онъ Плашона изъ рабшва искупилъ; но онъ не принялъ деньги, говоря, что не они едины досшойны учасшвовашъ въ особѣ му-

драго Плашона. Нѣкоторые повѣствуютъ, что Діонъ послалъ также денегъ для его искупленія, однако Плашонъ сіи употребилъ для покупки небольшого сада въ Академіи. Что касается до Полида, то сказываютъ, что онъ, будучи побѣжденъ Хабріемъ, бросился въ рѣку и въ оной ушонулъ, по той причинѣ, что нѣкій злой духъ, въ отмщеніе за сего философа, его преслѣдовалъ. Сіе рассказываетъ между прочими Фаворинъ въ I книгѣ своихъ Комменсарій. Да и Діонисій не имѣлъ послѣ сего духъ весьма спокойной; ибо онъ, провѣдавъ о всемъ приключившемся, написалъ къ Плашону письмо, въ коемъ его просилъ, дабы онъ ничего худаго о немъ не говорилъ. А сей философъ приказалъ ему въ отвѣтъ сказать, что онъ не имѣетъ сколько празднаго времени, чтобы о немъ когда либо помышлять.

Причина, побудившая его въ другой разъ ѣздить въ Сицилію, была та, что онъ желалъ испросить у младаго Діонисія позволенія учредить въ какомъ нибудь мѣстѣ его области поселеніе, въ коемъ онъ хотѣлъ управлять поселянами по законамъ нововыдуманной имъ полишики. Ему хотя и обѣщано было учинить сіе, однако Діонисій слова своего не сдержалъ. Сверхъ того, по мнѣнію нѣкоторыхъ испориковъ, имѣли на него подозрѣніе, будто бы онъ поощрялъ Діона и Теоша къ дославленію вольности сему острову. Архисъ, философъ Пинеагоровой секты, написалъ въ его оправданіе письмо къ Діонисію, кошорой

избавилъ его ошъ наказанія и оппустилъ назадъ въ Аѳины. Письмо было слѣдующаго содержанія :

Архитъ къ Діонисію.

„ Мы , будучи друзья Плагона , послали къ вамъ Ламиска и Фошида въ шой надеждѣ , что вы возвратите имъ сего философа , споль же вольнаго , какимъ онъ былъ по прїѣздѣ своемъ въ Сицилію . Справедливость пребуешъ , чтобы вы вспомнили о шомъ сильномъ желаніи , какое вы оказывали , дабы съ нимъ увидѣшься , и о чиненныхъ вами намъ прозьбахъ , дабы мы понудили его къ вамъ прїѣхашъ , обѣщаясь все шо исполнишь , чего онъ ни пошребуешъ , и предоспавишь ему вольность оспашься при вашемъ Дворѣ ; или еспьли пожелаешъ , назадъ возвратишься въ опечество . Пришомъ принамяшуйше вы еще себѣ шу радостъ , которую вы при видѣ его ощущали , и шо опмѣнное почтеніе , которое вы предъ прочими философами ему оказывали . Еспьли же нѣкошорое неудовольствіе васъ оскорбило , шо вамъ всеьмабъ прилично было скромноспію гнѣвъ свой укрошишь и возвратишь намъ его безвредна . Учиня шакую ему справедливостъ , вы крайнѣ насъ чрезъ шо обяжете . „

Напослѣдокъ немилостъ , въ которую Діонъ пришель у Діонисія , понудила его въ шрешій разъ прїѣхашъ на сей островъ . Онъ спарался ему доспавишь милостъ Діонисія ; но видя , что всѣ его спаранія были шщешны , возвратишься опашъ въ свое опечество .

Онъ

Онѣ не хотѣлъ участвовашь въ правленіи, хошя и весьма искусенъ былъ въ полишической наукѣ, какъ шо изъ его сочиненій усмотрѣшь можно. Причина же шому была та, что народъ пріобыкъ къ другимъ правиламъ и учрежденіямъ, нежели какія онѣ устанавишь желалъ. Памѣила въ XXV книгѣ своихъ Комментарій повѣствуетъ, что Аркадяне и жители города Фивовъ, сооривъ пространной городъ, просили его, дабы онѣ въ ономъ учредилъ новые законы; но услышавъ, что они не соглашаются на равенство сослояній, не похотѣлъ шуда и ишпи. Сказывающъ, что онѣ одинъ дерзалъ бесѣдовать съ Хабріемъ въ шо время, когда сей полководецъ убѣжалъ для избавленія себя отъ смерти, на которую онѣ былъ осужденъ. При входѣ съ нимъ въ замокъ нѣкто донощикъ, именуемый Кобрилъ, сказалъ ему: ты приходишь сюда вспомошествовашь другому, не вѣдая, что ты самъ долженъ ожидать себя шакого же наказанія, какое получилъ Сократъ. Тогда Платонъ ему отвѣчалъ: когда я сражался для защищенія моего ошечества, шо я по должности подвергался опасностямъ; а нынѣ дѣлаю я шоже самое изъ дружбы для шакого человека, кошорой въ моихъ услугахъ имѣешь нужду.

Фаворинъ въ VIII книгѣ своего повѣствованія объявляетъ, что онѣ первой уважилъ сочиненія, изъ разговоровъ сослоящія. Онѣ обучалъ Леодамаса, уроженца города Тасса, какимъ образомъ вещи разсмаширивать и всѣ ихъ

ихъ частицы познавать должно. Онъ первой въ философіи употреблялъ имена: аншиподы, сшихія, діалекшика, свойство, долгоша въ числѣ, гладкая поверхность, горизонтъ, провидѣніе Божіе и пр. Онъ первой также изъ философовъ опровергнулъ рѣчь Лизія, сына Кефала, кошорую онъ всю внесъ въ свое сочиненіе подъ заглавіемъ *Федра*. Платонъ охуждалъ большую часть своихъ предшественниковъ. По сей причинѣ часто его вопрошали, для чего онъ ничего не пишетъ о Демокришѣ?

Неанѣ изъ Цизики объявляетъ, что онъ, пришедъ на Олимпическія игры, обратился на себя взоры всѣхъ Грековъ, и въ семъ самомъ мѣстѣ имѣлъ переговоры съ Діономъ, кошорой готовился вести войну съ Діонисіемъ. Въ I книгѣ Фавориновыхъ Комментарій напечатано, что Мишридатъ изъ Персіи приказалъ воздвигнуть въ Академіи статую въ честь сего философа съ сею надписью: *Мишридатъ Персидской, сынъ Годовата, посиятилъ Музамъ сіе изображеніе Платона.*

Праклидъ повѣствуетъ, что Платонъ былъ столь воздерженъ и столь постояненъ въ своей младости, что онъ никогда развинувъ ротъ не смѣялся. Однакожъ скромность не предохранила его отъ язвительныхъ рѣчей Комическихъ спиходворцевъ. Теопомпъ въ своей книгѣ смѣется ему въ слѣдующихъ словахъ: *Единица не составляетъ единицу, а по мнѣнію Платона и два съ трудомъ единицу составляютъ могутъ.* Анаксандридъ въ Тезеѣ говоритъ о немъ такъ: *Когда онъ*

на подобіе Платона, съ жадностію поглощаетъ слѣпы. Тимонъ вѣщалъ о немъ сіе: Онъ столько, какъ и Платонъ, искусенъ пыдумывать чудеса. Ты кстати приходишь, говоришь Алексисъ въ своей книгѣ, подѣ заглавіемъ Меропида; но я иду и прихожу прогуливаясь. Будучи столь же угрюмъ, какъ и Платонъ, я ни въ чемъ не нахожу мудраго, и ничего не дѣлаю, кромѣ того, что удручаю свои ноги отъ многой ходьбы. Томъ же самой писателъ пишешь въ *Анцилионѣ*: Ты намъ открываешь тайны, бѣгая по примѣру Платона. Амѣшонъ въ книгѣ своей, Амѣкрашъ названной, слѣдующее о немъ издалъ: С. Но сіе добро, которое ты получить надѣветесь отъ нее, мнѣ менѣе извѣстно, нежели то, которое Платонъ обѣщаетъ. Ахъ, хозяинъ мой! сколь оно прекрасно! X. И такъ поберегай оное. Въ *Дексидемѣ* говоришь онъ еще: Платонъ! ты всегда сердитымъ кажешься и твое чело покрыто морщинами, какъ улиточная раковина. Крашинъ въ своемъ сочиненіи поноситъ его сими словами: Ты челоуѣкъ, а имѣешь душу Платону; я заподлинно сего не знаю, но по крайней мѣрѣ такъ думаю. Равнымъ образомъ Алексисъ въ своей *Омамтѣодорѣ* пишешь: Тѣло мое было то, что по мнѣ смертнаго находилось но то, что по мнѣ безсмертнаго обрѣталось, поднялось на поздохъ. Вотъ тѣ самыя чудопища, какимъ отъ Платона научаемся! Еще въ книгѣ своей о ласка-

теляхъ говоришь: Или мнѣ топорить такъ, какъ Платону, которой самъ съ собою разговариваетъ? Анксилай также ему ругается въ своихъ сочиненіяхъ, *Ботриліонъ*, *Цирцея* и *богатая женщины*.

Ариспиппъ въ IV книгѣ о *упеселеніяхъ дрепнихъ* говоришь, что Платонъ великую имѣлъ дружбу съ однимъ молодымъ человекомъ, по прозванію Астръ, кошорой купно съ нимъ упражнялся въ звѣздочешной наукѣ, и съ Діономъ, о коемъ говорено гораздо выше. Нѣкошорые присовокупляютъ еще къ онымъ Федрѣ. А его дружбу доказываютъ сочиненныя имъ на сихъ людей эпиграммы. На Астру сочинилъ онъ слѣдующія :

Драгой Астръ! я желалъ бы самъ вытъ тогда небесами, когда ты пространство оныхъ разсматриваешь; и пзирать на тебя съ толикими же очами, сколько на оныхъ звѣздъ обрѣтается.

Астръ, утренняя звѣзда! прежде блисталъ ты здѣсь на земли, а нынѣ, печерная звѣзда, освѣщаешь поля Елисейскія.

На Діона же сочинилъ Платонъ сію эпиграмму :

Судьбы застапили Экубу и Троянокъ пролпуть великіе ручьи горькихъ слезъ; а тебѣ Діонъ, боги предоставили прелестьнѣйшую надежду со слапнѣйшимъ триумфомъ. Отчество твое тебя любитъ, а твои сограждане великія тебѣ почести оказываютъ; но какою стрѣлою, уцы! пронзаешь ты мое сердце!

Сказываютъ, что сія эпиграмма служилъ надгробною надписью для Діона; почему и поставлена въ Сиракузахъ надъ его гробницею. Мы упоминали, что Плашонъ былъ другъ Федру, и говорятъ, что онъ имѣлъ также много привязанности къ Алексису. О сихъ обоихъ людяхъ пишешь онъ въ своихъ стихахъ такъ:

Когда нынѣ нѣтъ ни единого такого челоука, которой бы заслуживалъ большаго признанія, кромѣ Алексиса, и когда всѣхъ людей взоры на него обращаются: то почто я то желаю открыть ему свои сердечныя чувствованія, то оныя опять отъ него сокрываю? Не такимъ ли образомъ я лишился и Федра?

Плашонъ страстно любилъ Археанассу, родомъ изъ Колофоны, и вошъ какъ онъ о ней единожды вѣщалъ:

Я люблю Археанассу, не пзирая на ея старость и на морщины, коими тѣло ея покрыто. Оны, которые прежде ей служили! сколь много оны должны были претерпѣвать мученія отъ прелестей юныхъ лѣтъ ея!

Онъ сочинилъ также на Агаѳону сіи стихи:

Въ то время, когда я находился у Агаѳоны, то духъ мой едпа отъ меня не излетѣлъ.

На Ксаншиппу сдѣлалъ онъ сіи:

Я памъ дарую сей померанецъ; примите его и соотвѣтствуйте моимъ чув-

стнопоніямъ. Еслили же сего послѣдняго пѣ
не учините, то позъмте токмо помера-
нецъ и помыслите, пѣ коль краткое время
сей плодъ красоту свою потерять долженъ;
а потомъ подумайте, что и со мною тоже
выпадетъ, и что я и ны пскорѣ упрячемъ.

Сказывающъ, что онъ сдѣлалъ слѣдую-
щую надпись на Эретріанъ, когда на нихъ
нечаянное было учинено нападеніе:

Мы были Эретріане, уроженцы Еп-
вен, но наши тѣлеса лежатъ близь Сузы,
пѣ отдаленности отъ нашего отечества
и отъ могилы нашихъ предковъ.

Слѣдующіе еще стихи приписываютъ
Плашону:

Венера гопорила нѣкогда Музамъ: О
Нимфы! страшитесь меня, или Любопъ
нойну памъ объявить. Перестаньте пѣ-
щать сіи слова, отпѣтствопали ей Му-
зы; мы сего юношу здѣсь сопсѣмъ тер-
пѣть не можемъ.

Наконецъ къ сего сочиненіямъ причисляющъ
еще и сіи:

Нѣкоторой челопѣкъ, нашедъ кладъ, по-
ложилъ на мѣсто онаго перекку, которую
при себѣ имѣлъ. Другой же челопѣкъ, кбему
сей кладъ принадлежалъ, пришелъ послѣ
самъ туда, и не нашедъ споего сокровища,
пзялъ перекку и удалился.

Молонъ ненавидѣлъ Плашона, и нѣкогда
сказалъ, что гораздо удивительнѣе видѣшь
Плашона въ Сициліи, нежели Діонисія въ Ко-
ринѣ. По видимому и Ксенофоншъ не былъ
другъ

другъ Плашону; ибо они изъ нѣкоторой ревности, какая между ими была, писали о единыхъ матеріяхъ, какъ - то о *пиршествахъ*, о *защитеніи Сократомъ* и о *напоученіи*. Сверхъ сего Плашонъ издалъ сочиненіе о республикѣ, а Ксенофонъ о воспитаніи Кира, которое Плашонъ въ своей рѣчи о законахъ щупливою баснею называетъ, насмѣхаясь чрезъ то описанію, которое онъ подаетъ о умоначерпаніи сего Государя. Наконецъ хотя они и оба говорятъ о Сократѣ, однако нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ другъ о другѣ не упоминаютъ, выключая III книги Ксенофоновыхъ записокъ, гдѣ Плашоново имя встрѣчается. Сказываютъ, что когда Аншисѣенъ намѣревался читать публично нѣкоторое сдѣланное имъ сочиненіе, то просилъ Плашона, дабы онъ во время чтенія его книги присушествовалъ. Тогда сей спросилъ Аншисѣена: о чемъ онъ писалъ? и когда Аншисѣенъ сказалъ, о томъ, что не должно много противорѣчить, тогда Плашонъ разсердясь сказалъ ему: какъ ты осмѣлился писать о сей матеріи? Чрезъ сіи слова уразумѣлъ Аншисѣенъ, что онъ упрекаетъ ему въ неразумномъ его поступкѣ, и столь прогнѣвался на него, что издалъ въ помянутое ему и въ укоризну одинъ разговоръ, подъ заглавіемъ *Сатонъ*; а отъ сего родилась между ими вѣчная вражда. Еще говоря, что когда Сократъ прочиталъ книгу, Плашономъ сочиненную, называемую *Лизисъ*, то воскликнулъ: *О koliko сей молодой человекъ подаетъ мнѣ матерій къ разсужденіямъ!*

Амб! Да и дѣйствительно онъ приписалъ ему шакія слова, какія во вѣкѣ изъ устъ сего философа не исходили.

Плашонъ имѣлъ нѣкоторое отвращеніе къ Аристиппу; ибо онъ его обвинялъ въ своемъ сочиненіи о *душѣ* въ томъ, что онъ при смерти Сократовой въ ошущствіи находился: посліку Аристиппъ въ то время жительствовавалъ въ Египтѣ, мѣстѣ, не весьма отдаленномъ отъ Аѳинъ. Равно былъ онъ врагъ Есхину, коего поносилъ въ томъ, что онъ ѣздилъ въ Сицилію для испребованія себѣ вспомошествованія отъ Діонисія, кошорой имѣлъ къ нему великое уваженіе; напрошивъ шого Аристиппъ его за сіе восхваляетъ. Идомеией объявляетъ, что тошъ, кошорой сошвовалъ Сократу убѣжать изъ темницы, не былъ Кришонъ, но Есхинъ; что Плашонъ первому единственно для шого сіе приписалъ, что онъ ненавидѣлъ Есхина. Да онъ и въ своихъ сочиненіяхъ ничего о немъ не упоминаетъ, кромѣ одной книги о *душѣ*, гдѣ мимоходомъ нѣсколько до него коснулся. А въ книгѣ, подѣ заглавіемъ *Защитеніе Сократа*, примѣчаетъ Аристиппъ, что его сочиненія состоятъ изъ смѣси стиховъ и прозы. Фаворинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пишетъ, что когда Плашонъ читалъ публично свое сочиненіе о *душѣ*, то изъ всѣхъ присутствующихъ при чтеніи оной единъ шокмо Аристиппъ внимательнѣе его слушалъ, а что всѣ прочіе вставши уходили. Нѣкоторые говорятъ, что Филиппъ изъ Опесы переписалъ его зако-

ны, начершанные на дощечкахъ, воскомъ об-
лишыхъ. Евфоріонъ и Панешій объявляютъ,
что часто находили шокмо начало его книги,
Перемѣнившаяся республика; и Аристок-
сенъ думаетъ, что сіе сочиненіе почти все
внесено въ Пифагорову книгу о *протищорѣчіи*.
Сочиненіе же его, *Федръ*, не весьма похваляеш-
ся; да и дѣйствительно оно не много хоро-
шаго въ себѣ содержишь. Діацерхъ и слоги
его не весьма плавнымъ почишаешъ.

Единожды Плашонъ, увидя нѣкогого чело-
вѣка, въ кости играющаго, спалъ его за по-
хулишь; и когда игрокъ ему предшавлялъ,
что онъ за весьма маловажное дѣло его ру-
гаетъ, то Плашонъ ему далъ тогда въ опъ-
вѣшь: привычка не естъ маловажное дѣло.
Его спросили: думаетъ ли онъ, что его уче-
ніе будетъ столь же принимаемо, какъ и наспа-
вленія другихъ философовъ? Надлежитъ сперва
прославишья, опвѣщспвовавъ онъ, а потомъ
многіе изъ моихъ послѣдователей почишаемы
будушь. Нѣкогда вошелъ Ксенокрашъ къ Пла-
шону, тогда сей ему сказалъ: пожалуй нака-
жи сего слугу; а я самъ сего учинишь не мо-
гу, поелику весьма огорченъ. Въ другой разъ го-
ворилъ онъ одному изъ своихъ слугъ: я бы
себя наказалъ, ешьлибъ не былъ въ шолі-
комъ гнѣвѣ. Нѣкогда, сидючи верхомъ на ло-
шади, вдругъ сошелъ онъ съ нее, по шой при-
чинѣ, что онъ помыслилъ, будшо бы сіе жи-
вошное придаетъ ему нѣкоторой горделивой
видъ. Пьяницамъ совѣщовалъ онъ смощрѣшься
въ зеркало съ шѣмъ, чтобы спыдъ, видя се-

бя въ такомъ превращномъ состояніи, внушалъ въ нихъ отвращеніе къ сему пороку; да онъ и запрещалъ пить вино чрезъ мѣру, выключая токмо во время Бахусовыхъ празднествъ. Онъ поносилъ также шѣхъ, кои ко сну склонны были и много спали; почему и написано въ его законахъ, что человекъ, ко многому сну охоту имѣющій, не есть человекъ великихъ заслугъ и достоинствъ. Платонъ сверхъ того говаривалъ, что нѣтъ пріятнѣе слышать истинны. Иные думаютъ, что подъ симъ разумѣлъ онъ не ту истину, о которой другіе говорятъ; но ту, которую самъ за истинну почитаетъ. Слѣдующее еще изреченіе выписано изъ его книги о законахъ: Истинна, любезной мой другъ, прекрасна и долговременна; но сколь трудно увѣришь людей, дабы они послѣдовали оной!

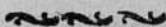
Платонъ чрезмѣрно желалъ прославить въ потомствѣ свое имя или своими сочиненіями, или изустными глаголами. Для сей причины весьма часто путешествовалъ.

Онъ скончался, по свидѣтельствъ Фаворина въ III книгѣ своихъ *записокъ*, на принашцашомъ году правленія Короля Филиппа, отъ коего Платонъ, по увѣренію Теопомпа, великой получилъ выговоръ. Мироніонъ въ своемъ сочиненіи о *подовныхъ пещахъ* приводитъ въ примѣръ Филона, которой свидѣствовалъ, что Платонъ умеръ отъ дурной болѣзни. Его похоронили въ Академіи, гдѣ онъ долгое время обучалъ философіи, и почему его секша прозвана Академическою. По-

хороны же его съ великимъ поржествомъ и пышносною совершились. Онъ сдѣлааь слѣдующее завѣщаніе:

Плашонъ оставялетъ и опказывасяь послѣ своея кончины слѣдующее: маяшнось Ефестіада, лежащую къ сѣверу подѣь дороги, идущей ко храму Ефезіада, къ полдню близъ Ираклеи, отъ Ефестіадовъ къ востоку, подѣь земли Археспраша изъ Фреары, а къ западу близъ областей Филиппа изъ Холиды, не повеаьваю продавашь и въ чужія опдавашь руки; но оставяю оную въ полное владѣніе сыну моему Адиманшу. Ему опдаю шакже маяшнось Енерезеевъ, лежащую между землями Демоспраша, Ксиперашона съ полудни, отъ востока Евримедона изъ Миррины, Кефиса съ запада, и Каллимаха отъ сѣвера, кошорую я отъ сего послѣдняго опкупиаь за деньги. Я оставяю ему болѣе шрехъ золошыхъ монешъ, одинъ серебряной сосудъ, кошорой имѣешъ въсу 165 драхмъ; одну чашу изъ шого же мешалла, въ коей въсу 65 драхмъ; одинъ першенъ и однъ золошья серьги, въ коихъ въсу 4 драхмы и 3 шилинга; да еще шри медали, кои мнѣ подарены Евклидомъ каменосѣцемъ. Діану оппускаю я на волю. Но что касается до Тихона, Пикша, Аполлонія и Діонисія, шо пускай они пребываюшъ еще въ подданствѣ у моего сына Адиманша, коему я опдаю шакже всѣ свои пожилки и прочія вещи, описанныя въ росписи, кошорая находишся у Димисрїа. Долгу на мнѣ нѣшъ; а попечишялами о шеперешнемъ моемъ имѣніи

опредѣляю я Спевзипа, Димитрія, Гегія, Евримедона, Даллимаха и Фразинпу.

Надъ его гробницею многія положены надписи, изъ коихъ одна есть сія:

Здѣсь почиваетъ прорицатель Аристокль, коего благоразуміе и спойство яраповъ чрезмѣрную похвалу заслуживаютъ. Если бы комъ нибудь изъ людей премудрость обитала, то сей челоуѣкъ конечно преисполненъ славы, будучи сохраненъ отъ стрѣлъ записки.

Вошѣ еще и другая въ честь ему сочиненная надпись:

Сія земля покрываетъ тѣло Платона. Небо заключаетъ въ себѣ благополучную его душу, и каждой честной челоуѣкъ долженъ чтить его добродѣтель.

А слѣдующая сдѣлана уже въ новѣйшія времена:

Орле! познѣсти мнѣ; почто ты леташь надъ сею гробницею, и въ какое обиталище Емпирей ты преселяешия? Я есмь душа Платонова, поздымающаяся на небеса, когда тѣло его сохраняется въ нѣдрахъ Аѳинской земли.

Я сдѣлалъ также на него сію апишафію:

Кого бы ты далъ Фебъ, естлибъ не даровалъ Грекамъ Платона для изчисленія науками души людей? Ибо онъ тоже самое для душевныхъ припадковъ, что тпой сынъ Эскулапъ для тѣлесныхъ волѣзней.

Вошѣ еще и другая, кошорая больше де его смерти касается:

Для благополучія людей даропалъ Аполлонъ жизнь Эскулапу и Платону съ тѣмъ, чтобы перпой исцѣлялъ ихъ тѣла, а послѣдній ихъ души; но нынѣ Платонъ пошелъ познати на брачномъ пиршествѣ, приуготоленномъ въ томъ городѣ, которой онъ себѣ пообразилъ, и которой имъ самимъ на небесахъ оснопанъ.

У Платона были ученики Спевзипъ, родомъ изъ Аѳинъ, Ксенократъ изъ Халкедоніи, Аристотъ Стагириша, Филиппъ изъ Опы, Герсей изъ Перинеа, Діонъ Сиракузскій, Амикъ изъ Ираклеи, Ерастъ и Корискъ изъ Снепсы, Тимолай изъ Цизики, Евсонъ изъ Лампсаки, Пѳонъ и Ираклидъ изъ Еніи, Иппоталъ и Каллипъ изъ Аѳинъ, Димитрій изъ Амфиполиса, Ираклидъ изъ Помпа и множество другихъ; да сверхъ того еще двѣ женщины: Ласфенія изъ Маншиңи и Аксіофея изъ Флія. Сія послѣдняя, какъ то говоришь Дицсархъ, одѣвалась въ мужеское платье. Нѣкоторые полагають и Теофраста въ число его слушателей. Хамелеонъ причисляеть къ онымъ вишію Ипперида и Ликурга. Полемонъ почишаеть также и Демосѳена его ученикомъ, и Сабинъ въ IV книгѣ, подъ заглавіемъ *Смѣсь помышлений*, тоже самое пишеть о Мнезистратѣ изъ Фассы, да и не безъ основанія. Но поелику всѣ по справедливости почишають память Платона, и сверхъ того почшенія, которое къ нему имѣють, желають еще познать его ученіе: то я за долгъ себѣ почелъ описать содержаніе и силу его рѣчей, порядокъ его разговоровъ, и

какимъ

какимъ образомъ онъ дѣлалъ свои заключенія. Но припомъ скажу токмо вообще о вещахъ, не различая всѣхъ частей, кои въ семъ ученіи заключаются. Въ противномъ случаѣ, естлибъ я все обстоятельно сжалъ предлагать, то имѣлабъ тогда мѣсто слѣдующая пословица: *посылать совѣтъ въ Аѳины* (*).

Утверждаютъ, что Зенонъ Ципшійскій первой сочинилъ разговоры. Аристофель въ I книгѣ о *стихотворцахъ* и Фалоринъ въ своихъ комментаріяхъ объявляютъ, что Алексаменъ изъ Сширы, или изъ Теи, былъ первой сочинитель оныхъ. Но Платонъ столько исправилъ сей родъ писанія, что мы ему не токмо одолжены за пріятность, въ ономъ слогѣ находящуюся, но и шишулъ изобрѣшателя оныхъ не безъ труда ему отказать можемъ. Разговоръ есть рѣчь, состоящая изъ вопросовъ и отвѣтовъ о какой нибудь философической, или политической матеріи, изъясляемыхъ такимъ образомъ, какимъ прилично говорить особамъ, въ оныхъ представленнымъ. Діалектика есть искусство утверждать, или опровергать вопросами и отвѣтами какое нибудь предложеніе.

Разговоры, Платономъ сочиненные, суть вообще двойкаго свойства: одни называются раз-

---

(*) Въ Аѳинахъ множество водиловъ совѣтъ, и припомъ была еще одна монета, на которой изображалась ея птица Минервы. По сему отъ изобилія и взята сія пословица, которая поже означаетъ, что слѣдующая: *принять воды въ море*.

разговоры *изъясненія*, или *настапленія* (*); а другіе разговоры *изысканія* (**). Первые раздѣляются различно, смотря по тому, на разсужденіи ли они, или на дѣйствіи обращающся. Тѣ, въ коихъ главнѣйшій предметъ есть умствованія, на *Физическіе* и *Философическіе* раздѣляются; а тѣ, къ коимъ принадлежатъ дѣйствіе, суть или политическіе, или нравственныя. Разговоры *изысканія* на два класса раздѣляются: въ однихъ предлагается о какомъ нибудь предметѣ, а въ другихъ опровергается какое нибудь мнѣніе. Первые паки дѣляющся на разговоры, *мелтическими* названныя, и на *опытныя* (***)); другіе же на разговоры *доказательства*, или *обвиненія*, и на такъ названныя *разрушительныя* (****).

Мнѣ не безвѣстно, что нѣкоторые писатели иначе раздѣляютъ разговоры Платоновы. Они говорятъ, что иные суть *театральныя*, другіе *разглагольственные*, а третьи *смѣшанныя*. Но сіе раздѣленіе прилично

(*) Въ коихъ разсуждается о извѣстныхъ истинахъ.

(**) А въ сихъ раземапривающся неизвѣстныя.

(***) *Мелтическіе* разговоры суть тѣ, въ коихъ Сократъ заставляя учениковъ своихъ находить тѣ истины, въ коихъ онъ самъ желалъ ихъ увѣришь; а въ *опытныхъ* онъ токмо касался до предлагаемыхъ имъ истинъ.

(****) *Разговоры доказательства*, или *обвиненія*, суть сатирическіе; *разрушительныя* же опредѣлены для опроверженія заблужденій и пороковъ. Смотри жизнь Платона, описанную Дадіемъ. Ст. 125 и 126.

лично болѣе для Комическаго, нежели для Философическаго слога. Нѣкоторыя изъ его разговоровъ суть физическіе, какъ - то *Тимей*; другіе философическіе, какъ - то *Политикъ*, *Кратилъ*, *Парменидъ* и *Софистъ*. Иныя нравоучительныя, какъ - то *Критонъ*, *Федонъ*, *Федръ*, *Пиршество*, *Менексенъ*, *Плитофонъ*, *Письмена*, *Филебъ*, *Иппархъ* и *Соперники*; а иныя Политическіе, какъ - то *Республика*, *Законы*, *Минось*, *Епиномисъ*; и наконецъ *Атлантическій* разговоръ.

Платонъ употреблялъ образъ мечтательской, или убожденной въ обоихъ *Алкивиадахъ*, *Фегесъ*, *Лизисъ* и *Лакъ*; а въ *Епидемъ*, въ обоихъ *Иппияхъ* и *Горгіи* такъ названной разрушительной. И сего довольно сказано о свойствахъ разговоровъ и о ихъ различіи. Но поелику великіе происходятъ споры, содержащъ ли таковыя сочиненія Платоновы въ себѣ нѣкоторое ученіе: то для рѣшенія сего вопроса надлежитъ нѣсколько и о семъ упомянуть.

Догматикомъ называютъ такого человѣка, которой новыя вводитъ ученія, или догматы, такъ какъ и законодательемъ пошъ именуется, которой новыя учреждаетъ законы. Ученіемъ, или догматомъ, прозвано по чувствованію и по мнѣнію, которое человѣкъ объ ономъ имѣетъ. Платонъ нѣкоторыя вещи изъясняетъ какъ настоящія, а другія въ крики какъ ложныя, и не опредѣляетъ того, что ему неизвѣстнымъ кажется. Въ тѣхъ вещахъ, коимъ онъ самъ вѣритъ, приводитъ

Водишь между разговорами чешырехъ особбъ , кои суть : Сократъ , Тимей , одинъ пришлецъ изъ Аеннъ , а другой изъ Елея ; но подъ сими пришлецами не разумѣются Платонъ и Парменидъ , какъ - то нѣкоторые утверждають , но сни суть подложныя лица . Когда Платонъ преподаетъ поученіе , то выводитъ онъ равно на театръ Сократа и Тимея ; когда же онъ опровергаетъ заблужденія , то дѣйствующими особами представляетъ Тразимаха , Калликла , Пола , Горгія , Прошагора , Иппія , Евшидема и другихъ симъ подобныхъ мужей . Въ своихъ разсужденіяхъ дѣлаетъ онъ заключеніе не простое , но нѣсколько умноженное . Заключеніе , или силлогизмъ , есть часть рѣчи , въ которой одна новая истинна въ нѣкоторыя другія включается . Таковое заключеніе , или силлогизмъ , есть двоякаго рода : одинъ выводится изъ противоположеннаго , а другой изъ слѣдствій . Первой есть шопъ , въ коемъ какой бы опвѣтъ вопрошаемой человекъ ни сдѣлалъ , всегда противное тому , что онъ говоритъ , выходитъ . На примѣръ : мой отецъ или не есть шопъ самой человекъ , которой вашъ , или шопъ же самой ; и еслии вашъ отецъ не есть шопъ самой , каковъ мой , то онъ не будетъ отецъ , пошому что онъ иной , нежели отецъ ; не еслии онъ шопъ же самой , что и мой отецъ , то онъ мнѣ будетъ отецъ , пошому что онъ шопъ же самой , что и мой отецъ . Другой примѣръ : еслии человекъ не есть живое , то будетъ онъ или дерево , или камень ; не

поелику онъ ни дерево, ниже камень, ибо оживленъ и имѣетъ произвольное движеніе, то слѣдуетъ изъ того, что онъ живошное. А естли сіе шакъ, и когда быкъ и собака еуть шже живошныя, то человекъ будетъ купно живошное, быкъ и собака. Пашонъ упошреблялъ сіи силлогизмы въ спорахъ не для доказанія истинны, но для опроверженія возраженій. Другой родъ силлогизмовъ состоитъ изъ слѣдшвій, и шже двойкій: въ первомъ дѣлается заключеніе съ частнаго на частное, а въ другомъ съ частнаго на общее. Сей нуженъ для нравоучителей, а шомъ для вишівъ. По первому, на примѣрѣ, спрашивается, учинилъ ли сей человекъ шо убійство, въ коемъ его обвиняютъ? А ша причина, что у него въ шо время были руки окровавлены, есть уже слѣдшвіе, изъ котораго заключають, что онъ убійца. Я сказалъ, что сей родъ силлогизма нуженъ для вишівъ; пошому что риторика ограничивается въ вещахъ партикулярныхъ, а до общихъ не простирается, какъ на примѣрѣ: она не входитъ въ размашриваніе того, что касается до самаго правосудія, но она шокмо изслѣдываетъ справедливыя вещи. Но въ шомъ родѣ силлогизма, кошорой я для нравоучителей почелъ нужнымъ, доказывається общее чрезъ частное, какъ на примѣрѣ въ вопросѣ, безсмертна ли душа и имѣется ли въ мершвыхъ нѣкоторой знакъ жизни? Пашонъ все сіе объясняетъ въ своемъ сочиненіи о *душѣ* общимъ предложеміемъ, что прошивныя изъ прошивныхъ вы-

ходящѣ. А сіе общее предложеніе доказываетъ онѣ частными случаями, какѣ на примѣрѣ, что сонѣ раждася ошѣ бдѣнія, а бдѣніе ошѣ сна: эшо наибольшее происходитъ ошѣ наима-
лѣйшаго, а наима-лѣйшее ошѣ большаго. Сей родѣ силлогизма упо-
треблялъ Платонѣ по-
гда, когда утверждалъ собственное свое мнѣ-
ніе-

Впрочемѣ равно какѣ прежде сего одинѣ хорѣ представлялъ трагедію, пока Тесписѣ не присовокупилъ къ оной для ошдохновенія хо-
ра еще одну дѣйствующую особу, Есхилѣ другую, а Софоклѣ шрешію; ибо симѣ обра-
зомѣ пришла трагедія въ совершенство: шакѣ и философія долгое время проспиралась не да-
лѣе физики, пока Сократѣ не присоединилъ къ ней нравственную науку, а Платонѣ діалектику; и симѣ самимѣ и сія наука при-
ведена въ совершенство.

Фразиллѣ объявляетъ, что онѣ писалъ свои разговоры по примѣру дѣйствующихъ на
Θεσπρѣ лицѣ; ибо сія говорили всѣ свои рѣ-
чи въ стихахѣ. Фразиллѣ объявляетъ, что
число настояще Платономѣ сочиненныхъ раз-
говоровѣ проспирается до 56. Разговорѣ его,
подѣ заглавіемѣ *Республика*, раздѣленѣ на 10
книгѣ, кои почти всѣ находяшя въ книгѣ
Пифагоровой о *противорѣчїяхѣ*, а по мнѣ-
нію Фаворина во II книгѣ его *Исторїи*. Со-
чиненіе же его о Законахѣ изѣ 12 книгѣ со-
стоитъ. Есть еще сверхѣ шого девять по-
мовѣ; а книга о Республикѣ, равнымѣ обра-
замѣ и о Законахѣ, за одну книгу почешься
Часть V. В мо-

можешъ. Въ первомъ томѣ сдѣлано общее
 описаніе всѣхъ заключающихся въ оной раз-
 говоровъ; предложено намѣреніе, побудившее
 Платона писать оное, а именно, чѣмъ по-
 казать, какую философъ жизнь вести дол-
 женъ. Каждую книгу ошличаетъ онъ двойнымъ
 заглавіемъ: одно взято отъ имени попадаю-
 щейся въ оной главной особы, а другое по-
 славлено, смотря по матеріи, которую онъ
 предлагаетъ. И такъ въ первомъ томѣ содер-
 жится Евтиеронъ, или о здравіи, защищеніе
 Сократа, Кришонъ, или по, чѣмъ дѣлать
 должно; Федонъ, или о душѣ, и сіи суть нраво-
 учительные разговоры. Во второмъ Крашилъ,
 или о справедливости именъ, матерія фило-
 софическая; Теспенъ, или о наукѣ; Софистъ,
 или о томъ, чѣмъ есть разговоръ философи-
 ческой; Полишика, или о правленіи, равнымъ
 образомъ разговоръ философической. Въ треть-
 емъ Парменидъ, или о понятіяхъ; Филебъ,
 или о роскоши; пиршество, или о добрѣ; Федръ,
 или о любви, нравоучительные разговоры. Въ
 четвертомъ заключается первой Алкивиадъ, или
 о свойствахъ чловѣка; второй Алкивиадъ, или
 о прозбѣ; Ипархъ, или о корыстолюбіи; со-
 перники, или о философіи, нравоучительной
 разговоръ. Въ пятомъ содержащаяся Феагесъ,
 или о философіи; Кармидъ, или о храбрости;
 Лизисъ, или о дружбѣ. Въ шестомъ Евпидемъ,
 или споритель, разговоръ такъ названной
 разрушительной. Протагоръ, или Софисты;
 Горгій, или о риторикѣ; Мемнонъ, или о до-
 бродѣтели. Въ седьмомъ находящаяся два Ип-
 пія,

пій, изъ коихъ въ первомъ разсуждается о чесномъ, а во второмъ о лжи; *Фонъ*, или о *Илиадъ*; *Менексъ*, или *Епишафій*. Въ осьмомъ *Клишофонъ*, или *совѣщатель*, разговоръ нравоучительной; о *Республикѣ*, или о правосудіи, политическое разсужденіе; *Тимей*, или о естествѣ, физической; а *Кришій*, или *Ашланшинъ*, нравоучительные разговоры. На послѣдокъ въ девятомъ обрѣщается *Миной*, или о *законѣ*; *Законы*, или о способѣ оныя дѣлать; *Епиномей*, или *ночное собраніе*, иначе философъ названной. Всѣ сіи разговоры суть политическіе.

Отъ *Платона* имѣется еще тринадцать нравоучительныхъ писемъ, подъ надписью *Добрая жизнь*, вмѣсто того, что *Епикуръ* надъ своими письмами поставилъ заглавіе: *Щастіе*, а *Клеонъ Спасеніе*. Одно изъ сихъ писемъ писано къ *Арисподему*, два къ *Архишу*, четыре къ *Діонисію*, одно къ *Ермію*, *Ераспу* и *Кориску*; одно къ *Леодомасу*, одно къ *Діону*, одно къ *Пердиккѣ* и два къ друзьямъ *Діоновымъ*. Сіе-то есть раздѣленіе всѣхъ сочиненій *Платоновыхъ*, по мнѣнію *Фразилла* и многихъ другихъ писателей.

Но нѣкоторыя, между коими есть также и *Аристофанъ Грамматикъ*, раздѣляютъ *Платоновы* разговоры на трилоги (*), полагая въ первомъ *республику*, *Тимей*, *Кришилъ*; во второмъ *Софиста*, *Политику*, *Крашила*; въ третьемъ *Законы*, *Миной*, *Епиномей*; въ четвертомъ *Теша*, *Евшифрона*, *Защищеніе Сократа*;

(*) Книги, въ коихъ три сочиненія содежались.

а въ пятомъ Федонъ, Кришонъ и Письмена. Прочія сочиненія распорядяюшъ они одно за другимъ безъ всякаго порядка. Нѣкошорые, какъ мы уже упомянули, начинаюшъ счисляшъ сочиненія Плашоновы съ Республики, другіе съ перваго Алкивіада, или съ Теагеса, Евшифрона, Клишофона, Тимея, Федра, Теша и наконецъ съ Защищенія Сократа.

Слѣдующія же сочиненія, кои Плашону приписуюшся, не должно почишашъ насшояще ошъ него изданными: Мидона, или Иппосшрофа; Ериксія, или Еразисшраша, Алкіона, Акефала, или Сизифа, Аксіона, Фекка, Демодокка, Хелидона, шакъ названное сочиненіе Недбля и Епименида. Фаворинъ въ V книгѣ своихъ *комментарій* объявляешъ, что Алкіонъ сочиненъ извѣстнымъ Леоншомъ.

Плашонъ съ умыслу принималъ различныя имена, дабы неученые люди съ шрудомъ могли разумѣшъ его сочиненія. Онъ думалъ, что премудростъ собшвенно состоишъ въ познаніи вещей душевныхъ и дѣйшвишельно существующихъ, какъ-шо ешъ Богъ и душа, съ шѣломъ разлученная. Когда онъ принимаетъ слово *премудростъ* въ собшвенномъ своемъ смыслѣ, шо онъ разумѣшъ чрезъ шо философію, какъ будшо бы оно было желаніе Божешвенныя премудрости; но въ простомъ означеніи присоединяешъ онъ слово *премудростъ* къ различнымъ дарованіямъ, на примѣръ, называя какого нибудь художника мудрымъ. Часто употребляешъ онъ одинаковыя слова для означенія различныхъ вещей, на

при-

примѣръ: вмѣсто слова *простой* поставяешь онъ слово *неразипой*, по образу Еврипида, копорой, говоря о Ираклѣ въ книгѣ своей подъ заглавіемъ *Ликимній*, пишешь, что онъ *неразипъ* (*простъ*) *безъ украшенія, и токмо тпорити добро помышляетъ, полагая всю премудрость въ дѣянїяхъ, и не примѣщая краснорѣчія въ свои разгпоры.* Платонъ употребляетъ сіе самое слово иногда для означенія того, что хорошо, а иногда для изображенія малой какой нибудь вещи. Онъ даетъ одно знаменованіе различнымъ словамъ, называя понятіе, родъ, образецъ, начало и дѣло. Онъ также для изъясненія той же самой вещи употребляетъ совсѣмъ пропивныя слова, какъ на примѣръ: когда онъ къ чувствственнымъ вещамъ присоединяетъ слова, бышіе и небышіе, говоря, что то, что чувственно, существуетъ, смотря по тому, что оно произведено на свѣтъ; и не существуетъ, поелику непрестаннымъ подвержено переменамъ. И когда онъ говоритъ, что понятіе не есть ни двигающаяся, ниже въ спокойствїи пребывающая вещь, но что она есть ша же самая, что она есть одинакая и что она есть многоразличная. Таковой родъ писанія Платона примѣчается въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій.

Его сочиненія пребываютъ шроякаго изъясненія: во первыхъ, надлежитъ смотрѣть на то, что онъ говоритъ; во вторыхъ, говоритъ ли онъ то въ томъ намѣренїи, чтобы достигнуть желаннаго предмета, или посред-

ствомъ уравненія, и для утвержденія нѣко-
торыхъ истиннѣ, или для опроверженія нѣко-
торыхъ возраженій; а върешьихъ, раз-
умѣешь ли онѣ почно пакѣ, какѣ пишешь.

Послику въ различныхъ мѣстахъ Пла-
тоновыхъ сочиненій обрѣтающяся извѣстные
знаки, шо пошребно, чшобы и онымѣ учине-
но было изъясненіе. Выраженія и фигуры,
упошребляемыя Платоновыми послѣдователя-
ми, означающяся X двѣ линѣчки = доказы-
ваетѣ особенныя преданія и мнѣнія Платона.
Образѣ говорить и красота въ словѣ означаеш-
ся .X. между двумя почками. Фигура $\sum$ пока-
зываетѣ мѣста, нѣкошорыми писателями ис-
правленныя; а сія фигура $\div$ бесполезныя
вещи означаешѣ; фигура $\cdot$) . показываешѣ шѣ
мѣста, коихъ порядокъ перемѣнишь должно и
шѣ, кои двоякое знаменованіе получишь мо-
гушь. Сія же пакѣ названная *молніею* фи-
гура ∇ порядокъ и связь философическихъ
истиннѣ; звѣзда $\square$: поняшія, между собою
сходшвенныя; а значекѣ — опровергаемыя
вещи означаешѣ.

И пакѣ теперь все шо предложено, чо
касаетѣ до числа книгъ Платоновыхъ и до
знаковъ, въ оныхъ примѣчаемыхъ. Апшигонѣ
изѣ Керисшы въ своемѣ сочиненіи о Зенонѣ го-
ворить, чо послѣ изданія сихъ книгъ шѣ, кои
жощли знашь содержаніе оныхъ, плашили за
оныя деньги шѣмѣ, у коихъ они находились.

Чшо же надлежитѣ до его размышленій,
шо онѣ вѣрилѣ, чо душа естѣ безсмертна,

и что она облечена во многія шѣлеса; что она имѣетъ одно численное, а шѣло одно измѣримое, или геометрическое начало; душу опредѣлялъ онъ шакъ, что она есть помяше разума, повсюду раздѣленнаго (*), и думалъ, что она сама есть начало своего движенія. Онъ ее раздѣлялъ на три части, полагая разумную часть въ головѣ, гнѣвную въ сердцѣ, а возжелательную въ печенкѣ. Онъ говорилъ, что она съ половины шѣла вокругъ его обнимаетъ; что она состоитъ изъ сшихъ и раздѣлена равными промежутками, въ кошорыхъ она соспавляетъ два соединенные круга, коего внутренность, раздѣленная на шесть другихъ, всего семь шаровъ содѣлываетъ.

Онъ поспавлялъ сей кругъ въ лѣвой сторонѣ внутри вдоль по діаметру, а другой подѣ онаго съ правой, полагая его славнѣйшимъ, поелику онъ одинаковъ, вмѣсто того, что первой внутри раздѣленъ. Онъ утверждалъ, что одинакой шаръ есть вещественнаго, а раздѣленной душевнаго свойства, называя первой движеніемъ души, а послѣдній движеніемъ міра и блудящихъ звѣздъ. (**)

В 4

при

(*) То есть одна часть, или произведеніе души, свѣта; прочее же все весьма темно писано.

(**) Я не знаю, должно ли подѣ сими двумя кругами разумѣть оба движенія души, какое признавали послѣдователи Платоновой секты. Первое есть то, по коему она сама собою движется и кошорое съ душевными частями сношеніе имѣетъ; а другое есть то, коимъ она движетъ шѣло, и кошорое

присовокупляя, что когда сіе раздѣленіе съ самой середины естъ шаково, что оно при концахъ соединяется, то душа и понимаетъ вещи и ихъ сопрягаетъ, пошому что въ ней самой естъ сходство стихій. Сіе знаніе бываетъ тогда простымъ шокмо мнѣніемъ, когда оно приобретается чрезъ возвышеніе шото круга, кошорой вещественное свойство имѣетъ; а наукою становишся тогда, когда получается посредствомъ душевное свойство имѣющаго шара.

Онъ всѣмъ вещамъ полагалъ два начала: *Бога и шещестпо*. Перваго называлъ онъ шакже *духомъ* и *причиною*, а вещество опредѣлялъ шакъ, что оно естъ безобразная и безконечная громада, или куча, изъ коей сложенныя существа происходятъ. Прежде вѣкъ, говоришъ онъ, двигалась она безъ всякаго порядка; но Богъ, разсудивъ, что порядокъ лучше смѣшенія, собралъ оную во едино мѣсто. Ея существо перемѣняется въ чешыре стихій, кои суть огонь, вода, воздухъ и земля, и изъ коихъ состоишъ самой міръ и все шо, что въ ономъ заключается. Единая земля болѣе премѣненія не имѣетъ, а причиною сего полагаешъ онъ различіе, какое имѣется между фигурою шѣхъ часницъ, изъ коихъ она сложена, и между часшицами другихъ
спи-

рое до чувственныхъ вещей принадлежитъ. Мнѣ кажется, что они почитали сіе шпорое движеніе произведеніемъ отъ душевнаго. Смощри Плутарковыя сочиненія о движеніи боковомъ и діаметральномъ
ер. 27. С.

спихій, кои всѣ единообразны, заключаая въ сосшавѣ продолговатой приугольникѣ. Часпицы земли имѣющѣ особенной свой видѣ, часпицы же огня сушь на подобіе пирамиды; часпицы воздуха имѣющѣ осмиспоронную фигуру, а часпицы воды дващцаць боковѣ въ себѣ заключающѣ; земляныя же имѣющѣ кубической видѣ. И сіе бываешѣ причиною того, что земля въ другихѣ спихіяхѣ не премѣняешся, и что сіи шакже не могушѣ превращишь въ землю. Онѣ не имѣющѣ каждая особенное свое положеніе; пошому что окружность, сжимающая ихѣ и понуждающая спремись къ срединѣ, малыя часпи соединяешѣ, а большія опдѣляешѣ, шакѣ что за перемѣною вида послѣдуешѣ шакже и перемѣна мѣста.

Онѣ думалѣ, что все вообще сосшавляешѣ часть одного свѣша, и что чувственней свѣшѣ ешѣ шакже созданіе Бога, кошорый ему даровалѣ душу; посліку свѣшѣ, одаренной душою, гораздо славнѣе того, кошорой оныя не имѣешѣ. Онѣ утверждалѣ еще, что одинѣ шокмо мірѣ, а безконечныхѣ свѣшовѣ совсѣмѣ нѣшѣ; пошому что шотѣ образецѣ, по кошорому онѣ сдѣланѣ, одинаковѣ; и думалѣ, что мірѣ имѣешѣ сферическую фигуру, посліку Зиждипель онаго подобной видѣ имѣешѣ (*), и что когда свѣшѣ заключаешѣ въ се-

(*) Исакѣ Казавбонѣ приводишѣ въ примѣрѣ мѣсто изѣ Прокла, доказывающее, что сіе должно разумѣшѣ о сходствѣ между сферическимѣ видомѣ и движеніемѣ мыслей.

бѣ всѣ прочія живошныя, шо и сферическая фигура заключаешѣ въ себѣ всѣ прочіе виды. Онѣ почиталѣ его легкимѣ и безѣ всякихѣ подпорѣ; поелику свѣшѣ въ оныхѣ нужды не имѣшѣ. Думалѣ также, что свѣшѣ повредишья не можешѣ; пошому что Богѣ его не разрушишѣ (*), кошорый ешѣ первой всѣхѣ вещей происхожденія Виновникѣ: ибо Онѣ имѣшѣ свойство оказывашѣ благодѣянія; что небеса должны бышѣ произведены ошѣ славнѣйшей причины, поелику шо, что всего прекраснѣе, должно произойти ошѣ прекраснѣйшаго, что и ешѣ Богѣ; и что небеса сдѣланы по подобію шого, что всего наилучше: ибо онѣ преизящнѣе всѣхѣ въ свѣшѣ вещей; а изѣ сего слѣдуешѣ, что онѣ не походятѣ на созданное существо, но на самага Бога.

Илашонѣ говорилѣ, что мірѣ состоишѣ изѣ огня, воды, воздуха и земли. Изѣ огня состоишѣ для шого, чтобы онѣ былѣ видимѣ; изѣ земли для шого, чтобы онѣ былѣ швердѣ; а изѣ воды и воздуха для шого сосшавленѣ, чтобы онѣ находился въ равновѣсіи; пошому что напряженія швердыхѣ шѣлѣ сущѣ пропорціональны между собою, помощію сихѣ двухѣ посредшвенниковѣ, служащихѣ къ соединенію всего. Наконецѣ всѣ сіи стихіи вмѣешѣ дѣлаюшѣ мірѣ совершеннымѣ и безвреднымѣ.

По

(*) Исаакѣ Казавбоцѣ также изѣясняетѣ и сіе мѣсто, основывая свое мнѣніе на сочиненіяхѣ Плу-тарха.

По мнѣнію сего философа, было произведено также и время, которое естъ нѣкоторой образъ вѣчности. Сія же всегда пребываетъ, напрошивъ того время происходишь онъ нѣкотораго движенія небесъ; и что дни, ночи, мѣсяцы и прочія подобныя раздѣленія, сушь часни времени, такъ что безъ сихъ обстоятельствъ міра не было бы и времени; словомъ, что міръ и время вмѣстѣ существуютъ. Онъ почиталъ при томъ, что солнце, луна и звѣзды были созданы для того, чтобы произвель время; что Богъ возжегъ лучи солнечные для опредѣленія часовъ и для поданія о семъ животному свѣдѣнія, что луна непосредственно находится надъ землею, солнце надъ луною, а звѣзды надъ солнцемъ. Онъ признавалъ свѣтъ оживленнымъ для того, что онъ сопряженъ вмѣстѣ съ движеніемъ оживленнымъ, и говорилъ, что прочія животныя сотворены для того, чтобы міръ былъ совершеннѣе и подобенъ разумному животному; что когда земля заключаетъ въ себѣ животныхъ, то и на небѣ подобныя также обрѣщаются; что боги наиболѣе состоятъ изъ огненнаго существа, а прочія животныя изъ прехъ родовъ: лешучихъ, водяныхъ и земляныхъ. Онъ разсуждалъ, что земля гораздо древнѣе тѣхъ боговъ, кои на небесахъ находясь; что она была сотворена для произведенія дней и ночей, и находясь посреди міра, движется около середины онаго. Думалъ также, что посліку при швореніи двѣ причины были, шо и хо-

дяшся и такія вещи, изъ коихъ однѣ дѣлающ- ся съ разсужденіемъ, а другія по необходи- мости. Въ число сихъ полагалъ онъ воздухъ, огонь, землю и воду, кои, собственно говоря, не суть стихіи, но свойственны шокмо оны- ми учинишься; ибо сосшояли изъ составлен- ныхъ шріугольниковъ, въ коихъ они распу- скающся. Онъ полагалъ, что начало стихій есть продолговатой и равнобедренной шрі- угольникъ.

И шакъ онъ ушвердилъ два начала и двѣ причины, о коихъ мы говорили, въ коихъ онъ полагалъ Бога и вещество образцемъ, ко- торой непремѣнно на себѣ никакого виду имѣшь не долженъ: равно какъ и въ сходствѣ другихъ вещей, кои получаютъ приличныя имъ свойства. Причина же, кошорая ихъ про- изводитъ, производитъ по необходимости; ибо она раждаетъ шѣ существа, о коихъ по- лучаешъ понятія, и будучи приведена въ дви- женіе различными дѣйствіями управляющей ею силы, прошивишь своимъ движеніемъ шѣмъ вещамъ, съ коими сообщеніе имѣешъ. Въ началѣ міра двигались сіи причины безъ всякаго порядка и правила; но когда онъ на- чали составлять свѣшъ посредствомъ даро- ванной имъ ошъ Бога нужной къ шому спо- собности, шѣ получили порядокъ и согласіе; ибо прежде шворенія міра были двѣ причины, да еще шрешіе произведеніе, кои всѣ скрыш- но содержались, и не прежде пришли въ поря- докъ, пока не созданъ былъ свѣшъ.

Плашонъ думалъ, что небо было сошво-
рено изъ соединенія всѣхъ шѣхъ, и что Богъ
шѣла не имѣетъ, равно и душа; а онъ сего
самаго происхожденія, что Онъ никоимъ обра-
зомъ поврежденъ бытъ не можешь. Что ка-
сается до понятий, то онъ ихъ почишалъ,
какъ мы уже о томъ объявили, началами и
причинами, содѣлывающими то, что вещи
по своей природѣ суть таковы, каковы онъ
суть.

Что касается до добра и зла, то онъ
почишалъ, что человекъ долженъ имѣть ко-
нечнымъ для себя предметомъ то, чтобы
сдѣлаться Богу подобнымъ; что одна добро-
дѣтель щастіе его содѣлать можешь; но что
и другія блага ему потребны, какъ-то: сила,
здравіе, хорошее чувствъ расположеніе и про-
чія шѣлесныя выгоды, также и богатство,
знаменности и слава, и что хотя мудрой и
не имѣетъ сихъ благъ, однако онъ всегда
живетъ благополучнымъ. Онъ думалъ, что
мудрой человекъ можешь вступитъ въ дѣла,
до правленія касающіяся; что онъ долженъ
бытъ женошымъ и свято хранить учрежден-
ные при томъ обряды, доставлять всевозмож-
ную шечеству пользу, и утверждать свое
состояніе добрымъ поведеніемъ, развѣ когда
онъ предвидитъ, что испорченные нравы пу-
блики уничтожатъ всѣ его добрыя намѣ-
ренія.

Онъ думалъ, что боги видятъ дѣянія
людей; что они бдятъ о сохраненіи вещей
сего свѣта, и что они суть чистые духи.

Онѣ говаривалѣ, что честное не отлично отъ того, что похвальнымѣ, разумнымѣ, полезнымѣ, хорошимѣ и приличнымѣ почитается; пошому что все сіе служилѣ къ изъясненію того, что опредѣлено природою и разумомѣ.

Онѣ писалѣ о именахѣ вещей, и изобрѣлѣ науку вопрошашѣ и давалѣ отвѣшы, кошорую самѣ много употреблялѣ. Въ разговорахѣ его примѣчается, что онѣ подѣ правошою разумѣлѣ законѣ боговѣ, усшановленной съ шѣмѣ, чтобы болѣе уговорилѣ людей, дабы они поступали по честности; ибо когда они въ прошивность правошѣ поступашѣ будущѣ, шо имѣютѣ опасашѣся, дабы послѣ смерти не бышѣ наказанными. При семѣ случаѣ назвали его также баснословнымѣ; поелику онѣ, хошя и не вѣдалѣ того, что въ другомѣ свѣшѣ происходило, однако вмѣшивалѣ въ свои сочиненія нѣкошорыя спранныя повѣспованія для усшрашенія людей и для воздержанія ихѣ отѣ нарушенія законовѣ. И вошѣ въ чемѣ состояло его ученіе:

По мнѣнію Аристѣшеля, раздѣлялѣ онѣ жизненное добро на душевное, шѣлесное и внѣшнее. Кѣ первому причислешѣ онѣ правосудіе, благоразуміе, великодушіе, воздержаніе и прочія сего рода добродѣтели. Во второмѣ полагаешѣ онѣ красосу, пріятной видѣ и силу; а въ шрешемѣ посшавляешѣ друзей, благососшояніе ошечесшва и богашешшва.

Онѣ раздѣлялъ дружбу на три рода: на естественную, общественную и госпеприимственную. Естественную дружбу означаетъ ша нѣжность, которую ошцы и матери ко своимъ дѣшямъ имѣють, и ша склонность, кошорая побуждаешъ даже и самыхъ живонныхъ любить другъ друга. Общественная дружба, никакимъ кровнымъ союзомъ несопряженная, раждаешся ошѣ обхожденій, каковад была между Пиладомъ и Орешомъ. Госпеприимственная дружба ешъ нѣкошорая привязанность, кошорая дѣлаешся кѣ шѣмъ особамъ, коихъ или самъ кѣ себѣ въ домъ принимаешъ, или ошѣ нихъ бываешъ приедемъ, или чрезъ письма, или чрезъ поручишельства. Кѣ симъ шремъ родамъ дружбы присовокупляють еще нѣкошорые чешвертой, а именно шотъ, кошорой ошѣ любви раждаешся.

Онѣ раздѣляешъ гражданское правленіе на пять часшей: на Демокрашическое, Аристокрашическое, Олигархическое, Монархическое и Тиранническое. Демокрашическое имѣешъ мѣсто въ городахъ, гдѣ народъ управляешъ, избираешъ правишельство и законы учреждаешъ. Аристокрашическое ешъ шо, гдѣ ни богашые, ни бѣдные, ни знашные, ниже другіе славу себѣ приобрѣшшіе люди имѣють правленіе; но найдобродѣшельнѣйшіе изо всѣхъ люди владычешвують. Олигархическое ешъ, когда богашые въ меньшемъ числѣ, нежели бѣдные, избирають правишельство. Монархическое ешъ двояко: первое основываешся на законахъ, какъ шо Картагенское; а другое на знатно-

ши;

сти, какъ - то Лакедемонское и Македонское, гдѣ наслѣдники отъ племени Государя получаютъ пресполъ купно съ правленіемъ государства. А Тираническимъ называется то, когда народъ получаетъ законы отъ такого, который хитросшію, или насиліемъ получилъ правленіе.

Платонъ полагалъ три рода правосудія: одинъ въ разсужденіи боговъ, другой въ разсужденіи людей, а третій въ разсужденіи мершвыхъ. Приносишь жертвы по учрежденнымъ обычаямъ и почишашъ священныя вещи, значишь воздавашъ богамъ досподолжное почтеніе. Возвращашъ ближнему данную подъ закладъ вещь, есть дѣйствіе правосудія въ разсужденіи общества. Присупсшвовашъ при похоронахъ умершихъ и почишашъ ихъ могилы, означаетъ прешью часть правосудія.

Науку поставляешъ онъ проякаго рода: первая называется пракшическая, или дѣятельная, и есть та, кашорая предметомъ имѣешъ дѣйствіе. Другая, кашорой предлогъ есть слѣдствіе онаго дѣйствія, именуется дѣйствующею; а третія, до умсшвованія касающаяся, имѣешъ названіе теоретической. На примѣръ, наука строишь домъ, или дѣлаешъ корабль, принадлежишь до дѣйствія; поелику мы видимъ, что изъ сего шруда выходишь зданіе, или судно. Напротивъ того знаніе управляешъ кораблемъ, искусство играшь на флейшъ, на лютни и на другомъ музыкальномъ инструментахъ, относится къ пракшической; для того что по окончаніи дѣла ничего такого не

оста-

остається, что бы глазомъ усмотрѣшь было можно, и что все то пребываетъ въ самомъ дѣйствіи, управляешь кораблемъ, или играешь на какомъ инструментѣ. Что касается до Геометріи, Музыки и Астрологіи, то онѣ происекающъ отъ разумѣнія, не имѣя ни дѣйствія, ниже слѣдствія отъ дѣйствія. Геометръ разматриваетъ сходство между линиями, музыкантъ разсуждаетъ о согласіи голосовъ, а звѣздочетъ упражняется въ осматриваніи неба и звѣздъ.

Плашонъ полагалъ пять часней во врачевой наукѣ: Фармакевтическую, Хирургическую, Діетическую, Носогномическую и Боешическую. Фармакевтическую называется та часть врачевой науки, которая посредствомъ лѣкарствъ здравіе возстановляетъ. Хирургическую именуется та, которая посредствомъ дѣйствій руками изцѣляетъ болящаго. Въ Діетической заключается воздержаніе отъ пищи. Носогномическая есть познаніе болѣзней, сопряженное съ искусствомъ; а Боешическая есть внезапное отъ болѣзней излеченіе посредствомъ особенныхъ лѣкарствъ.

Въ своемъ отдѣленіи о Законахъ разумѣешь онѣ чрезъ написанной законъ гражданское правленіе; а чрезъ ненаписанной то, на примѣръ, отвращеніе, которое внушаетъ природа и обычай, дабы не предшавлялась нагимъ предъ публикою, или въ женскомъ одѣянніи; ибо хотя никакой написанной законъ дѣлать сего не запрещаетъ, однако естественной вшайнѣ возбраняетъ.

Онѣ устанавилъ пять родовъ въ разгово-
рѣ, или рѣчи. *Политическими* разговорами, или
рѣчьми назвалъ онѣ шѣ, какія говорящѣ лю-
ди, публичныя должности опправляющіе, предѣ
народомѣ. *Риторическими* наименовалъ шѣ,
какія вишіи упошребляющѣ въ своихѣ дово-
дахѣ, когда они или кого выхваляющѣ, или
поносящѣ, или обвиняющѣ. Третьій родѣ,
упошребляемый въ приватныхѣ разговорахѣ,
прозванъ *Идіотическимѣ*. Четвершой, соспо-
щій въ разсужденіяхѣ посредствомѣ вопросовѣ
и отвѣшовѣ, имѣетѣ названіе *Діалектиче-
ской*; а пяшой, состоящій въ разговорахѣ нѣ-
кошорыхѣ художниковѣ, когда они о своемѣ
ремеслѣ разсуждающѣ, проименованъ *Техни-
ческимѣ*.

Онѣ числилъ три рода въ музыкѣ: пер-
вой имѣетѣ свое дѣйствіе посредствомѣ голо-
са, что пѣніемѣ именуется; другой посред-
ствомѣ нѣкошораго инструмента, голосомѣ со-
провождаемаго; третій посредствомѣ однихѣ
инструментовѣ и безѣ пѣнія.

Шляхетство въ чешырехѣ заключалъ онѣ
видахѣ, и почисалъ знатными вопервыхѣ
шѣхѣ, коихѣ предки изѣявили знаки чесшно-
сти, храбрости и правосы; вочшорыхѣ шѣхѣ,
кои ведутѣ свое поколѣніе отѣ Государей и
великихѣ мужей; впрешьихѣ шѣхѣ, коихѣ
предки прославили свое имя одержанными на
войнѣ побѣдами и вѣнцами на играхѣ; а
вчетвертыхѣ шѣхѣ, кои опличающѣ себя сво-
имѣ великодушіемѣ, и кои посредствомѣ до-
брыхѣ

брыхъ своихъ качествъ взошли на верхъ чести и достоинства.

Онъ также числилъ при рода красотъ: одна внѣшняя, какъ то на лицѣ; другую полагалъ онъ въ хорошо убранномъ домѣ; а послѣднюю, споль же выгодную, какъ и первую, во изученіи законовъ, ко благу общества клонящихся.

Свойство души раздѣлялъ онъ на три части: на разумное, возжелательное и гнѣвное, приписывая къ разумной части мысли, предпріяшя, разсужденія, совѣты и прочія дѣйствія разума; къ возжелательной позывъ къ пищѣ, плошкое увеселеніе и то, что еще къ онымъ опносятся; а ко гнѣвной причислялъ онъ безопасность, роскошь, болѣзнь и гнѣвъ.

Онъ полагалъ чешыре рода совершенной добродѣтели, а именно: благоразуміе, правосудіе, силу и воздержаніе. Благоразуміе производилъ то, что человекъ во всемъ поспушаетъ такъ, какъ долженъ; правосудіе препятшвуешъ, что въ гражданскомъ обществѣ права въ ненарушимости сохраняются; сила ободряешъ человека, дабы онъ, не взирая на страхъ и опасности, поспоянно исполнялъ предпріяшя имъ намѣренія; воздержаніе укрощаетъ спрасши, и не допускаешъ роскоши побѣждать человека, но сохраняешъ его въ предѣлахъ порядочной жизни.

Различные роды правленія раздѣлялъ еще на пять родовъ, а именно: на законное, естешвенное, обычайное, наслѣдшвенное и насильшвенное, или тиранническое. Правле-

ніе бываетъ тогда законно, когда избранной народомъ для правленія человекъ управляетъ по правиламъ законовъ. Естественной тогда, когда по примѣру превосходства, дарованнаго мужчинамъ отъ природы надъ женщинами, правленіе поручается мужескому полу. Обычайное правленіе состоитъ во власти, которую наставники и учителя въ разсужденіи учениковъ своихъ имѣютъ. Наслѣдственное же состоитъ въ томъ, когда правленіе отъ предшественника въ руки другаго переходитъ, какъ - то во употребленіи бываетъ у Лакедемонскихъ Государей и у владѣтелей Македонскихъ, кои по силѣ законовъ по наслѣдству престолъ получаютъ. На послѣдокъ тиранническое правленіе есть то, когда сила преодолеваетъ разумъ, и когда сей силѣ принужденно покоряется.

Плашонъ шесть частей въ Риторикѣ полагаетъ. Онъ называется *сообщительною* такую рѣчь, въ которой высія понуждаетъ слушателей предпринимать войну, или подавать кому нибудь помощь противу непріятеля. *Отсообщительною* почищаетъ онъ ту, когда ораторъ вмѣсто предложенія вышеупомянутыхъ предпріятій посредственную сторону держитъ. *Обвинительною*, естли онъ представляетъ обиду, сдѣланную одной стороной, и вредъ, претерпѣнной другою. *Защитительною*, естли предлагающія доводы, что права совсѣмъ не нарушены, и что ни въ чемъ не поступлено въ противность разума. *Похвалительною*, когда высія шокмо доброе говоритъ. *Охулительною*, когда онъ пред-

составляешь стыдъ и слѣдствія худаго дѣйствія. Къ сему раздѣленію присовокупляешь онъ еще четыре наблюденія въ разсужденіи рѣчи : во первыхъ , надобно разсмотрѣшь и подумаешь о томъ , что говоришь должно ; во вторыхъ , сколько говоришь прилично и пошребно ; втретьихъ , съ кѣмъ ты говоришь ; а наконецъ вчетвертыхъ , кспашъ ли ты говоришь. Надобно говорить о вещахъ , равно полезныхъ какъ тому , кошорой оныя предлагаешь , такъ и тому , кошорой ихъ слушаешь ; при томъ говоришь столько , сколько нужно : ни весьма много , ниже мало. Изреченія употребляешь приличныя лѣшамъ слушателей ; оспорожно поступаешь съ шѣми стариками , кои упорно споятъ во своемъ мнѣніи , а съ молодыми людьми говоришь посшояннымъ голосомъ. Естьли же кто не наблюдаетъ сихъ правилъ , шотъ легко впадаетъ въ погрѣшенія.

Онъ полагалъ четыре различные способа услуживать , а именно : своими деньгами , своею особою , своими дарованіями , и наконецъ своими словами , или разговорами. Человѣкъ можешь оказать услугу своими деньгами шогда , когда онъ подаетъ оныя бѣднымъ. Своею особою въ шо время , когда взаимно защищаешь другъ друга , и когда онъ избавляетъ кого нибудь изъ рукъ непріятельскихъ. Своими дарованіями шогда услуживаешь , когда онъ подаетъ насшавленія незнающимъ людямъ ; или когда досшавляешь своимъ знаніемъ болящему исцѣленіе. Наконецъ своими

словами, когда обвиняемого въ судѣ чловѣка оправдаешъ.

Онѣ сполько же различныхъ родовъ полагаешъ въ *концѣ*. *Конецъ установленія*, когда издаешъ повелѣніе въ шѣхъ мысляхъ, что оно впредь будетъ имѣшь силу закона; *естественной конецъ*, на пр. когда проходяшъ дни и годы; *конецъ искусства*, когда сироеніе окончано, или когда корабль совсѣмъ совершенъ; а *конецъ случая*, когда приключишся какое нибудь неожиданное произшествіе.

Равнымъ образомъ раздѣляешъ онѣ *силу*, или *возможность*, на чешыре рода: первой состоишъ въ способности, которую мы имѣемъ, думаешъ и разсуждаешъ; второй въ способности двигаешъ наше шѣло, ходишъ, даваешъ, принимаешъ и другія дѣлаешъ подобныя симъ дѣйствія; третій во изобиліи какъ скота, такъ и денегъ; четвертой въ дѣланіи добра и въ прешерпѣніи зла; поелику мы можемъ сдѣлатьса разумными, больными, обезслабленными, здоровыми и проч.

Припомъ Плашонъ при шокмо примѣчаешъ знака въ учпивсшѣ: первой состоишъ въ поздравленіи другѣ друга, когда встрѣчающся; другой въ оказываніи добрыхъ услугъ шѣмъ, кои въ оныхъ нужду имѣющъ; а третій въ принятіи благосклонно друзей своихъ.

Онѣ полагаешъ различныя степеніи благополучія: первая есть, чтобы знаешъ управляешъ себя добропорядочно; другая, чтобы имѣшь всѣ чувствя здравія, и припомъ наслаждаешся здравіемъ; третія, получаешъ ус-

успѣхъ въ своихъ намѣреніяхъ; четвертая, превосходишь другихъ въ довѣренности у народа и въ щастіи; пятая, имѣшь все нужное для жизни. Добрые совѣты, коимъ обыкновенно послѣдуюшь, раждающся отъ знанія, понятиливости и опытовъ. Доброе расположение чувствъ зависить отъ добраго состава шѣла, то есть, чтобъ острый былъ взоръ, чуткой слухъ, нѣжное обоняніе и тонкой вкусъ. Добрые успѣхи раждающся отъ мудрости въ предпріятіяхъ и отъ бодрости, съ какою оныя исполняющся. Добрая о насъ слава происходитъ отъ добраго мнѣнія, которое люди о нашей честности имѣюшь. Ибоиліе есть великое собраніе имѣнія, изъ коихъ одна часть употребляется на собственныя свои нужды, а другая остается для друзей своихъ. Кто всѣми сими выгодами наслаждается, тотъ можешь сказать, что онъ совершенно щастливъ.

Художества раздѣляетъ онъ на три класса; въ первомъ полагаетъ онъ шѣ, кои состоятъ въ очищеніи желѣза и прочихъ металловъ, въ рѣзаніи и въ приуготовленіи веществъ. Во второмъ шѣ, кои состоятъ въ дѣланіи оружія и музыкальных инструментовъ. Первые изготовляются изъ желѣза посредствомъ оружейныхъ кузнецовъ, а послѣднія изъ дерева посредствомъ художниковъ. Къ шретьему причисляетъ онъ художества, состоящія въ употребленіи ихъ рукодѣлій, на примѣръ: вдушіе на лошадахъ верьхами въ пользу свою употребляютъ муш-

шукъ, солдашы мечи, а музыканшы инстру-
меншы.

Плашонъ раздѣлялъ добро на чешыре ро-
да: вопервыхъ, говоривъ онъ, называемъ
мы добрымъ челоувкомъ шого, кошорой жи-
вешъ по правиламъ добродѣтели; вовпорыхъ,
даемъ мы названіе добраго самой добродѣтели
и правосудію; впрешьнихъ, именуемъ мы шако и
нищу, упражненіе шѣла и лѣкарства; вчеш-
верныхъ, согласіе инструменшовъ, спихопвор-
ное искусство, комическое и прочія подобныя
симъ вещи. Имѣюща сверьхъ шого еще нѣко-
порыя вещи, кои мы опредѣляемъ хорошими,
худыми и посредшвенными. Худыми назы-
вающа шѣ, кои всегда вредны, какъ-шо не-
воздержаніе, глупость, несправедливість и
другія подобныя симъ шрасши. Добрыми
означаемъ шѣ, кои полезны; а посредшвен-
ными, кои ни полезны, ни вредны.

Онъ полагаешъ доброе правленіе въ шрехъ
вещахъ: когда законы основаны на разсудкѣ;
когда народъ онымъ покаряешъ, и когда обы-
чай и правила награждающъ недосщашокъ за-
коновъ. Ешъ шолико же испочниковъ и зла-
го правленія, а именно: когда законы беспо-
лезны какъ жишелямъ шой земли, въ коей они
учреждены: такъ и чужештраннымъ, когда они
безъ наказанія нарушающа, и когда нѣшъ за-
кона, а шокмо единая продержосшь управляешъ.

Онъ различаешъ и прошивуположенныя ве-
щи шроякимъ образомъ: вопервыхъ прошивупо-
ложность добра и зла, какъ-шо правосудія и не-
правосудія, премудрости и глупости и прочихъ

вещей. Вотшорыхъ, прошивуположность двухъ золъ, какъ-шо на примѣрѣ, распоченіе имѣнія и скупость, свирѣпыя строгости и чрезмѣрныя пошачки. На послѣдокъ, прошивуположность легкаго и тяжелаго, медлительнаго и скорого, бѣлаго и чернаго. Сии послѣднія прошивуположности не суть ни добра ко злу, ни зла ко злу. Онѣ прошивуположены какъ среднія вещи другимъ среднимъ.

Онѣ щисляешъ шакже при рода имѣній: первыя, коими обладашь можно, какъ-шо правосудіе и здравіе; другія, въ коихъ шокмо человекъ участвуешъ, какъ-шо въ самомъ имѣніи; а прешій родъ состоишъ въ шѣхъ имѣніяхъ, кои шокмо сущеспвуютъ, какъ-шо честное, доброе и праведное. Въ семъ имѣніи и участвовашъ не возможно; и хошя оно неоспѣнно нужно, однако довольно и шого, когда мы шокмо свойшва онаго получаемъ.

Онѣ пошавляешъ при предмеша разсужденію: прошедшее, настоящее и будущее. Прошедшее представляешъ намъ примѣры нещасій, кои каждой народъ прешерпѣвалъ, каковы суть шѣ, кои Лакедемоняне на себя навлекли по причинѣ великой своей неоспорожности, дабы мы, разсуждая о ихъ прошупкахъ, уклонялись оныхъ, и размышляя о праведныхъ ихъ дѣянійхъ, поступали бы по ихъ примѣру. Разсужденія о настоящемъ разверзаютъ намъ шо, что предъ очами нашими происходишъ. Они намъ показывающъ слабыя укрѣпленія боязливыхъ людей, дорого-

визну сѣстныхъ припасовъ и другія подобныя выгоды, или невыгоды, дабы чрезъ то подашь намъ уразумѣвашъ то, чего мы надѣяшься и чего опасашься должны. Разсужденія о будущемъ предувѣдомляющъ насъ, дабы мы ни на что дерзновенно не опшваживались, наблюдали свою славу, и не подвергались подозрѣнїямъ, кои насъ побуждающъ нарушашъ право народовъ, на примѣрѣ въ особѣ пословъ, что можешъ помрачишь сіяніе нашея чести, какъ - то Греки въ семъ случаѣ себя обезславили.

Плашонъ раздѣлялъ голосъ на оживленной, каковъ естъ голосъ живошныхъ; и на неоживленной, каковъ естъ спукъ и звонъ вещей безодушевленныхъ. Первой естъ или ясно произнесенной, какъ - то естъ голосъ людей; или не ясно произнесенной, каковъ естъ крикъ звѣрей.

Онъ раздѣляешъ еще вещи на раздѣльныя и на нераздѣльныя. Нераздѣльныя суть простыя вещи, кои изъ частей не состояшъ, какъ - то единица, почка и звонъ; а раздѣльныя суть шъ, кои изъ частей сложены, какъ на примѣрѣ слова, согласныя буквы, живошныя, вода и золошо. Сіе сложеніе, или сей составъ, состоишъ или изъ подобныхъ частей, такъ что цѣлая вещь по числу токмо частей разнствуетъ отъ части, какъ - то вода, золошо и другія подобныя вещи; или изъ неравныхъ, какъ - то домъ и прочія вещи.

Наконецъ Плашонъ объявляешъ, что во всякомъ существѣ вещи состояшъ или сами

по себѣ, или въ сношеніи съ другими. Первыя безъ всякаго изъясненія познать можно, какъ-то понятіе о человѣкѣ, лошади и о всякомъ другомъ живомъ; а послѣднихъ безъ ишолокованія разумѣшь не лзя, какъ на примѣрѣ, когда говорится: *больше, скорѣе, лучше*; посліку сіи слова относятся къ *меньшему, мнительному и худшему* и проч.

По мнѣнію Аристошеля раздѣлялъ онъ такимъ же образомъ и первыя познанія (*).

Сверхъ Платона имѣли еще четверо другихъ такое же названіе; одинъ былъ философъ, Родосскій уроженецъ, ученикъ Панешія, о комъ Селевкъ въ I своей книгѣ о философіи упоминаетъ другой былъ философъ Перипашетической секты, ученикъ Аристошеля; третій воспитанникъ Пракифана, а четвертой стихотворецъ и сочинитель древней комедіи.

II.

Жизнь Хилона.

Хилонъ Лакедемонянинъ, рожденный отъ отца, Дамагетъ именуемаго, сочинилъ элегій, числомъ около двухъ сотъ стиховъ. Онъ говаривалъ, что *добродѣтель, челоѣка наиболѣе отличающая, состоитъ въ предвидѣніи будущаго, поколику онаго разумъ челоѣческій достигнуть можетъ*. Когда его братель возмегодовалъ на него за то, что онъ

(*) Въ подлинникѣ поставлено философическое слово, означающее первыя чувствованія, которыя природа въ насъ внушаетъ. Авл. Гел. кн. 12. стр. 5.

онъ великодушно сносилъ отказъ въ просьбѣ, чшобы произвести его судьей, какимъ онъ самъ тогда былъ: но онъ ему сказалъ: *Я сношу сіе для того, что могу претерпѣвать всякія обиды и напасти; а ты, какъ мнѣ кажется, оныхъ сощсѣмъ сносить не можешь.* Однако сіе достоинство имѣлъ онъ около LV Олимпіады. Памѣилъ повѣствуетъ, что онъ въ послѣдующую Олимпіаду получилъ сіе званіе, и увѣряетъ припомъ, по свидѣтельству Созикраша, что онъ былъ первымъ судьей въ то время, когда Евэидимъ былъ начальникомъ въ Аѣинахъ. Онъ опредѣлилъ также Царямъ Лакедемонскимъ судей въ шоварищи. Сапиръ же приписываетъ сіе Дикургу. Иродотъ въ I книгѣ своихъ *попѣстопаній* увѣдомляетъ, что онъ, увидя въ котлахъ кипящую безъ огня воду, когда Иппократъ приносилъ жершву на Олимпійскихъ играхъ, совѣщовалъ ему препроводить всю свою жизнь въ безженствѣ; ещли же онъ женатъ, то совѣщовалъ ему оппустить ошъ себя жену свою и дѣтей. Сказываютъ, что когда онъ спросилъ Езопа, что Юпитеръ дѣлаетъ: то получилъ ошъ него въ ошвѣшъ: *Онъ пощпышающихся унижаетъ, а унижающихся пощпышаетъ.* Но другой нѣкто его спросилъ: какое ещъ различіе между мудрыми и невѣжами? *Такое, сказалъ онъ, какое между доброю надеждою и отчаяніемъ.* Еще вопрошенъ былъ, что въ свѣшъ всего труднѣе? Ошвѣчалъ: *Съ молчаніемъ хранить пощренную тайну, на доброе употреблять*

время и великодушно сносить обиды.

Пришомъ обыкновенно онъ преподавалъ слѣдующія наставленія, что надлежитъ обуздывать языкъ свой, а паче всего на пиршествахъ, и воздерживаться отъ злословія, естли самъ не желаешь быть оскорбленъ; что угрозы приличны токмо женскому полу; что долгъ повелѣваешь намъ служишь друзьямъ своимъ болѣе въ ихъ несчастіи, нежели въ ихъ благополучіи; что въ супружествѣ не должно брать себѣ жену выше своего сословія; что никогда не подлежишь говорить худое о умершихъ; что старыхъ людей должно почитать; что къ самому себѣ не возможно имѣть многой недовѣрчивости; что гораздо благоразумнѣе претерпѣвать уронъ, нежели искашь прибыли съ оскорбленіемъ своея чести: пошому что одно временемъ токмо чувствительнѣе бываешь, а другое во всю жизнь твою неисчерпаемымъ для тебя будешь источникомъ горестей; что несчастіямъ другаго ругаться не должно; что храбрый мужъ долженъ быть крошкѣ, дабы къ нему возымѣли болѣе почтенія, нежели страха; что надобно умѣть управлять своимъ домомъ; что надлежишь остерегаться, дабы не подумавъ ничего не говоришь; что великое есть дѣло преодолевать гнѣвъ свой; что Божество отвергаешь, а невозможнаго желаешь не должно; что весьма скоро ходишь не надобно, и что во время разговора дѣйствовашь руками благоприсойность не дозволяетъ; что законамъ повиноваться должно и любишь

уеди

уединенную жизнь. Но презыщнѣе всѣхъ Хилоновыхъ изреченій есть сіе, что *какъ оселокъ, или такъ называемый пробирной камень, служитъ къ познанію доброты золота: такъ и злато, въ рукахъ людскихъ находящееся, научаетъ познавать сѣйства добрыхъ и злыхъ людей.*

Сказываютъ, что когда онъ пришелъ въ возрастъ, то увеселялся единственно шѣмъ, что во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ всегда внутренія разума послѣдовалъ. Но при томъ говорилъ, что духъ его много беспокоился въ разсужденіи учиненнаго нѣкогда имъ приговора, по силѣ коего онъ сохранилъ жизнь одного изъ своихъ друзей; ибо хотя и судилъ самъ по законамъ, но друзьямъ своимъ присовѣщывалъ опустить вину пресшупнику, думая чрезъ то купно спасти друга своего и не нарушить законовъ. Онъ былъ особенно почищаемъ Греками за его предсказаніе, въ разсужденіи Киѳеры, Лакедемонскаго острова; ибо спровѣдавъ о состояніи онаго, воскликнулъ: *О естлибъ богамъ угодно было, чтобы сей островъ по дѣхъ не существовалъ въ мірѣ, или чтобы онъ былъ поглощенъ морскими полнами въ самое время его рожденія!* Да онъ и не худо предвидѣлъ; пошому что Демарашъ, убѣжавъ изъ Лакедемона, совѣщывалъ Ксерксу держать свой флотъ на берегахъ сего острова; и безъ сомнѣнія Греція покорилась бы власти враговъ своихъ, естлибъ онъ могъ склонить сего Государя къ послѣдованію своему совѣшу.

Так-

Также припомѣ, когда островъ Кіосера былъ крайнѣ раззоренъ во время Пелопонисской войны, то Никій пославилъ на ономъ охранительное Аѣинское войско, и много зла причинилъ чрезъ то Лакедемонянамъ. Хилонъ обыкновенно въ крашкихъ и немногихъ словахъ изъяснялся; почему и называлъ Ариспагоръ таковой образъ говоришь Хилоновымъ, кошорой и былъ упошребляемъ Бранхомъ, создавшимъ храмъ Бранхіадовъ. Онъ уже состарѣлся на III Олимпіадѣ, и около сего времени Езопъ прославился своими баснями. Еремиппъ повѣствуетъ, что Хилонъ скончался въ Низѣ (*) въ объятіяхъ своего сына, кошорой одержалъ Цеста на Олимпійскихъ играхъ. Причина его смерти, какъ сказываютъ, была чрезмѣрная его радость и изнуреніе силъ, отъ старости происходящее. Въ сѣ честію воздали ему послѣдній долгъ.

Мною сдѣлана на сей случай слѣдующая надпись:

Я приношу тебѣ благодарность, Поллуксъ, простирающій блестящій спѣтъ отъ пѣнца, изъ масличныхъ пѣтпей слава теннаго, кошорой сынъ Хилона получилъ на сраженіяхъ Цеста. Если отецъ, упидя чело сына своего съ толикою слапою упѣнчанное, умираетъ въ его объятіяхъ отъ радости, то поистинну такоюя смерть низпослана ему отъ благопріятствующей Судьбины.

У

(*) Городъ въ Елидѣ и шотъ же самый, что прозывался Олимпією.

У подножія его спашуи сія сочиненія надпись :

Побѣдоносная Спарта произпела на спѣтъ Хилона , которой былъ наибольшій изъ семи Греческихъ мудрецовъ.

Сіе правило также ему приписываютъ : *Кто выпаетъ порукою , тотъ легко себѣ предъ наноситъ.*

Слѣдующее письмо къ его сочиненіямъ причисляется :

Хилонъ къ Періандру.

„Вы меня увѣдомляете, что вы для лучшей удобности выѣхашь изъ сея земли намѣрены предводительствовать армією и выступишь вѣ походъ прошиву чужестранцовъ ; но я не думаю , чтобъ шаковой Государь , каковъ онъ , могъ надежно обладать шѣмъ , что ему не принадлежитъ по праву ; да припомъ разсуждаю , что шакого незаконнаго правителя можно почестъ благополучнымъ , кошорой имѣетъ щастіе скончашь дни свои при своемъ Дворѣ естественною смертію.„

III.

Жизнь Питтака.

Пиштакъ , родомъ изъ Мишилены , имѣлъ ошца Иргадія , по мнѣнію Дура , Фракійскаго уроженца. Онъ , соединившись съ брашьями Алкея , привелъ вѣ беспорядокъ войска Маланхра , Тиранна Легкійскаго. Пошомъ , получивъ главную команду надъ армією во вре-

мя войны, веденной между жителями сея земли и Аэинянами, съ коими у нихъ возскала ссора за землю Ахиллесову, вызывалъ онъ для прекращенія раздора на поединокъ Фринона, предводителя Аэинянъ, которой получилъ награжденіе за одержаніе побѣды на Олимпійскихъ играхъ. На ономъ Пишпакъ, накинувъ на врага своего съшь, которую сокрывалъ подъ щитомъ своимъ, убилъ его и овладѣлъ лагеремъ; однакожъ Аэиняне, по свидѣтельству Аполлодора въ его *лѣтосчисленіи*, имѣли за оную землю послѣ сего паки раздоръ съ Мишиленянами; и когда рѣшеніе было предоставлено Періандру, то онъ отдалъ помянутую землю Аэинянамъ. Сіе приключеніе усугубило шу довѣренность, которую Пишпакъ имѣлъ въ городъ Мишиленъ; и ему препоручено правленіе надъ симъ городомъ, кое онъ имѣлъ чрезъ цѣлыя десять лѣтъ. По прошествіи оныхъ, приведши республику въ доброе состояніе и порядокъ, сложилъ съ себя сіе важное достоинство. Онъ еще прожилъ десять лѣтъ послѣ сего опъ должностіи увольненія, и посвятилъ богамъ деревню, которую его сограждане въ даръ ему принесли, и которая *деревнею Питтакою* именуется. Созикрашъ объявляетъ, что онъ также добровольно отдалъ гражданамъ одну часть опъ своей деревни, говоря, что онъ шу часть, которую за собою удерживаетъ, всей деревнѣ предпочитаетъ. Еще сказываютъ, что когда Крезъ прислалъ къ нему денегъ, то онъ не хотѣлъ принять оныхъ.

изъяснясь, что онъ чрезъ наслѣдство, остав-
шеся послѣ смерти его брата, безъ попом-
ства умершаго, получилъ такое имѣніе, ка-
кого обладашелемъ онъ во вѣкъ бышь себя не
чаялъ. Памеилъ во 2 книгѣ своихъ записокъ
повѣсшвуетъ, что Тиррей, сынъ его, нахо-
дясь въ Кумѣ (*) въ Вришовнѣ, былъ убитъ
кузнецомъ, кошорой безъ умыслу и съ не-
осшорожности кинулъ въ него шопоръ. Жише-
ли города Кумы, схващивъ убійцу, отослали
его связаннаго къ Пишшаку, кошорой, выслу-
шавъ все дѣло, простилъ виноватаго, гово-
ря, что милосердіе мщенію предпочиашь
должно.

Ираклишъ обьявляетъ, что онъ отъ Ал-
кея имѣлъ нѣкоего плѣнника, и что онъ оп-
пустилъ его, говоря, что гораздо лучше
прощашь, нежели наказывашь. Упившихся лю-
дей, ештли они впадутъ въ какое прегрѣ-
шеніе, приказывалъ сугубо наказывашь, ду-
мая чрезъ шо совсѣмъ искоренишь пьянство.
А сіе шѣмъ паче нужно было, что сей го-
родъ великое въ вивѣ имѣлъ изобиліе.

Одно изъ его правилъ ешь сіе: *Трудно
быть добродѣтельными.* Симонидъ также
упоминалъ объ ономъ, и обьявляетъ, что
Пишшакъ имѣлъ всегдашнее обыкновеніе гово-
ришь: *Трудно сдѣлаться дѣйствительно
добрымъ человекѡмъ.* Плашонъ въ своей кни-
гѣ, подъ заглавіемъ *Протагоръ*, о семъ такъ
же свидѣтельсшвуетъ.

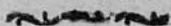
Пиш-

(*) Городъ въ Олимпѣ. Смори путешешствіа Павса-
ніа, томъ 2, стр. 118.

Пишпакъ еще говорилъ, что самые боги необходимо судьбинъ не прошиваясь, и что правленіе есть аки пробирной сердца человеческого камень. Когда онъ былъ вопрошенъ, что въ свѣшѣ всего лучше, то отвѣчалъ: исполнишь дѣйствительно то, что немедленно сдѣлать надлежало. А какъ Крезъ спросилъ его, которое государство онъ наибольшимъ почишаетъ, то онъ, уподобляя оное законамъ, сказалъ ему: то, которое изъ различныхъ деревянныхъ дощечекъ составляется. Припомъ онъ шокмо шѣ побѣды почишалъ настоящими, которыя безъ пролишя крови одерживаются. А Фокаику, которой просилъ его, дабы изыскалъ шрудолюбиваго и рачительнаго человекъ, вѣщалъ онъ: шы долгое время его не обрящешь. Какая вещь всѣхъ въ свѣшѣ пріятнѣе? спросили его: отвѣчалъ: *премя*. Какая сокровеннѣйшая? *Будущее*. Надежнѣйшая? *Земля*; а ненадежнѣйшая? *Море*. Онъ говаривалъ, что благоразуміе должно споспѣшествовать предвидѣнію будущихъ несчастій, дабы чрезъ то должно было изыскать средства къ отвращенію оныхъ; и что естли случашся какія злополучія, то бодрость должна подавать силы ко прѣшперпѣнію оныхъ; что никогда прежде о томъ говоришь не должно, что сдѣлать намѣреваешься, дабы не подвергнуть себя посмѣяннію, когда въ предпріятіи дѣлѣ желаннаго успѣха имѣть не будешь; что надъ людьми несчастными ругаться не надобно, дабы не навлечь чрезъ то на себя гнѣва Божія; что

данныя подѣ закладѣ вещи надлежишь возвращать, и что ни друзей, ниже враговъ своихъ злословишь не должно. *Будь благочестивъ, говоришь онъ, также люби поздержание, почитай истинну и пѣрность, научайся изъ опытовъ, будь честенъ и имѣй дружбу и искренность.*

Между шѣми насшавленіями, кошорыя онъ преподавалъ въ стихахъ, слѣдующее его разсужденіе всѣмъ прочимъ предпочитается:

Надлежитъ имѣть лукъ и колчанъ, дабы прочистить себѣ путь цѣ умѣ злаго челоука; ибо его уста ничего пѣроятнаго не гоцорятъ, а слова его сокрыпають по глубинѣ сердца настоящее оныхъ знаменопаніе.

Онъ написалъ элегій, числомъ около шести сошъ стиховъ, и сочинилъ рѣчь въ прозѣ на законы, кошорую онъ посвятилъ своимъ согражданамъ. Въ величайшей славѣ процвѣшалъ онъ около XLII Олимпіады, и умеръ на шрешемъ году LII Олимпіады, во время правленія Арисшодима, имѣя отъ роду 70 лѣшъ. Надъ его гробницею сія сдѣлана эписафія:

Питтакъ! спятыи Лесвъ, даровашии тебѣ жизнь, съ плачемъ положишь тебя цѣ сію гробницу (*).

Сверхъ вышеупомянутыхъ уже его изреченій находится еще слѣдующее: *Познапай время.* Фаворинъ въ I книгѣ своихъ Записокъ и Димитрій въ своихъ Эпипокахъ, или

9114-

(*) Городъ Мипиленъ находился на островѣ Лесвъ. Смощри Павсанія.

дпусмысленныхъ рѣчахъ, говоряшъ о нѣкоемъ законодавцѣ, коего называли *младшимъ Пит-такомъ*. Каллимахъ описалъ въ своихъ Эпиграммахъ, какъ сей мудрецъ встрѣтился съ нѣкошорымъ юношею — вопрошавшимъ у него совѣща о бракѣ, и вотъ какъ сіе повѣствуется:

Одинъ чужестранецъ изъ Ашарны просилъ нѣкогда совѣща у Пишшака Мишиленскаго, сына Иррадіева: бабюшка мой! говорилъ онъ ему; мнѣ двѣ дѣвушки предлагаются въ невѣсты; одна обладаетъ имѣніемъ, моему соотвѣтственнымъ, а другая богатствомъ и природою меня превосходитъ; которую мнѣ изъ сихъ взять за себя, скажите мнѣ пожалуйста? При сихъ словахъ Пишшакъ, поднявши жезлъ свой, которымъ онъ обыкновенно подпирался, указывалъ на дѣшей, игравшихъ въ кубари. Они тебѣ скажутъ, говорилъ ему, какъ тебѣ поступишь надобно. Поди и дѣлай шоже, что они. Юноша, приблизившись къ нимъ, услышалъ дѣшей другъ другу говорящихъ: бери свой кубарь, а не шотъ, кошо-рой тебѣ не приличенъ. Онъ понялъ чрезъ сіе мнѣніе мудраго, воздержался отъ богатаго супружества и женился на шой дѣвушкѣ, кошо-рая ему была прилична. — Кажется, что Пишшакъ говорилъ сіе по собственному своему чувствованію; ибо онъ женился на сестрѣ Дракона, сына Пемѣлла, кошо-рая жила весьма неумѣренно и съ нимъ весьма гордо обходилась.

Алкей даетъ Пишшаку различныя имена: одно въ разсужденіи шого, что имѣлъ большіа

шія ноги; другое, что много ранъ на оныхъ
открылось; прешіе, сообразное его гордости,
которую онъ въ немъ усмотрѣлъ; четвертое,
что онъ былъ дебелъ шѣломъ, и припомъ
что безъ свѣша ужиналъ, и былъ неопря-
шенъ. Впрочемъ, естли философъ Клеархъ
заслуживаетъ върояніе, то онъ для шѣлес-
наго упражненія часто молотъ рожь и пше-
ницу. Отъ него имѣется слѣдующее письмо:

Питтакъ къ Крезу.

„Вы желаете, чтобы я прибылъ въ Лидію
для осмотренія вашихъ сокровищъ; но я, не
видавъ оныхъ, удобно вѣрю, что сынъ Аліаш-
та превосходитъ богатствомъ всѣхъ земныхъ
Царей. Впрочемъ почто мнѣ ѣхать въ Сар-
ды? Деньги у меня есть, и я имѣю все нуж-
ное для себя и для своихъ друзей. Однакожъ,
не смотря на то, будучи побуждаемъ вашею
привѣтливостію, я къ вамъ неопиѣнно вско-
рѣ приѣду, дабы наслаждашья пріятною ва-
шею бесѣдою. „

IV.

Жизнь Віанта.

Віантъ, родомъ изъ Пріены, сынъ Тев-
шама. Саширъ предпочитаетъ его всѣмъ про-
чимъ Греческимъ мудрецамъ. Многие думаютъ,
что онъ былъ богатъ. Дуръ почитаетъ его
пришлецомъ, а Фанодикъ повѣснваетъ, что
онъ выкупилъ Мессенскихъ плѣнныхъ дѣву-
шекъ, и воспитывалъ ихъ какъ собственныхъ
своихъ дѣшей; попомъ, одѣливъ ихъ прида-
нымъ,

нымъ, отослалъ въ Мессену къ ихъ родителемъ. Послѣ же сего, когда найденъ былъ рыбаками въ Аѳинахъ золотой преножець съ сею надписью: *мудрѣйшему*, то оныя дѣвушки пришли и объявили, что сей шишулъ принадлежитъ единственно ихъ искупителью. Такъ рассказываетъ Сапиръ, но Фанодикъ и прочіе увѣряющъ, что самъ отецъ ихъ предсталъ предъ собраніе, и изъяснивъ народу ту обязанность, какую онъ къ сему философу за великодушной его поступокъ имѣеши, называлъ его мудрѣйшимъ. Сего ради преножець и былъ отосланъ къ Віаншу, кошорой, возрѣвъ на надпись, сказалъ, что Аполлону токмо мудрость приписывается, и не хотѣлъ онаго принять. Другіе говорятъ, что онъ взялъ къ себѣ преножець, и посвятилъ оной Ираклу въ Ѡивахъ по той причинѣ, что онъ былъ Ѡивейской уроженецъ, коимъ принадлежало по увѣренію Фанодика селеніе, Пріена именуемое.

Повѣсшвующъ, что когда Пріена, его отчизна, была осаждена войсками Аліашпа, то онъ, навьючивъ двухъ лошаковъ, погналъ ихъ къ непріятельскому стану. Государь, увидя сихъ живошныхъ въ полѣ добромъ состояніи, удивился и послалъ лазушчиковъ осмошрѣть по мѣсто, намѣреваясь освободить оное отъ осады. Віаншъ же, освѣдомившись о семъ его намѣреніи, покрылъ пшеницею двѣ большія кучи песку, и встрѣпившись съ лазушчиками, показывалъ имъ оныя. Аліашпъ, услыша о полѣ великомъ во всемъ изобиліи,

предложилъ мирныя договоры осажденнымъ, и по заключеніи мира приказалъ предсташь предъ себя Віаншу, кошорой ему совѣшовалъ вкусишь луку, подавая чрезъ шо ему уразумѣвашь, что онъ имѣешъ причину оплакивашь свою легковѣрность. Віаншъ почитался въ правахъ весьма искуснымъ, а въ шяжбахъ вспыльчивымъ и горячимъ человекѣмъ; но съ шаковымъ жаромъ дѣла защищалъ онъ шокмо добрыя. Для сей причины Димодикъ Леросскій образцемъ его всѣмъ прочимъ пошпавляешъ, говоря: *Естьли какія дѣла судебныя случатся, то пѣ оныхъ должно поступать по примѣру оратора Віанта Приенскаго.* Иппонаскъ не менѣ его выхваляешъ, сказывая, что *естьли кто поставленъ будетъ судьей, то тому надлежитъ судить такъ, чтобы прешзошелъ пѣ искусствѣ Віанта, Приенскаго уроженца.* Но вошъ какою смершію жизнь свою онъ скончалъ: Нѣкогда защищалъ въ судѣ дѣло, будучи уже немолодыхъ лѣшъ, и по изѣясненіи онаго умолкнулъ для своего успокоенія, и пока сопрошивникъ его предлагалъ съ своей шпороны причины, шо онъ повѣсилъ свою голову на плечо внука своего. Судьи, по выслушаніи и разсмошрени обоихъ дѣлъ, сдѣлали рѣшеніе въ пользу Віанша; и какъ собраніе шало расходиться, шо увидѣли вдругъ, что онъ испустилъ духъ въ шомъ самомъ положеніи, въ кошоромъ находился. Весь городъ съ великолѣпіемъ провождалъ бездыханное его шѣло, и ему въ чесшъ сдѣлана сія надгробная надпись:

Сей

Сей надгробный камень покрываетъ тѣло Вѣанта, бывшаго украшеніемъ Іоніи; онъ рожденъ въ преславной Пріенѣ.

Я слѣдующую сочинилъ на него надпись: Здѣсь почитъ тѣло Вѣанта, которой состарѣвшись былъ тайно пренесенъ Меркуріемъ въ царство мертвыхъ. Онъ, защищая дѣло своего пріятеля, и попергнувшись въ объятія юности, былъ объятъ пѣчнымъ сномъ.

Сверхъ сего онъ сочинилъ 2000 стиховъ на землю Іонію, кои всѣ касались до средствъ, могущихъ содѣлать сію землю благополучною. Между піишическими изреченіями слѣдующимъ доспомянутѣе почитается: *Старайся всегда нравиться своимъ согражданамъ, и не оставай никогда въ паденію приближающагося отечества своего; ибо симъ наиболее можешь снискать у нихъ благосклонность. Напротивъ того гордость и высокоуміе часто предны бываютъ.* Онъ говорилъ также, что сила шѣлесная есть естественный даръ; но подавай полезныя своему отечеству совѣщанія естъ душевное качество и знакъ добраго разсудка; что многіе люди богатствомъ своимъ одолжены случаю; что шомъ несчастливымъ почесшься можешъ, кшо не умѣешъ сносить опасностей, и что желашъ невозможныхъ вещей и не помнишь злополучія другихъ, суть болѣзни душевныя. Нѣкто спросилъ его, что всего въ свѣшѣ шруднѣе? Ошвѣщшвоваъ: *Бодрственно сносить несчастія.* Какъ

нѣкогда находился онѣ на морѣ съ нечестивыми людьми, шо вдругѣ возсѣла шоль преужасная буря, что и сіи самыя люди начали призывашь боговъ вѣ помощь. Умолкните, говорилѣ онѣ имѣ тогда, дабы боги не усмотрѣли, что вы на семѣ кораблѣ обрѣшасешь. Нѣкшо злой челѣвкѣ спросилѣ Віанша, что есть благочестіе? Онѣ ему ничего не отвѣчалѣ. А какѣ шѣ его спалѣ понуждашь кѣ отвѣшу, шо онѣ ему сказалѣ: я для шого ничего не говорю, что шы навѣдываешься о вещахѣ, до тебѣ совсѣмѣ не касающихся. Онѣ вопрошенѣ былѣ, что всего пріятнѣе вѣ свѣшѣ людямѣ? Сказалѣ: надежда. Віаншѣ говаривалѣ шакже, что гораздо лучше бышѣ судьейю между своими врагами, нежели между пріятелями; пошому что вѣ первомѣ случаѣ всегда друга себѣ снискашь можно, а вѣ послѣднемѣ одинѣ изѣ пріятелей неосмѣнно врагомѣ содѣлаешься. Спросили его, вѣ какой вещи челѣвкѣ больше увеселенія находишѣ? Вѣ прибышкѣ, вѣщалѣ онѣ. Онѣ прішѣмѣ говорилѣ, что жизнь должно распредѣляшь, смотря пошому, что намѣ какѣ бы опчасши долгое, а опчасши корѣшкое время живш надлежало; и что когда свѣшѣ преисполненѣ злобы, шо людей любишь надѣбно съ шѣмѣ упованіемѣ, что ихѣ нѣкогда и ненавидѣшь будемѣ. Онѣ преподавалѣ шакже и сіи наставленія: не съ шоропливѣстію начинай, а съ посшояншшвомѣ начашое исполняй дѣло. Скорѣш вѣ рѣчахѣ означаешѣ заблужденіе; люби благоразуміе, говори о богахѣ съ благо-

честіемъ , не похваляй злаго человѣка по причинѣ его богатствъ , принимай съ неоднократнонымъ опинѣкиваніемъ предлагаемую тебѣ вещь , а не хващай оную съ насиліемъ ; возноси въ хвалу богамъ все то , что ты сдѣлаешь добраго ; избирай мудрость себѣ спутницею отъ самыхъ оныхъ лѣтъ твоихъ даже до глубокой старости ; ибо сіе есть надежнѣйшее изъ всѣхъ имѣніе .

Мы видѣли , что Иппонаксъ упоминалъ о Віантѣ , и самой Ираклитѣ , сей нескромный и угрюмый человѣкъ , съ великою говорилъ о немъ похвалою . Пріена , пишешь онъ , есть мѣсто рожденія Віанта , сына Тейшамы , о коемъ болѣе прочихъ философовъ повѣствовуется . Его сограждане посвятили ему ризницу , кошую назвали Тейшаміею . Припомъ приписываютъ ему и сіе изреченіе : *Много есть людей злонаправныхъ* .

V.

Жизнь Клеопула .

Клеовулъ , сынъ Евагора , родился въ Линдѣ , или , по мнѣнію Дура , въ Каріи . Нѣкоторые ведутъ его поколѣніе отъ Иракла , и изображаютъ его сильнымъ и пригожимъ человекомъ . Сказываютъ , что онъ ѣздилъ въ Египетъ , дабы тамъ научиться философіи , и что имѣлъ у себя дочь , именемъ Клеовулну , кошая сочинила загадки въ шестисопныхъ стихахъ , о коихъ Крашинъ упоминаетъ въ одной повѣ , подъ заглавіемъ *Сти-*

хи *Клеопулины*. Сказываютъ также, что онъ возобновилъ храмъ Минервы, Данасмъ созданный. Сверхъ того Клеовулъ сочинилъ пѣсни и загадки, числомъ около шрехъ тысячъ стиховъ. Нѣкошорые почиашъ его сочинишелемъ и сихъ стиховъ, находящихся надъ могилою Мида:

Я есмь статуя, позложенная на сіе достопамятствіе Мида. Пока пода будетъ жидкою матерією, пока деревья будутъ позносить перья свои, пока посходящее солнце и блистающая луна будутъ освѣщать свѣтъ, пока рѣки будутъ имѣть теченіе и пода берега омышатъ станеть: до тѣхъ поръ я здѣсь пребыцать буду, и орошная спойми слезами сей цыглаженный камень, стану позвѣщать мимоходящимъ, что Мидъ заключенъ въ сей гробницѣ.

Тѣ, кои стихи сіи причисляюшъ къ его сочиненіямъ, основываютъ свое мнѣніе на свидѣшельствѣ Симонида въ его поэмѣ, кошорая гласишъ такъ: *Кто можетъ достойно пыхпалять Клеопула Лидянина въ томъ, что онъ уподобилъ статую неизсѣкаемымъ ручьямъ, песеннимъ цвѣтамъ, лучамъ солнечнымъ, сіянію луны и морскому прилипу? Ибо все сіе подпластно богамъ; руки же челоукоу могутъ разрушить сей камень: такоуя размышленія означаютъ челоука, необильный разумъ имѣющаго.* Впрочемъ примѣчаютъ, что сія эпифагія совсѣмъ не изъ Омира выписана; посліку онъ жилъ гораздо прежде Мида.

Памѣнлѣ въ своихъ запискахъ повѣ-
 ствуетъ, что Клеовулѣ издалъ слѣдующую
 загадку: У одного отца было двенадцать
 сыновей, изъ коихъ каждый имѣлъ по 30 до-
 черей, но различной красоты: однѣ были темно-
 русыя, а другія рыжеватыя; и хошя онѣ
 всѣ одарены безсмертіемъ, однако всѣ одна
 за другою послѣдуютъ, и ни единая изъ нихъ
 не исключена отъ смерти. — Сіе значить годъ.

Между стихотворными его сочиненіями
 наилучшими почишающія слѣдующія: Невѣдѣ-
 ніе и велерѣчіе царствуютъ между людьми,
 но время всему ихъ научаетъ. Помышляй о
 высокихъ вещахъ, не будь безъ причины чув-
 ствипеленъ. Онѣ говаривалъ, что молодыхъ
 дѣвицъ надлежитъ выдавать за мужъ тогда,
 когда онѣ будутъ въ разсужденіи лѣтъ мо-
 лоды, а въ разсужденіи ума сшары, подавая
 чрезъ то уразумѣвать, что о ихъ воспита-
 ніи великое надлежитъ имѣть попеченіе. Онѣ
 почишалъ за правило то, чтообы какъ друзь-
 ямъ своимъ должно оказывать услуги, дабы
 сдѣлать ихъ чрезъ то къ себѣ благосклон-
 нѣйшими: такъ и непріятелямъ своимъ, да-
 бы сдѣлать ихъ своими друзьями. Онѣ гово-
 рилъ также, что предъ выходомъ изъ дома
 надлежитъ изслѣдовать то, что дѣлать на-
 мѣреваетъ; а при своемъ возвращеніи раз-
 суждать о томъ, что въ сей день добраго
 содѣлалъ. Онѣ полезнымъ почишалъ частое
 упражненіе шѣла, и припоминалъ, дабы мы
 въ бесѣдахъ болѣе слушали другихъ, нежели
 сами говорили. Совѣиновалъ, чтообы мы лю-
 били

били паче ученіе, нежели невѣдѣніе; употре-
бляли бы свой языкъ для добраго, приобыка-
ли къ добродѣтели и уклонялись ошъ зла;
убѣгали несправедливости, дославляли оше-
честву своему по силамъ все нужное и по-
лезное; обуздывали прихоти, ни въ какомъ
дѣлѣ не упошребляли насилія, спарались о
воспишаніи дѣшей своихъ, вражду ненавидѣ-
ли, жену свою въ присущствіи постороннихъ
людей не ласкали и не бранили: ибо одно
означаетъ глупость, а другое нескромность;
не наказывали слугу своего въ шо время, ко-
гда онъ пьянъ бываетъ, ешъли сами не же-
лаемъ прослышъ пьяницами; избирали себѣ не-
вѣсшу, своему соспоянію равную, дабы въ
прошивномъ случаѣ родители ея не сдѣлались
швоими власшелинами; не насмѣхались надъ
шѣми, кои наказываны, дабы чрезъ шо не
обращишъ на себя ихъ ненависти; въ щасшіи
не гордились, а въ нещасшіи не унывали; и
напоследокъ, чшобы научались сносишъ бодр-
ственно превращности судьбины.

Онъ скончался на 70 году. Въ надгроб-
ной надписи заключаешся его похвала:

*Линдъ, со псѣхъ сторонъ моремъ оро-
шаемый, оплакиваетъ смерть мудраго
Клеопула, который цѣ ономъ получилъ
свое рожденіе.*

Клеовулъ издалъ сіе правило: *Мзру по
псѣхъ дѣлахъ наблюдать должно.* Онъ на-
писалъ шакже сіе письмо къ Солону:

Клеопулъ къ Солону.

„Конечно у васъ много шаковыхъ друзей, изъ коихъ каждой собственной свой домъ имѣешь; поелику васъ въ домъ у себя никогда заспашь не можно. Однако я думаю, что *Линдъ* есть выгоднѣйшее для васъ мѣсто, и не упоминая о томъ, что жители сего города наслаждаются вольноштію, имѣеши въ немъ и ша выгода, что онъ лежитъ на островѣ. При томъ естли вы въ ономъ ушвердиши свое жилище, то будете безопасны со спороны Пизиспраша, а ваши друзья опшвсюду къ вамъ пришекашъ будушъ.„

VI.

Жизнь Періандра.

Періандръ, уроженецъ Коринескій, сынъ Кисела, ведетъ свой родъ отъ Ираклидовъ. Онъ женился на Лисидѣ, кошорую прозвалъ Мелиссою. Она была дочь Прокла, Эпидавр-скаго Тиранна, и Ерисѳенеи, Аришкращовой дочери и сестры Аришкродима. Всѣ сіи, какъ говоритъ Герлалидъ Понтійской въ книгѣ своей, надписанной о *пращленіи*, владычествовали шогда надъ всею почти Аркадіею. Періандръ прижилъ съ Лисидою двухъ сыновей, Кисела и Ликофрона. Старшій почишался глупымъ, а младшій былъ одаренъ изящнымъ разумомъ. По прошествіи многаго времени Періандръ, поссорившись съ своею супругою, въ шоль великой пришелъ гнѣвъ, что не взирая на ея шогдашнюю беременность, сбросилъ

силъ ее съ лѣстницы и убилъ камнемъ. Но онъ учинилъ сіе по наущенію своихъ наложницъ, коихъ самъ приказалъ послѣ сего сжечь. Онъ опослалъ въ Корциру сына своего Ликофрона по той причинѣ, что неушѣшно оплакивалъ смерть своей матери; но спустя нѣсколько времени, когда возчувствовалъ, что спалъ приходишь уже въ слабость, призвалъ паки его къ себѣ, дабы вручить ему правленіе; однако жители Корциры, свѣдавъ о семъ его намѣреніи, умертвили юношу. Сіе извѣстіе шлоко его раздражило, что онъ всѣхъ малолѣтнихъ дѣшей сихъ островскихъ обитателей послалъ къ Аліашу, дабы сдѣлать скопцами. Но когда корабль приближался къ Саму, то они, возсылая молитвы къ Юнонѣ и дѣлая ей обѣщанія, были избавлены жителями шой земли. Періандръ на сіе паки огорчился съ такою жестокостію, что съ досады умеръ на 80 году. Созикратъ увѣряетъ, что его смерть случилась за 40 лѣтъ прежде полоненія Креза, и за годъ прежде XLIV Олимпіады. Иродотъ въ I книгѣ своихъ повѣствованій объявляетъ, что онъ нѣсколько времени пребывалъ у Тразивула, Тиранна Милесійскаго. Ариштиппъ въ I книгѣ, надписанной *записки древностей*, повѣствуетъ, что Крашея, его мать, пылая къ нему любовною страстію, имѣла тайное съ нимъ сходбище; и что когда слухъ о семъ повсюду разнесся, то онъ съ досады и огорченія сдѣлался жестокимъ и немилосердымъ. Эфоръ пишетъ также въ своей исторіи, что онъ обѣщался по-

посвятишь богамъ злшую сшашую, естли одержишь верхъ въ бѣганіи въ запуски на колесницахъ въ Олимпійскія игры, что онъ и получилъ успѣхъ въ желаемомъ; но что будучи не въ состояніи исполнишь своего обѣща, приказалъ отобрать отъ всѣхъ женъ всѣ драгоценныя каменя, коими онъ во время публичнаго празднества были украшены, и сдѣлалъ исполненіе своего обѣщанія. Еще говоря, что онъ, желая, дабы послѣ его смерти никто не былъ свѣдущъ о мѣстѣ, куда его тѣло положено будетъ, слѣдующее употребилъ къ тому средство: онъ показалъ двумъ юношамъ одну дорогу, и повелѣвая имъ прийти туда во время ночи, приказалъ убить, а по умерщвленіи немедленно зарыть въ землю того человѣка, которой имъ первой выдешъ на встрѣчу; потомъ четверымъ другимъ повелѣлъ также убивать и зарывать въ землю тѣхъ, съ коими встрѣшяшся; а на послѣдокъ избралъ еще множество другихъ, коимъ приказалъ тоже самое дѣлать съ сими послѣдними. И такъ, вышедъ самъ на встрѣчу тѣмъ двумъ человѣкамъ, коихъ онъ напередъ послалъ, принялъ отъ нихъ добровольную смерть. Жители Коринтскіе положили слѣдующіе на его гробницѣ стихи:

*Коринтъ, приморскій градъ, принялъ
въ нѣдры свои Періандра, которой въ
немъ рожденъ, и которой своимъ богат-
ствомъ и мудростію цѣлми прославленъ.*

Вотъ и другая еще надпись, мною на него сочиненная:

Не предавайтесь печали и не унывайте, если бы желанного вами не получили; но допозвольтесь тѣмъ, что Богъ вамъ даруетъ. Унылость духа, въ которую упалъ мудрый Періандръ, не позвѣмѣвъ желанного въ предпріятіи дѣлѣ успѣха, была причиною его отъ сея жизни къ мертвымъ преселенія.

Онъ поучалъ, чшобъ ничего не дѣлать изъ сребролюбія; потому что надлежитъ снискивать вещи, прибыль доставляющія (*). Онъ сочинилъ совѣщанія, числомъ до 2000 стиховъ; припомъ говаривалъ, что для спокойнаго царствованія надлежитъ спарашься, чшобъ бышь охраняему паче народною благосклонностію, нежели оружіемъ. Его спросили, для чего онъ незаконное правленіе за собою удерживаетъ? Отвѣчалъ: для того, что равная предшоеишь опасность, или добровольно отъ онаго откажашься, или принужденно оставишь оное. Отъ Періандра и сіи также имѣющся изреченія: покой пріятенъ, дерзость опасна, прибыль поносна, народное правленіе лучше самодержавія, увеселеніе скоропечно, а слава безсмертна. Будь умѣренъ въ благополучіи и мудръ въ нещастіи. Всегда обходишь одинаково съ своими друзьями, хошябъ были они благополучны, или злощастны. Исполниай данныя шобою обѣщанія, каковыбъ онъ не были. Не разглашай поручен-

(*) Сіе мѣсто весьма темно и Менажъ ничего объ ономъ не упоминаетъ.

ченной шебѣ шайны. Наказывай не покмо-
шѣхѣ, кои зло дѣлають; но и шѣхѣ, кои
оное учинишь еще намѣревающся.

Періандрѣ первый установилъ самодержав-
ное правленіе. Онѣ всегда имѣлѣ при себѣ
шѣлохранишелеѣ, и не позволялѣ никому жи-
шельствовать въ городѣ, даже и шѣмѣ, кои
пожелають въ оной пріѣхать. По свидѣтель-
ству Эфора и Аристоша, процвѣшалѣ онѣ
во время XXXVI Олимпіады, и чрезѣ цѣлыя
сорокѣ лѣтѣ былѣ самодержавнымѣ правише-
лемѣ. Сокіонѣ, Ираклидѣ и Памонѣ въ V
книгѣ своихѣ записокѣ двухѣ признають
Періандровѣ: одного пиранна, а другаго фило-
софа, уроженца города Амбракія. Неанѣ изѣ
Кизика увѣряеть, что они были двоюродные
братья съ опцовской стороны; напрошивѣ
того Аристотѣ объявляетѣ, что родившійся
въ Коринѣ былѣ мудрецѣ; Платонѣ же сіе
ошвергаетѣ. Впрочемѣ Періандрѣ обыкновен-
но говаривалѣ, что *трудѣ все преодолѣваетѣ*.
Онѣ покушался опдѣлать опѣ машерой зем-
ли Коринѣской перешеекѣ. Слѣдующія письма
къ его сочиненіямѣ причисляющся:

Періандрѣ къ мудрецамѣ:

„ Я приношу искреннѣйшую благодарность
Піѣйскому Аполлону въ шомѣ, что онѣ до-
пустилѣ меня написать къ вамѣ письмо въ
такое время, когда вы всѣ собрались во еди-
номѣ мѣстѣ. Я думаю, что сіе письмо мое
побудитѣ васѣ пріѣхать въ Коринѣ, и вы
сами узрите, съ какою ласкою и учтиво-
стию

спію я васъ угощашъ спану. Прошедшаго года находились вы въ Сардахъ, въ Лидіи, а сего лѣша прїѣзжайте, прому васъ, въ Коринѣ, коєго жишели съ великимъ удовольствіемъ увидяшъ васъ прибывшихъ ко двору Періандра. „

Періандръ къ Проклею:

„Я не самопроизвольное въ разсужденіи супруги своей учинилъ пресупленіе; (*) но вы весьма несправедливо поступите, естли съ умыслу станете побуждашъ сына моего, дабы онъ прошиву меня возспалъ, и посредствомъ его посшараешесь явишъ надо мною чувствуемое вами ошъ моего дѣйствія огорченіе. Я прошу васъ укрошите его ко мнѣ свирѣпство и безчеловѣчіе, или я надъ вами мещь свою оказывашъ спану. Я уже опмшилъ смерть вашей дочери; ибо приказалъ жечь всѣхъ своихъ наложницъ, а надъ ея мѣгилою повелѣлъ предать огню одѣянія всѣхъ женъ Коринѣскихъ. „

Онъ получилъ ошъ Тразивула въ слѣдующихъ словахъ содержащееся письмо:

Тразипуль къ Періандру:

„Я на вопросы вашего провозвѣстника ничего не опвѣщствовалъ, а шокмо повелѣ его на поле, рожью усѣянное, на коємъ, въ шо самое время, какъ онъ шелъ за мною, обивалъ я своею палкою колосья, предъ прочи-

ми

(*) А именно, что онъ ее убилъ.

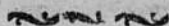
ми возвышающіеся, и приказывалъ ему воз-
вѣсшить вамъ шокмо о всемъ имъ видѣнномъ.
Сдѣлайте поже, что и я учинилъ, а именно:
если вы хотите сохранить власть свою,
то опрѣшите городскихъ начальниковъ, хотя
бы они были друзья, или враги ваши. И са-
мой другъ долженъ тиранну быть подозри-
теленъ.,,

VII.

Жизнь Анахарсидъ.

Анахарсидъ, Скиѣскій уроженецъ, сынъ
Гнура и брашъ Кадуида, Царя Скиѣскаго, а
мать его была Гречанка. Онъ совершенно
зналъ оба сіи языка, и сочинилъ поѣму, изъ
осьми сошъ стиховъ состоящую, на соб-
ственныя земли свои и на Греческіе законы,
о образѣ жизни, умѣренности и войнѣ. Ош-
важность и твердость его въ рѣчахъ подали
поводъ къ слѣдующей пословицѣ: *Ты топо-
ришь на подобіе Скиѣодъ.* Созикрашъ уш-
верждаетъ, что онъ прибылъ въ Аѣины около
XLVII Олимпіады въ то время, когда Евкрашъ
былъ въ оныхъ правителемъ.

Пермиппій объявляетъ, что когда Ана-
харсидъ, пришедъ въ домъ Солона и прика-
зывая слугѣ доложить ему о своемъ приходѣ
и о томъ, что онъ желаетъ вступишь съ
нимъ въ дружбу по причинѣ гостепрѣимства,
услышалъ, что Солонъ ему опвѣчалъ, что
онъ въ сей землѣ самъ чужестранецъ, и чрезъ

по угостишь его никакъ ему не возможно: по онѣ, вошедъ къ нему самъ въ покой, говорилъ, что онѣ въ каждой землѣ, слѣдовашельно и въ сей, аки въ своей отчизнѣ находишься, и что для сей причины можешъ безпрепятственно всшупишь съ нимъ въ такую дружбу. Тогда Солонѣ, удивляясь оспрошъ его разума, принялъ его къ себѣ и великимъ учинился ему другомъ. Нѣскольکو времени спустя, возвратился онѣ въ Скиѳію, и подавъ на себя подозрѣніе, будшо бы желалъ переменить шоя земли законы и ввести Греческіе, былъ убитъ стрѣлою отъ своего брата во время охоты. Умирая же соболѣзновалъ онѣ шокмо о шомъ, что *пыѣхалъ изъ Греціи непредимъ, ради своего краснорѣчія и мудрости былъ пронзенъ стрѣлами записи пь своей отчизнѣ*. Другіе говорятъ, что онѣ былъ убитъ во время жертвоприношенія, кошорое онѣ опправлялъ по Греческимъ обрядамъ. Мною слѣдующая сдѣлана въ честь ему эпитагма:

Анахарсидъ, позиратишишь пь Скиѳію, предлагалъ сея земли жителямъ, дабы они образъ своея жизни соображали съ обычаями Грекопъ. Егда сей вѣдннй старецъ произнесъ сіи слова, какъ пдругъ стрѣла уста его заграждаетъ и изторгаетъ его изъ числа живыхъ. И сіе изреченіе ему шакже приписывающъ, что виноградная лоза трѣякаго рода плоды приноситъ, какъ-то: ущеселеніе, упоеніе и раскаяніе. Онѣ удивлялся шому, что въ Греціи художники,
имѣ.

имѣющіе спорѣ о своемъ искусствѣ, были судимы людьми, того художества невѣдущими. Когда былъ вопрошенъ, какое средство считаешь онъ наилучшимъ для предохраненія себя отъ пьянства, то сказалъ: такое, чтобы каждой себѣ представлялъ шѣ поносныя дѣла, какія шворающъ пьяницы. Онъ дивился также, отъ чего происходитъ, что Греки шѣхъ наказываютъ, кои другимъ причиняющъ обиды; а бойцевъ, кои другъ друга убиваютъ, не токмо безвредныхъ ославляютъ, но и всякія имъ почести оказываютъ. Также когда услышалъ, что нѣкопорою корабль шолщиною былъ токмо въ 4 дюйма, сказалъ: *Толикое же разстояніе есть отъ жизни къ смерти тѣмъ людямъ, кои плаваютъ по морю.* Припомъ почишалъ онъ масломъ, дѣлающимъ людей бѣшеными; пошому что бойцы, вымазавъ онымъ шѣла свои, спановались гораздо яростнѣе и свирѣпѣе прежняго. Онъ вопрошалъ, для чего шѣ, кои запрещаютъ лгать, сами въ шинкахъ явную ложь говорятъ? Спраннымъ казалось ему и то, что Греки при началѣ пиршества пьютъ изъ малыхъ сосудовъ, а по окончаніи онаго употребляютъ уже и большія. У подножія его слышались находящія слѣдующія слова: *Надобенно умѣренно гопорить, встѣ и любить.* Будучи вопрошенъ, имѣются ли въ его ошечествѣ дудки и свирѣли? Нѣшѣ, сказалъ; да шамъ даже и виноградныхъ лозъ не обрѣшается. Другой его спросилъ: кои сушь надежнѣйшія суда? Ошвѣчалъ: шѣ, кои по землѣ вле-

комы бывающѣ. Всего чуднѣе ему казалось между Греками то, что они *дымъ изъ дерева на горахъ пыгоняли, а въ городѣ употребляли оное такъ, что никакого дыму оно отъ себя не издавало* (*). Когда его спросили, живыхъ ли въ свѣшѣ людей болѣе, или умершихъ? То онѣ имѣ ошвѣчалъ: въ коихъ же числѣ полагаете вы тѣхъ, кои ѣздящѣ по морю? Нѣкто, родомъ Грекъ, упрекалъ ему въ томъ, что онѣ Скиѣской уроженецъ; но онѣ ему сказалъ на то: я знаю, что мое опечесство не дѣлаешъ многой мнѣ чести, но ты напрошивъ шого поношеніемъ служишь своей опчизнѣ. Что въ людяхъ доброе и худое? спросили его еще. Онѣ ошвѣчалъ: *языкъ*. Онѣ говаривалъ, что лучше желаетъ имѣть у себя единого такого друга, кошорой бы заслуживалъ ошъ всего свѣша почтеніе, нежели многихъ таковыхъ, кои ошъ всѣхъ былибъ презираемы; что площади и шоржища сущѣ мѣста, опредѣленныя для обмановъ и севѣрія. Когда онѣ былъ обруганъ нѣкошорымъ юношею за споломъ, то онѣ ему сказалъ: другъ мой! есшья ты не можешъ воздержашъся ошъ вина въ младыхъ швоихъ лѣшахъ, то подѣ спаросшъ и воду сносишъ спанешъ. Анахарсидъ также для общей пользы изобрѣалъ якори и колеса, горшечниками употреблемые; по крайней мѣрѣ нѣкошорые почишающѣ его изобрѣшашелемъ сихъ вещей.

Сверьхъ

(*) Сіе дѣлалось посредствомъ варенія дерева на горахъ, изъ коего болѣе не исходило послѣ сего дыму.

Сверхъ того написалъ онъ къ Лидійскому Царю сіе письмо:

Анахарсидъ къ Крезу:

„Лидійскій Государь! я прибылъ въ Грецію для изученія обычаевъ и учрежденій земли сея обитателей. Я не пребую ни серебра, ни же злата, а буду весьма доволенъ, естли возъмѣю щастіе возвратиться добродѣтельнѣйшимъ и просвѣщеннѣйшимъ человекомъ въ свое отечество. Въ семъ намѣреніи побѣду я напередъ въ Сарды; пошому что за высочайшее поспавляю благополучіе снискашь къ себѣ вашу благосклонность. „

VIII.

Жизнь Мизона.

Мизонъ, сынъ Спримона, какъ по говоритъ Созикрашъ, по свидѣтельству Ермиппа, родомъ изъ Схены, села, названнаго такъ отъ горы Эшы, или Лаконіи, былъ въ числѣ седми мудрецовъ. Сказываютъ, что его отецъ сдѣлался незаконнымъ правителемъ. Нѣкто повѣствуетъ, что когда Анахарсидъ вопрошалъ Пнейскаго Аполлона, кто его мудрѣе, то онъ получилъ отъ жрицы слѣдующій отвѣтъ, подобной тому, кошорой она учинила Хилону и о коемъ я упомянулъ при описаніи жизни Фалеса: *Я тебя позищаю, что Мизонъ, уроженецъ Схинской, тебя гораздо мудрѣе.*

Присовокупляющъ еще, что когда Анахарсидъ для сей причины желалъ съ нимъ повидашься, и прѣхавъ въ его деревню, нашелъ его лѣшомъ рукоятку у плуга исправляющаго, то сказалъ ему: Мизонъ! шеперь не время пахашъ землю. На что онъ отвѣчалъ: по крайней мѣрѣ настала шеперь пора пригошовляться къ обрабошыванію оныя. Созикрашъ въ книгѣ своей *о насльдетцахъ* думаешъ, что онъ съ опцовской спороны ведешъ свое поколѣніе отъ Эпсея, а съ машерней изъ дому Схенейскаго. Евшиеронъ, сынъ Поншійскаго Ираклида, говоритъ, что онъ рожденъ на оспровѣ Кришѣ, гдѣ находяшся село, *Этея* называемое. Анаскилъ напрошивъ шого Аркадскимъ уроженцемъ его посшавляешъ. Иппонаскъ слѣдующими о немъ говоритъ словами: *Мизонъ философъ, коего премудрость Аполлонъ позпысилъ пыше пстѣхъ людей понятія.* Аристоксенъ въ книгѣ своей, подъ заглавіемъ *различныя пощстшопанія*, объявляешъ, что онъ много походилъ на Пимона и Апеманша въ разсужденія нравовъ; пошому что былъ человѣконснавидецъ, и часто наединѣ смѣялся въ одномъ опдаленномъ мѣстѣ Лакедемона. Когда же его, увидя смѣющагося, спросили, чему онъ одинъ смѣшся, то отвѣчалъ: *тому, что смѣюсь.* Аристоксенъ объявляешъ, что Мизонъ какъ для сей причины, шакъ и для шого, что онъ мѣшшомъ своея породы мало прославился (ибо рожденъ былъ не въ городѣ, но въ прошомъ селѣ), не въ великой сосшоялъ славѣ; и сіе побу-

побудило многихъ приписывать всѣ сказанныя имъ замысловатыя и остроумныя рѣчи Пизистрату пиранну, выключая Платона философа, кошорой о немъ упоминалъ въ своей книгѣ, и кошорой его поспавляетъ на мѣсто Періандра. Онъ говаривалъ, что *не словами печи познать, но по щамъ слова опредѣлять должно; ибо слова для печей, а не печи для словъ изобрѣтены.* Мизонъ скончалъ жизнь свою на 97 году ошѣ рожденія.

IX.

ПИРЬ

ПЛАТОНОВЪ

О ЛЮБИИ.

АПОЛЛОДОРЪ.

Легко мнѣ шо рассказать вамъ, о чемъ у меня спрашиваете; ибо вчера, когда я возвращался изъ моего *Фалерскаго* дому, одинъ изъ моихъ знакомыхъ, идучи позади меня и узнавъ, сказалъ мнѣ усмѣхаясь: *Аполлодоръ!* пожалуй подожди меня. Я остановился, а онъ, подошедъ ко мнѣ, говорилъ: я давно тебя искалъ; мнѣ весьма хочется знать, что происходило у *Агатона* въ шошѣ день, какъ *Сократъ* и *Алкипиадъ* у него ужинали; говоряшъ, что во все время разсуждаемо было о *любии*, и я съ неперпѣливостію желалъ узнать разговоръ сей. Правда, нѣскольکو изъ

оного увѣдалъ я чрезъ одного человѣка, ко-
шорому *Фениксъ* часть оного пересказывалъ;
но онъ мнѣ ничего подлиннаго не открылъ.
Свѣдалъ же я шо одно, что тебѣ всѣ обстоя-
тельствова сей бесѣды извѣстны. И шакъ
пожалуй расскажи мнѣ оныя; да и кому лучше
о словахъ друга твоего вѣщать, какъ не те-
бѣ? Но прежде всего скажи, былъ ли ты сви-
дѣтелемъ сего разговора? — Видно, отвѣ-
чалъ я, что пріятель твой рассказывалъ те-
бѣ о томъ необщоятельно, когда говоришь
о семъ разговорѣ, какъ о дѣлѣ недавно про-
исшедшемъ, и спрашиваешь, былъ ли я при
ономъ. — Я шакъ думалъ, отвѣчалъ онъ. —
Какъ! сказалъ я, развѣ ты, *Глапхонъ*, не
знаешь, что уже тому нѣсколько лѣтъ, что
Агатонъ не былъ въ *Афинахъ*, а еще и шрехъ
лѣтъ нѣтъ, какъ я знакомъ съ *Сократомъ*,
внимаю его разсужденіямъ и примѣчаю его
дѣянія? До того же времени я странство-
валъ повсюду, и думая вести жизнь блажен-
ную, былъ несчастливѣйшій изъ смертныхъ;
воображалъ я тогда, подобно тебѣ, что че-
стной человѣкъ въ другомъ упражняшся дол-
женъ, а не въ философія. — Не оскорбляй ме-
ня, отвѣчалъ онъ; а лучше скажи, въ какое
время происходилъ оный разговоръ, о комъ
я вопрошаю? — Мы еще оба были молоды,
отвѣчалъ я: оной происходилъ во время по-
лученнаго *Агатомомъ* воздаянія за его пер-
вую трагедію, а именно на другой день при-
носимой имъ съ дѣйствующими лицами жер-
швы, въ возблагодареніе богамъ за получен-
ную

ную имъ почестъ. -- Ты, *Аполлодоръ*, издалека началъ. Скажи же мнѣ, ошъ кого шы про шо вѣдаешь? Не ошъ *Сократа* ли? -- Нѣшъ, ошвѣчалъ я: сіе мнѣ извѣсно ошъ шого же, кшо рассказывалъ *Фениксу*, а именно ошъ *Аристодема*, уроженца изъ мѣстечка *Цитамены*; ошъ сего малорослаго челоука, кошорой ходишъ босъ. Онъ самъ случился вѣ шо время у *Агатона*, и былъ одинъ изъ привязаниѣйшихъ къ *Сократу*. Я иногда спрашивалъ *Сократа* о многомъ, чшо ошъ *Аристодема* слышалъ, и *Сократъ* ушверждалъ, чшо онъ мнѣ сказывалъ испинну. -- Не мѣшкой же, прервалъ рѣчь мою *Глапконъ*; повѣдѣй мнѣ разговоръ шомъ, и чѣмъ лучше намъ препроводишь время оставшагося пуши до *Аѣны*? -- Я удовольствовалъ его любовьюшшо, и до самыхъ *Аѣны* мы о шомъ бесѣдовали. Сіа-шо ешъ причина, для чего сказалъ я вамъ, чшо оный разговоръ у меня еще вѣ свѣжей памяти, и ошъ васъ зависишъ меня выслушашъ. Сверхъ пользы, кошорую обрѣшаю разговаривая, или внимая философи, я ни вѣ чемъ шакого удовольствіа не нахожу, какъ вѣ ней. Напрошивъ же шого, внимая другимъ рѣчамъ, погибаю вѣ скукѣ; и когда слышу васъ господъ богачей, разсуждающихъ о своихъ прибыляхъ и дѣяніяхъ, шо оплакиваю вашу слѣпошу; ибо вы, думая производишъ чудеса, ничего полезнаго не приносите. Можешъ бышъ, чшо и вы съ своей стороны сожалѣете обо мнѣ и взираете на меня съ презрѣніемъ. Можешъ бышъ и имѣете

причину, шакъ обо мнѣ думашь; но я не шолько думаю, что вы досшойны сожалѣнія, но еще и удосшовѣренъ, что я право имѣю шакъ думашь.

Другъ Аполлодоръ.

Ты всегда одинаковъ, любезный *Аполлодоръ*; ты никогда не переспаешь говоришь худо о самомъ себѣ и о другихъ. Ты увѣрилъ себя, что всѣ люди, начиная съ самаго шебя, кромѣ *Сократа*, сушь бѣдныя швари. Не знаю я, за что шебя прозвали *спарлицымъ*; но признашья должно, что есть нѣчто шаковаго во всѣхъ швоихъ рѣчахъ; ты всегда бѣсишья самъ на шебя и на всѣхъ людей, кромѣ *Сократа*.

Аполлодоръ.

Такъ шебѣ кажешья, что надлежитъ бышь здорливу, или бѣшену, чтобы ты говоришь о себѣ и о прочихъ людяхъ, что я всегда говорю?

Другъ Аполлодоръ.

О томъ будемъ мы въ другой разъ разсуждашь, а шеперь вспомни свое обѣщаніе, и перескажи намъ разговоръ, бывшій у *Агатона*.

Аполлодоръ.

Хорошо. Я вамъ обѣ ономъ шочно шакъ повѣдую, какъ мнѣ *Аристодемъ* пересказывалъ.

Вспрѣшивъ *Сократа*, говорилъ *Аристодемъ*, выходящаго изъ бани, и увидя, что онъ

онъ былъ одѣтъ лучше обыкновеннаго; спросилъ я его, куда онъ идетъ шакъ наряденъ? Я иду ужинашь къ *Агатону*, отвѣчалъ онъ. Вчера, убѣгая многолюдства, ошговорился бышь на празднествѣ его жершвоприношенія; но въ награжденіе шого обѣщался бышь у него на завтра, по ешь сего дня; и для шого-то шакъ нарядился. Я изъ себя сдѣлалъ красавца, желая посѣшпть красавца. Да шы, *Аристодемъ*, не согласишься ли ишши со мною, хошы тебя и не звали? Пожалуй, я эшо сдѣлаю въ швою угодность, ошвѣчалъ я. — Пойдемъ же, сказалъ онъ, и докажемъ, что, не взирая на пословицу, доброй человекъ можешъ и незваной ишши ужинашь къ доброму человеку. Но я бы осудилъ *Гомера* за то, что онъ погрѣшилъ прошиву сей пословицы: предшавивъ *Агамемнона* искуснѣйшимъ воителемъ, а *Менелая* весьма посредшвеннымъ, приводитъ онъ сего послѣдняго незванымъ на пиръ къ *Агамемнону*, по ешь приводитъ малодушнаго человека къ мужешшвенному, кошорой его не ожидаетъ. Опасаюсь, ошвѣчалъ я *Сократу*, чтобы и мнѣ не бышь *Менелаемъ* шого пира, куда шы идешъ? Тебѣ надобно будешъ меня защищашъ, а я скажу, что шы меня позвалъ. — Насъ двое, сказалъ *Сократъ*; шакъ подумаемъ дорогою, что намъ сказашъ надобно, пойдешъ шолько. — Такимъ образомъ разговаривая, шли къ дому *Агатонопу*; но едва нѣскольکو шаговъ сдѣлали, шо *Сократъ* вдругъ задумался и пребылъ неподвиженъ. Я ошпановился; но онъ ска-

сказалъ мнѣ, чшобы я шелъ впередъ, и что онъ за мною послѣдуешъ. Воршты у даму *Агатонца* были отворены, и мнѣ странное приключилось происшествіе: одинъ изъ рабовъ меня провелъ въ храмину, гдѣ бесѣда была уже въ собраніи и сидѣли за столомъ. *Агатонъ*, меня увидя, вскричалъ: о *Аристокдемъ*! войди къ намъ, когда пришелъ ужинашь; а ежели пришелъ за дѣломъ, шо оставь оное до другаго дня. Я себя вчера цѣлой день искалъ, чшобъ позвашъ къ себѣ. Но чшо дѣлаешъ *Сократъ*? -- Тогда я оглянулся, думая, чшо *Сократъ* за мною слѣдуешъ; но удивленъ будучи, его не видя, сказалъ, чшо я съ нимъ вмѣспѣ шелъ, и что онъ меня позвалъ съ собою. -- Ты хорошо сдѣлалъ, чшо пришелъ, прервалъ *Агатонъ*. Но гдѣжъ *Сократъ*? -- Онъ за мною слѣдовалъ, опвѣчалъ я, и не могу понять, куда онъ дѣвался. -- Мальчикъ! сказалъ *Агатонъ*, бѣги, посмотри, гдѣ *Сократъ*; скажи ему, чшо мы его ожидаемъ; а ты, *Аристокдемъ*, сядь подлѣ *Ериксимаха*. -- Одному изъ невольниковъ повелѣно было мнѣ омышь ноги, а между шѣмъ посланной возвращался и сказалъ, чшо онъ нашелъ *Сократа* сшоящаго у дверей сосѣдняго дома; чшо онъ его звалъ, но онъ, не внимая шого, не пошелъ. -- Эшо меня крайнѣ удивляешъ, сказалъ *Агатонъ*; поди къ нему обратню, и не покидай, пока онъ не придетъ. -- Нѣшъ, нѣшъ, сказалъ я шогда, не мѣшайше ему; онъ часшо шакъ останавливается, гдѣ бы онъ ни былъ; и ежели не

ошибаюсь, что мы его скоро увидимъ; ошпавимъ его въ покоѣ. Когда такъ, ошвѣчалъ *Агатонъ*, я на что соглашаюсь; а вы, дѣши, принесите намъ яшвы, все, что ешь; вамъ поручается угощеніе: ибо я никогда въ шомъ не упражнялся. Принимайте самага хозяина вашего за гостя, и дѣлайте такъ, какъ знаете, чтобы вамъ сшвидко не было. Кушанье принесли; мы зачали ужинашь, но *Сократъ* еще не бывалъ. *Агатонъ* выходилъ изъ шерпѣнія, и повсяминушно хощѣлъ посылашь за нимъ, но я въ шомъ препяшсшвовалъ. Наконецъ онъ вошелъ въ половинѣ ужина. *Агатонъ*, бывъ одинъ на ложѣ поконецъ стола, просилъ, чтобы онъ сѣлъ подлѣ него. Приди сюда *Сократъ*, приди, сказалъ онъ, да приближусь къ тебѣ колико возможно, дабы участвовашь въ шѣхъ мудрыхъ размышленіяхъ, въ которыхъ ты шеперь упражнялся; ибо я увѣренъ, что ты обрѣлъ искомое шобою; а безъ шого шыбъ былъ еще на шомъ же мѣстѣ, гдѣ ошановился. *Сократъ* сѣвъ, сказалъ: о Боже! колико бы желалъ я, прекрасный *Агатонъ*, чтобы мудрость была шакое дѣло, кошорое можнотъ изліяшь изъ одного разума въ другой, подобно какъ воду переливають изъ полнаго сосуда въ пущой! Тогда - шо бы я долженъ былъ себя почешь шасшливимъ, сидя подлѣ тебя, дабы наполнишь шою мудрощію, кошою ты обладаешь; ибо моя ешь шемна и подвержена сомнѣніямъ: она подобна сну, а швоя напрошивъ шого ешь блисшашельна и являешь предъ всемъ

свѣшомъ. Чему свидѣшельсшвуюшъ слава, обрѣшенная шобою въ швои годы, и плесканіе болѣе шришцаши тысящъ Грековъ, бывшихъ въ недавномъ времени свидѣшелями швоея мудросши. — Ты всегда насмѣхаешься, прервалъ *Агатонъ*, и не щадишь даже лучшихъ друзей своихъ. Но мы уже разсмошримъ, чья лучше мудросшь, швоя, или моя. *Ваххъ* будешъ нашимъ судьею; а шеперь спанемъ думаешь шолько объ ужинѣ. — Пока *Сократъ* ужиналъ, шо сидящіе за споломъ уж насыпились. Дошло до обыкновеннаго изліянія; воспѣли пѣснь въ честь богу *Вахху*; а послѣ сихъ обрядовъ зачали помышлять о пишіи. *Папзаній* сказалъ первый: помыслимъ, друзья, какъ бы намъ повеселились. Чшо же до меня принадлежишь, шо признаюсь вамъ, я еще шакъ усшалъ опѣ вчерашняго невоздержанія, чшо желалъ бы нынѣ опѣ шого бышь уволенъ. Не сомнѣваюсь, чшобъ и многіе, а паче шѣ, кои были на вчерашнемъ пиру, шогожъ не пожелаали; и для шого подумаемъ, какъ бы намъ веселѣе ночь провести. — Ты мнѣ милъ кажешься, сказалъ *Аристофанъ*, желая, чшобы мы побереглися; ибо я былъ изъ шѣхъ, кошорые наименѣе себя берегли прошедшую ночь. — Какъ мнѣ пріятно, сказалъ врачъ *Эриксимахъ*, чшо вы шакъ мыслише! надлежишь шолько узнать, чшо о семъ думаешь *Агатонъ*. — Тѣмъ лучше, опшвѣчалъ *Агатонъ*, когда и вы, бывъ шакъ крѣпки, не хошите пишь; эшо очень непрошивно *Федру* и другимъ слабымъ пишокамъ. Я ни слова не говорю

ворю о *Сократѣ*; ибо онѣ всегда гововѣ шо дѣлашь, что похочешѣ бесѣда. -- Когда же вы на сіе согласны, сказалѣ *Эриксимахѣ*, шо не наскучу вамѣ, когда докажу, сколь вредно напивашься. Неоспоримо доказано врачешною наукою, что ничто шакѣ не вредитѣ челювѣку, какѣ излишешство вина. Я онаго всегда убѣгаю, когда могу, и другимѣ не совѣшую упошребляшь, а паче когда голова обременена невоздержаніемѣ, учиненнымѣ на канунѣ. -- Ты знаешь, прервалѣ *Федръ*, что я охотно сѣ шобою соглашаюсь, а паче когда шы говоришь о врачешаніи; и шы видишь, что мы всѣ нынѣшний день разсудитешельны. -- Такимѣ шо образомѣ согласились не повреждашь себя, а пишь по своей волѣ. -- Когда шо шакѣ, сказалѣ *Эриксимахѣ*, что принужденія не будешѣ и что пишь будемѣ единешвенно для уполенія жажды, шо мнѣніе мое воцерьвыхѣ, чтошбы опослашь сію жену, играющую на флейшѣ. Пусть она выйдешѣ вонѣ, и вѣ другомѣ мѣстѣ играешѣ, сколько хочешѣ; или пусть пойдешѣ кѣ женщинамѣ и ихѣ ушѣшаешѣ; мы же заведемѣ какой либо пріятной разговорѣ, и когда вы на шо согласны, то я предложу вамѣ машерію. -- Вся бесѣда оказала на шо свое согласие; а *Эриксимахѣ* продолжалѣ: я начну сими стихами изѣ *Меналиппи* Еврипидовой: „Слова, кои шы слышите, не суть мои, но суть слова *Федры*; ибо *Федръ* часшо мнѣ говаривалѣ сѣ нѣкошорымѣ негодованіемѣ: *Эриксимахѣ*! неспранно ли, что изѣ шаковаго числа пішовѣ,

сочинившихъ сполько гимновъ и пѣсней въ честь большой части боговъ, никшо ни единого не написалъ стиха къ прославленію бога *Любви*, кошорой однако же споль много обожанія достоинъ? Даже Софисшы повсядневно пишушъ пространныя рѣчи въ похвалу *Геркулеса* и другихъ полубоговъ. А я имѣю книгу, подъ названіемъ *похвала соли*, въ кошорой ученый сочинилъ превозноситъ удивительныя дѣйствія соли, и великія пользы, происходящія отъ нее людямъ. Однимъ словомъ, нѣшъ почти ничего въ мірѣ, чему бы похвалъ не соплешали. Какъ же могло сдѣлашься, что между сей шьмы похвалъ единая *любовь* забыша, и что ни одинъ человекъ не предпріялъ прославить бога, кошорый споль много хвалы достоинъ? Что до меня принадлежишъ, шо я негодованіе *Федропо* признаю справедливымъ. Я конечно не ошрекусь восхвалять *любовь*, подобно другимъ богамъ; да кажется весьмабъ къ спашу было, ежелибъ шолико пріяшная бесѣда не разошлась прежде, пока не прославилъ *Ерота*. И когда сіе вамъ угодно, шо да будешъ любовь матерією нашего разговора; пускай всякъ изъ насъ произнесетъ рѣчь въ похвалу оной. Начнемше по порядку съ правой спороны. И пошому *Федръ* шанешъ говорить первой, паче для шого, что онъ ешъ источникъ шой мысли, кошорую я предлагаю. -- Я не сомнѣваюсь, сказалъ *Сократъ*, чтообы всѣ не согласились со мнѣніемъ *Эриксимахопомъ*. Что до меня принадлежишъ, шо я конечно спорилъ

не буду; а наипаче когда всѣхъ увѣряю, что кромѣ любви мнѣ ничего не извѣстно. *Агатонъ* и *Папзаній* прошивишься не спашь; а еще менѣе *Аристофанъ*, который столько преданъ *Вакху* и *Венерѣ*. Я также могу опѣчать и за прочихъ, хотя, правду сказать, для насъ, сидящихъ послѣдними, сіе положеніе не выгодно. Однако въ такомъ случаѣ, когда предсѣдшіе насъ исполнятъ свое дѣло съ похвалою, и не оставяшь что говоришь другимъ, то намъ оспанешся восхвалять ихъ; почему да начнешь *Фѣдръ* и восхвалять любовь, — Мнѣніе *Сократо*по всѣ подтвердили. Но чтобы могъ я вамъ пересказать слово ошъ слова всѣ рѣчи, кои говорены были, то сего ожидашь не должно. Самъ *Аристодемъ* не могъ мнѣ ихъ всѣ совершенно пересказать, да и я нѣкоторыя забылъ. Однако я перескажу вамъ существенное въ оныхъ. *Федро*па рѣчь, по его словамъ, состояла въ нижеслѣдующемъ.

Р Ѣ Ч Ъ

*Федро*па.

Еротъ есть богъ великій, который по справедливости достоинъ бытъ почтенъ богами и людьми. Онъ вниманіе заслуживаетъ по многимъ причинамъ, а особливо въ разсужденіи своей древности; ибо нѣтъ бога, который бы старѣе его былъ. Доказательствомъ тому служить неизвѣстность объ ош-

цѣ и машери его, или лучше сказать, онѣ ихъ не имѣшѣ. Никакой пѣшѣ, ни другой кшо не именовалѣ ихъ. *Гезіодѣ*, говоря прежде всего о хаосѣ, продолжаетѣ:

*Широкая земля, небесно утверждение,
По ней любовь, псея природы украшение.*

Слѣдственно *Гезіодѣ* послѣ хаоса производяшѣ землю и любовь. *Парменидѣ* написалѣ, что любовь происекла изѣ хаоса:

Любовь! ты первая изъ хаосѣ началась.

Агезилай послѣдовалѣ мнѣнію *Гезіодоу*; однимѣ словомѣ, всѣ вѣ томѣ согласны, что нѣшѣ бога старѣ любви. -- Но нѣшѣ и ни единого изѣ нихъ, кошорый бы проливалѣ столько благодѣній на человекѣвѣ, какъ *Еротѣ*. Ибо что можешѣ бышѣ превосходнѣе для молодой особы, какъ бышѣ любимую добродѣтельную челоѣкомѣ? И что полезнѣе бышѣ можешѣ добродѣтельному, какъ любишѣ младую особу, склонную къ добродѣтели? Ни родѣ, ни чести, ни богатства, не могушѣ подобно добродѣтельной любви внушашѣ вѣ челоѣка то, что нужно для учрежденія его жизни, а именно устыждение ошѣ порока, и истинное рвеніе ко благу; безѣ сихъ же двухъ душевныхъ чувствованій никакой особенной челоѣкѣ и никакой городѣ не вѣ силахъ произвести ничего великаго, ничего достойнаго. Я осмѣляюсь сказать, что когда бы прямо любящій челоѣкѣ учинилѣ дѣло порочное, или перенесѣ обиду, не отмстивѣ за оную: то ему несравненно стыднѣе было бы предшашѣ предѣ свою любезную, нежели предѣ ошца

своего, предъ родственниковъ, или предъ ко-
гобъ то ни было. Подобное происходишь и
съ шѣмъ, кшо любимъ: онъ никогда споль
унылъ не бываетъ, какъ въ то время, когда
въ погрѣшности уличается шѣмъ, кшо его
любишь. И пошому скажемъ, что ежелибъ
какимъ очарованіемъ градъ, или воинство,
могло бышь наполнено едиными любовниками:
то не было бы блаженства, подобнаго шому,
какое ощущалъ бы народъ сей, чувствующій
и ужасъ ошъ порока, и любовь къ до-
бродѣтели. Тако между собою соединенные
люди моглибъ, хошя въ маломъ числѣ, побѣ-
дишь всю вселенную. Ибо нѣшъ честнаго че-
ловѣка, кошорой бы осмѣлился предшпать предъ
любезное ему, покинувъ свое мѣсто, или повер-
гнувъ оружіе, и не пожелалъ бы лучше спо-
крашно умереть, нежели оставишь любимое
имъ въ опасности; или паче шакого робкаго
человѣка, кошорой бы въ шакомъ случаѣ не
сравнялся съ самымъ мужественнымъ, и ко-
еобъ любовь не превознесла превыше самаго
его. *Гомеръ* говоришь, что *боги щипали*
смѣлость въ нѣкоторыхъ изъ его героевъ.
Сіе можно справедливѣе сказашь о любви, не-
жели о другихъ богахъ. Между едиными лю-
бовниками извѣшно, какъ умирашь другъ
за друга. -- Не шолько мужи, но и жены
были, кои жершвовали своею жизнью для спа-
сенія любезнаго имъ. Греція вѣчно гласишь
будешъ о *Ащестѣ*, дочери *Пеліопой*; она
жизни не пощадила для супруга своего, и
единая она ошважалась за него умереть, хо-

шя имѣлъ онѣ отца и мать. Любовь супру-
 ги столь далеко превзошла ихѣ дружество,
 что едва не казущся они бышъ чудны сы-
 ну своему, и только едиными именами съ
 нимѣ связаны. И по сей причинѣ, хотя въ свѣ-
 шѣ и много доспойныхъ дѣяній происходишѣ,
 но *Алцестинѣ* поступокѣ столь превосход-
 нымѣ показался богамѣ и человекамѣ, что
 заслужила воздаяніе, весьма малымѣ числомѣ
 людей получаемое. Боги, плѣняясь швердоспїю
 ея духа, возвратили ее къ жизни. Толико-шо
 есть истинно, что добродѣтельная и велико-
 душная любовь и самими богами почиается!

Не такѣ поступили они съ *Орфеемѣ*.
 Они выслали его изѣ ада, не исполнивѣ про-
 шенія его. Вмѣсто того, чтобы возвратишѣ
 ему супругу, показали единую шѣнь ея; ибо
 (какѣ музыканшѣ) не имѣлъ онѣ довольно
 мужества, и вмѣсто того, чтобы послѣдовашѣ
Алцестѣ и умерешѣ за любезную, хитро-
 спїю сошелѣ онѣ живой во адѣ. И боги,
 прогнѣванные его малодушіемѣ, допустили уме-
 решѣ ему ошѣ рукѣ женщинѣ. Колико напро-
 шивѣ того почли они мужественнаго *Ахилла!*
Фетида, мать его, пророчествовала ему,
 что когда убьешѣ *Гектора*, то и самѣ ум-
 ретѣ пошомѣ скоро; а ежели не будешѣ съ
 нимѣ сражашѣся и возвратишѣся въ домѣ отца
 своего, то глубокой достигнешѣ старости.
 Однако *Ахиллѣ* ни мало не колебался. Онѣ
 предпочелѣ ошмщеніе за *Патрокла* собствен-
 ной своей жизни, и не шолько хошѣлъ уме-
 решѣ за друга, но желалѣ умерешѣ на шѣлѣ сво-

своего друга. За сіе боги почли его превыше
всѣхъ людей, и воздали ему за пожертвова-
ніе жизни за шого, кошорымъ былъ любимъ.
Ибо *Эхиль* ругается нами, говоря, что
Патрокль былъ любимъ. *Ахилль* былъ пре-
краснѣйшій изъ Грековъ, слѣдственно краше
Патрокла. Онъ былъ юнъ и моложе *Патро-*
кла, по словамъ *Гомеровымъ*. Но поиспин-
нѣ сказаць можно, что когда боги благо-
воляшъ шворимому шобою для любезнаго шобѣ,
шо они чшущъ, удивляющъ и награждающъ
совсѣмъ особенно за шо, что дѣлаешъ для
шого, кѣмъ любимъ. И въ самомъ дѣлѣ
шощъ, кшо любишъ, ешъ нѣчто божествен-
нѣе шого, кошорый любимъ; ибо въ немъ оби-
таешъ божество. Почему и *Ахилль* еще вящ-
ше награжденъ былъ, нежели *Алцеста*; ибо
боги по смерти его помѣстили въ остро-
ва блаженныхъ. И шакъ изъ всего сказаннаго
мною заключаю я, что изо всѣхъ боговъ
штаршій, почпеннѣйшій и наиспособнѣйшій
учинишъ чловѣка добродѣшельнымъ въ его
жизни и блаженнымъ по смерти ешъ *Еротъ*.
— Тако *Федръ* скончалъ рѣчь свою. *Аристо-*
демъ пропустилъ по немъ многихъ, кошорыхъ
рѣчи онъ забылъ, и дошелъ до *Папзанія*,
шакъ говорившаго.

Р Ѣ Ч Ъ

Папзанія.

Я не согласенъ, *Федръ*, со всеобщимъ
предложеніемъ о похвалѣ любви. Сіе былобъ

хорошо, естлибѣ любовь была одинакова; но какѣ она естѣ различна, то и желалѣ бы, чшобѣ прежде всего сдѣлать положеніе, кошо-рую любовь хвалишь должно. И шакѣ я по-спараюсь то исполнишь. Скажу, какая лю-бовь всѣхѣ болѣе хвалы достойна, и про-славлю ее колико силѣ моихѣ достанешѣ.

Неоспертно, что *Венера* нераздѣльна бываешѣ сѣ любовью; и ежелибѣ была одна *Венера*, то и любовь былабѣ единая; но ко-гда естѣ двѣ *Венеры*, то непремѣнно должен-ствуетѣ бышь и два рода любви. Кому безѣ-извѣстно, что двѣ *Венеры*, одна древняя, дщерь небесѣ, неимѣющая машери и наречен-ная *Венерою Ураніею*; а другая, моложе пер-вой, естѣ дщерь *Юпитера* и *Дионей*, и на-званная *народною Венерою*? Изѣ сего слѣ-дуетѣ, что изѣ двухѣ *Еротоцѣ*, яко испол-нишелей повелѣній двухѣ *Венерѣ*, одинѣ на-зывашься долженѣ *небеснымѣ*, а другой *на-роднымѣ*. И хошя всѣ боги достойны почи-панія, но надлежишь различить со шщаніемѣ должности сихѣ двухѣ *Еротоцѣ*.

Всякое дѣйствіе само по себѣ равнодушно, какѣ на примѣрѣ ѣсть, пишь, разговаривашь; ни одно изѣ нихѣ не заключаешѣ вѣ себѣ са-мо по себѣ ни худа, ни добра; но шокмо упо-шребленіемѣ онаго обращаетѣ во зло, или до-бро. Оно бываешѣ честно, когда всѣ дѣянія свои учреждаемѣ по правиламѣ честности; а порочнымѣ, естли вѣ прошивность онымѣ пошупаемѣ. Тоже самое естѣ и сѣ любовью. Всякая любовь вообще ни добродѣтели вѣ се-

бѣ не заключаешѣ, ни хвалы не заслуживаешѣ; но шаковою спановишся, когда любимѣ добродѣшельно. -- Любовь *народной Венеры* возбуждаешѣ въ насѣ низкія и подлыя спраши. Она царшвуешѣ между душами самаго просшаго сосшоянія, кои любяшѣ безѣ выбора болѣе женѣ, нежели человекѣвѣ; болѣе шѣло, нежели разумѣ. Да и изѣ одаренныхѣ разумомѣ прилѣпляющся къ шѣмѣ, кои всѣхѣ менѣе разсудительны: ибо ищущѣ единого сласполюбія; и чшобѣ досшигнушѣ наслажденія онымѣ, всѣ способы безѣ исключенія употребляющѣ. А ошѣ сего происходишѣ, чшо привязывающся ко всему, чшо представляешся ихѣ взору, и не разбирающѣ, дурно ли, или хорошо оное; ибо они слѣдующѣ *народной Венерѣ*, кошорая, бывѣ рожденна ошѣ мужа и жены, соединяешѣ къ совершеншвамѣ перваго недосшашки другой. -- Чшо же касается до *Венеры Ураніи*, шо она, не имѣя машери, ничего въ себѣ слабаго не имѣешѣ; пришомѣ, бывѣ древнею, непричасшна неистовшву юности; изѣ чего и выходишѣ, чшо *любовь небесная* ешѣ совершенная. Возженныя сею любовію имѣющѣ превосходныя склонности: они не въ чувшвахѣ сласполюбіе полагающѣ; но чшобы ихѣ шронущѣ и имѣ понравишся, надлежитѣ имѣшѣ прекрасную душу и благородныя склонности; въ выборѣ ихѣ познаешся совершеншво любви, ихѣ одушевляющія. Они прилѣпляющся не къ самой юности, но къ способнымѣ уже управляшѣ собою; ибо не мысляшѣ они воспользовашся

неоспорожностію невинной особы, дабы ее попомъ оставишь и послѣдовашь за другою; они соединяющся съ намѣреніемъ не разлучашься вѣчно, и проводишь жизнь свою съ шѣмъ, что любяшь. И въ самомъ дѣлѣ желательнѣе было, чтобъ такой законъ обрѣтася, кошорымъ бы запрещалось любить шѣхъ, коихъ разумъ еще не созрѣлъ, дабы чрезъ то не теряшь времени въ шакомъ дѣлѣ, кошорое не есть вѣрное; ибо по чему знашь, что нѣкогда будешь съ юнымъ человекѣмъ? Во что обратишь его разумъ? Что будешь съ его шѣломъ? И склонности его къ пороку, или добродѣтели обращающяся? Мудрые сами себѣ столь справедливой законъ предписуюшъ. Къ спрожайшему наблюденію онаго надлежало бы принудишь и простыхъ любовниковъ, о коихъ мы прежде говорили, и запретишь имъ шаковые союзы, какъ запрещается прелюбодѣйство. Они - то обезславили любовь; они - то заславили думашь, что постыдно ласкашь любовника; ихъ - то нескромность и несправедливостъ причиною сего заключенія, кошорое въ самомъ существѣ своемъ несправедливо; ибо ничто, происпекающее изъ основаній мудроспи и добродѣтели, постыдно бышь не можешь.

Не шрудно познашь мнѣніе, кошорое человекѣ о любви имѣюшъ во всѣхъ частяхъ свѣта; ибо законъ о томъ ясенъ и простъ. Въ единыхъ только *Аѳинахъ* и *Лакедемонахъ* законъ сей поняшь шрудно, и подверженъ изъясненію. На примѣръ, въ *Елидѣ* и *Веотіи*,

гдѣ умы шупы и краснорѣчіе рѣдко являюща, сказано просто, что дозволено любить того, кто насъ любитъ. Никто не идетъ прошиву сего узаконенія, ни шарцы, ни юные; и мнѣ кажешся, что сіе поощреніе къ любви происходитъ отъ того, дабы загладить всѣ препяшствія, и чшобѣ имѣ не было нужды для обѣщанія любви прибѣгать къ шѣмѣ хитростямъ, которыхъ они самою природою лишены. Но въ *Іоніи* и во всѣхъ обласняхъ, подверженныхъ варварамъ, совсѣмъ шому прошивное. Тамо признается безчестіемъ имѣть любовника; и одинаковымъ образомъ поступающъ съ философією и со всѣми упражненіями, приличествующими честному чловѣку. Но отъ чегожъ сіе происходитъ? Отъ того, что мучители не хотящъ, чшобѣ въ ихъ обласняхъ воссавали люди великаго духа, или бы соединялись сильною дружбою; любовь же естъ шо самое, чѣмъ сіе производится. Мучители *Аѳинскіе* испытали оное надъ собою: сильная дружба *Армодія* и *Аристогитона* опровергла мучительство, коимъ *Аѳины* унищялись. Изъ сего ясно усмодрѣшь можно, что въ шѣхъ обласняхъ, гдѣ постыдно кажешся любить того, кто насъ любитъ, строгость сія происходитъ отъ несправедливости правителей и отъ малодушія подверженныхъ правленію; а въ обласняхъ, гдѣ почиашся добродѣтелию воздавать безъ разбору любовію за любовь, позволеніе сіе происходитъ отъ грубости народа, спрашившагося препяшствій. —

Всежъ сіе учреждено между нами съ гораздо большею мудросію. Но, какъ я и выше сказалъ, надлежитъ разсмотрѣть законъ сей, дабы поняшь его; ибо съ одной спороны говоряшь, что похвальнѣе любить явно, нежели въ шайнѣ, а особливо когда любяшь шѣхъ, кои сами обладающъ честію и добродѣшелію, наипаче же когда въ любимомъ предметѣ не обрѣшается красота шѣлесная. Всѣ усердствуюшъ благополучію любящаго; всѣ ободряюшъ его, чего конечно бы не дѣлали, когдабъ почивали, что любить есть порочно. Всѣ чшущъ шого, кто успѣетъ въ любви своей; а презираюшъ, когда не достигающъ оной. Всякому любовнику позволяешся употреблять всѣ возможные способы для достиженія своего намѣренія; и нѣтъ ни единого изъ употребляемыхъ имъ способовъ, коимъ бы несовершенно обезчестилъ человекъ въ глазахъ людей добродѣшельныхъ, когдабъ употребленъ былъ не для успѣха въ любви, но для чего инаго. Ибо ежелибъ какой человекъ, въ намѣреніи обогатиться, или получишь чинъ, или подобное шому, дерзнулъ едину часъ шѣхъ угожденій дѣлать большому господину, каковыя онъ дѣлаешъ для любимого своего предмета; или употреблять шаковыяжъ прозъбы, или споль же бышь ошъ него неоплучнымъ, или шаже клясься предъ нимъ; или же проводишь ночи у дверей его, или дѣлать шаковыя низкоспи, къ каковымъ и рабъ снисши бы успѣдился: шо не было бы ни единого изъ друзей и враговъ сего че-

ловѣка, кошорой бы оставилъ его въ покоѣ. Одни бы явно его уличили въ подлости и низости, а другіе за негобъ стыдились и старались его исправить. Все же сіе приличествуетъ тому, кто любитъ. Все ему позволено, и не только сіи низости его не безчестяшъ, но за нихъ чшутъ его какъ человека, исправляющаго въ точности свою должность. Всего чуднѣе шо заключеніе, чтобъ любовники единые были шакіе кляшвопреступники, коихъ бы боги не наказывали; ибо говорятъ, что кляшвы не обяыываютъ въ любви. Но шо подлинно, что люди, да и самыя боги дають любящимъ во всемъ полную власть. И шакъ нѣшъ никого, ктобъ не былъ въ томъ увѣренъ, что въ нашей области похвально любить и доброхотствовашъ любящимъ насъ — Но не совсѣмъ ли противное тому подумають, когда съ другой стороны разсмотрятъ, съ какимъ шщаніемъ отецъ приставляетъ къ дѣшямъ своимъ человека, дабы надзирать надъ ними, и что все стараніе ихъ состоитъ въ томъ, дабы не допускатъ ихъ говорить съ любящими ихъ? Когда же я случился, что, не смотря на шо, они видяшся съ любовниками своими, шо сошоващи надъ ними насмѣхаютъся, а шарѣйшіе ихъ не препяшшвуютъ шаковымъ насмѣшкамъ и не бранятъ ихъ за оныя. Взирая на сей обычай нашего града, не подумають ли, что мы живемъ въ шакомъ народѣ, у котораго въ стыдѣ поставляетъся любить и бытъ любиму? — Но вошъ какимъ образомъ надлежитъ

жизнь согласишь сии противоречія: любовь, какъ я и выше сказалъ, сама въ себѣ ни зло, ни добро есть. Похвально любишь по правиламъ чести; постыдно же, поступая въ противность онымъ. -- Позорно склонись на любовь безчестнаго человѣка, но достойно похвалы предаваться дружеству украшеннаго добродѣтелию. Я называю безчестнымъ человѣкомъ всякаго любовника, любящаго болѣе инѣло, нежели разумъ. Его склонность продолжишься не можешь; ибо любишь красоту, вещь исчезающую. Едва цвѣтъ сей красоты увянешь, то, не смотря на свои увѣренія и кляшвы, онъ удаляется, и какъ бабочка съ одного цвѣтка на другой перелетишь. Но не такъ поступаешь честной любовникъ: онъ плѣняется прелестію духа, и дружба его безсмертная; ибо то, что онъ любишь, есть твердо и исчезнуть не можешь. -- Почему намѣреніе узаконенія нашего есть то, чтобы разсматривать прежде, нежели соединяешься; чтишь шѣхъ, кои добродѣтелию плѣненны, а презираешь ищущихъ единого сладострастія; поощряешь людей къ соединенію съ первыми, а ко уклоненію отъ послѣднихъ; разсматриваешь намѣренія того, кто любишь, и того, кто любишь себя допускаешь. А изъ сего и слѣдуешь, что стыдно соединяться безъ размышленія и испытанія; ибо единое время открываетъ тайнство сердець. Стыдно также склонись на любовь богатаго, или знашнаго и сильнаго человѣка, хотя бы то было отъ

спра-

спраха, или ошѣ намѣренія набогашишься, или ошѣ желанія получишь знашныя чины; ибо намѣренія шакого роду не могутъ произвешъ истинной дружбы, и основанія шаковыя шверды бышь не могутъ. — Есть шолько единой случай, вѣ кошоромѣ вѣ силу намѣренія закона нашего дозволяешся соединяшься дружбою съ ищущимѣ оной; ибо подобно шому, что низость и свободная неволя человѣка, ищущаго склонишь вѣ любовь другаго, непосшдыны: такѣ похвальна свободная неволя шого, кшю для добродѣтели ввергаешъ себя вѣ оную. Всѣ на шо согласны, что ежели человѣкѣ угождаешъ и служишь другому, вѣ намѣреніи чрезѣ него ушвердишься вѣ честности, постигнушь премудрость, или другую какую часть добродѣтели: шо сіе исканіе низостью почесться не можешъ. Съ любовью надлежишь поступашъ подобно, какѣ съ философією, и чтобы законы единой были законами другой. Ибо ежели любящій и любимый любяшся на шакихѣ условіяхѣ, что любящій вѣ награжденіе за невинныя ласки любимаго подвергаешъ себя услугамѣ его согласно съ честію, и что любимый, вѣ воздаяніе за стремленіе его учинишь его мудрымѣ и добродѣтельнымѣ, будешъ съ своей шпороны оказывать ему всѣ угодности, кошорыя честь дозволяешъ; и ежели любящій подлинно вѣ состояніи вкоренишь добродѣтель и мудрость вѣ сердце имѣ любимаго, а любимой имѣешъ истинное желаніе поучишься мудрости; ежели, говорю я, всѣ сія условія шочно суще-

Часть V. 3 ству-

спвуютъ, шо тогда шолько добродѣтельно
 есть любить насъ любящаго. Во всякомъ же
 другомъ видѣ любовь позволена бытъ не мо-
 жетъ. И тогда не стыдно бытъ обманушу.
 Но во всякомъ другомъ случаѣ поштыдно есть
 бытъ, или не бытъ обманушымъ; пошому
 что когда въ надеждѣ обогатиться преда-
 ешься любовнику, щипая его богашымъ, и
 потомъ узнаешь, что онъ бѣденъ и не мо-
 жетъ сдержать обѣщаній своихъ, стыдъ ра-
 венъ съ обѣихъ сторонъ; ибо познавъ прямое,
 покажешь, чтошобъ ты для денегъ и для всяка-
 го шоже сдѣлалъ. Что же бытъ можетъ оп-
 даленнѣе отъ добродѣтели, какъ шаковое
 чувствованіе? Напротивъ шого, повѣривъ се-
 бя любовнику въ надеждѣ, что онъ честной
 человекъ, и дабы посредствомъ дружбы его
 преуспѣшь въ добродѣтели, когда и познаешь,
 что сей любовникъ не честенъ и не добродѣ-
 теленъ, нѣтъ стыда бытъ шаковымъ обра-
 зомъ обманушу; ибо открывъ внутренность
 своего сердца, покажешь, что для добродѣте-
 ли, или въ надеждѣ преуспѣшь въ совершен-
 ствѣ, ты способенъ предпріяшь все; и нѣтъ
 ничего похвальнѣе, какъ сіе къ добру рвеніе.
 И такъ изо всего онаго заключаю, что по-
 хвально есть любить для добродѣтели. Сія
 шо любовь сосшавляетъ *небесную Венеру*, и
 сама собою есть небесная, полезна для каж-
 даго особо и для республики вообще, и до-
 стойна особеннаго вниманія; ибо принуж-
 даетъ бдѣть любовниковъ самихъ надъ со-
 бою, дабы предупѣвать помощію другъ дру-

га въ добродѣтели. Всѣ же другіе роды любви принадлежатъ *народной Венерѣ*.

Вошъ, любезный *Фѣдръ*, что шеперь могъ сказать о любви.

Папзаній тогда остановился, и надлежало говорить *Аристофану*; но въ томъ воспрепятствовала ему приключившаяся ему икоша, происшедшая, какъ я думаю, отъ немѣренной его пищи. И для того, обращаясь ко врачу *Эриксимаху*, сидѣвшему подлѣ него, сказалъ: ты долженъ избавить меня отъ икошы, или за меня говоришь. — Я и то и другое исполню, отвѣчалъ *Эриксимахъ*: спану говоришь за себя, а ты по минованіи швоей икошы за меня говоришь будешь. Она уймется скоро, когда удержишь дыханіе и выполоскаешь горло водою. Есть еще и другой способъ, кошорой непременно прерываетъ икошу, то есть, чтобы помощію шренія носа произвести чиханіе. — Я исполню швои приказанія, сказалъ *Аристофанъ*, прежде нежели ты успѣешь докончать рѣчь свою; а шеперь начинай.

Р Ѣ Ч Ъ

Эриксимахопа.

Папзаній сказалъ весьма много хорошаго о любви. Но мнѣ кажется, онъ не довольно основательно изъяснился, а шолько сдѣлавъ начало, и пошому почишаю за нужное довершить его рѣчь. Я соглашаюсь на учиненное имъ двухъ родовъ любви различіе; но врачевная

наука, мнишь, открываетъ мнѣ, что любовь не въ единой душѣ человѣческой обитаетъ, дабы возвысить ее до познанія красоты. Я удостоверенъ, что она и во многихъ другихъ вещахъ находится, какъ въ шѣлесахъ живописныхъ, такъ и въ произрастѣнiяхъ, или лучше сказать, любовь во всей природѣ царствуетъ. Сей богъ силу и власть свою вездѣ показываетъ, какъ между людьми, такъ и между самыми богами. Первое доказательство сего мнѣнiя почерпаю изъ врачевныхъ науки для воздаянiя чести моему искусству. Части шѣлесъ нашихъ, кои суть здоровы, и шѣ, копорыя недугами обдержимы, состоятъ изъ противоположныхъ вещей; а пошому и различныя побужденiя имѣютъ. Любовь, обитая въ здоровомъ шѣлѣ, опмѣнна опъ шой, копорая находится въ больномъ. Положенiе, утвержденное *Папзаниемъ* о снисхожденiи и угодноспяхъ, коими обязаны люди добродѣшельному другу, и о сопротивленiи шому, копорой движимъ необузданною спрасшiю; сiе положенiе, говорю я, должно непременно наблюдаемо бытъ искуснымъ врачомъ, касательнo двухъ родовъ любви, полагаемыхъ нами въ шѣлесахъ, слѣдуя спремленiю хорошаго сложенiя шѣла, и противоборству испорченному. Въ семъ состоитъ искусство врачеванiя; ибо, однимъ словомъ сказать, врачеванiе есть наука, помощiю копорой познается склонность шѣла въ выборѣ яспвѣ и въ облегченiи себя опъ излишняго опягощенiя желудка; и шопъ врачъ, копорой лучше умѣетъ раз-

различить побужденія добродѣтельной любви отъ порочной, тошъ долженъ почесться искуснѣйшимъ. Другое доказательство искусства его состоишъ въ томъ, дабы такимъ образомъ управляшь склонностями шѣлесъ нашихъ, чшобъ онѣ могъ, смотря по нуждѣ, перемѣнять оныя, истребляшь происходящее отъ такъ названной порочной любви, возбуждашь протиспекающее отъ добродѣтельной, гдѣ того шребуешъ надобность; производишь согласіе между протшвоборствующими склонностями, и содержашь ихъ такъ, чшобы онѣ другъ другу вспомоществовали. И въ самомъ дѣлѣ можно почестъ сіи склонности за междуособныхъ враговъ, когда онѣ протшвположны другъ другу, какъ хладъ зною, влага сушѣ, горечь сладости, и такъ далѣе. И *Эскулапъ* споль прославился и названъ изобрѣшателемъ врачеванія единственнo по тому, чшо нашелъ средство произвестъ согласіе между протшвположностей, какъ о томъ гласяшъ пѣснопѣвцы и какъ я тому вѣрю. Почему и осмѣливаюсь ушвердиль, чшо врачеваніе управляемо шѣмъ же богомъ, коего мы восхваляшь предпріяли; и кшо примѣчатъ похочешъ, тошъ познаешъ равномернo силу любви въ гимнастикѣ, въ музыкѣ и въ хлѣбопашествѣ; чшо и *Гіераклитъ* конечно чувствовалъ, хощя и шемно изъяснялся, говоря: шо, чшо протшвоборствуешъ самому себѣ, производишь согласіе, чему въ примѣрѣ приводитъ гармонію, происхѣдющую отъ лиры. Спрашно кажешся, чшобы гармонія не была

согласна, или чшобы оная сосшавлялась изъ разногласныхъ шоновъ, осшашующихся въ сущесшвѣ своемъ шаковыми; но чаяшельно *Гіеракзитъ* разумѣлъ подѣ сими словами, что изъ прошивоположеній, какъ - то изъ глухаго и пронзительнаго голоса раждаешся гармонія, когда оные чрезъ искусство музыки въ согласіе приведены бывающъ. Безъ сего же искусства, чшобы соглашашъ прошивоположня, гармонія никогда бы произойши не могла; ибо она, заключаая въ сущесшвѣ своемъ единогласіе и согласность, не можешъ сосшавишь изъ прошивоположностей, пока онъ шаковыми пребывающъ. Симъ - то способомъ длинныя и крашкіе шоны, разншвуая между собою, производящъ мѣру, когда они приведены въ согласіе. И шакъ музыка соглашаешъ различныя шоны, подобно какъ врачеваніе примиряешъ склонности, сражающіяся между собою. А сія любовь не можешъ ли же назвашся любовію взаимною, кошорую сіе искусство производитъ между шонами и мѣрами, различая то, какимъ образомъ должны они бышь вмѣстѣ соединенными? Сила любви легко познаешся въ семъ соединеніи. Но различіе сихъ двухъ родовъ любви не инако примѣчаешся, какъ въ упошребленіи сея науки въ разсужденіи людей; или посредшвомъ выдумки, что называешся *сочиненіемъ*; или посредшвомъ упошребленія кшаша сего сочиненія, что называешся *разбирательствомъ сочиненнаго*. Для исполненія сего надлежитъ имѣть ошмѣнное вниманіе и шребуешся

ся весьма искусной мастерѣ. -- Приведемше здѣсь уже нами утвержденное положеніе, чѣмобѣ поощряшь людей благоразумныхъ, или шѣхъ, копорые шаковыми бышь ищущѣ, къ сохраненію въ нихъ небесной любви къ Музѣ *Ураніи*. -- Что же принадлежишь до сладострастной любви, копорая ешь просто-народная, шо оною должно наслаждашь сѣ великою ошпорожностію, дабы ошѣ удовольствія, происпекающаго ошѣ нее, не произошелѣ беспорядокѣ и вредѣ. Та же самая ошпорожность пошребна и въ нашемѣ искусствѣ, дабы позволяшь упошребленіе яспвѣ сѣ шакою мѣрою, копораябѣ не могла повредишь здравіе. И шакѣ надлежишь намѣ сѣ великимѣ шщаніемѣ различашь сіи два рода любви въ музыкѣ, во врачеваніи и во всемѣ касашельно до боговѣ и людей; ибо нѣшѣ ничего, гдѣ бы сіи два божества не обрѣшались. Они да же находящяся и въ различности годовыхъ временѣ; ибо когда хладѣ и шеплоша, влага и суша соединяющяся порядочною любовію, и шѣмѣ сосшавляющѣ равновѣсную и вѣрную гармонію: шо годѣ бываешѣ хлѣбороденѣ и полезенѣ какѣ живошнымѣ, шакѣ и произрашѣніямѣ; напрошивѣ же шого, когда упомянушыя дѣйствія ешества управляемы не-правильною любовію, шогда производяшѣ язвы, болѣзни, вредной воздухѣ, нешпорядочную погоду и шому подобное, ишшребляющее хлѣбородіе. Познаніе какѣ сего, шакѣ движенія небесѣ и раздѣленія года, названо *Астрономіею*. Сверхѣ шого жершвоприношенія и

всѣ дѣла, въ кошорыхъ употребляется предсказаніе; однимъ словомъ, все, касающееся до соединенія людей съ богами, имѣешь своею мешою побужденіе къ послѣдованію справедливой любви, кошорая есть основаніемъ истинныя вѣры; ибо безбожные пошунки, упущеніе должностей противъ живыхъ, или усопшихъ родителей, и пренебреженіе молитвы къ богамъ, происходяшъ единственно отъ неповиновенія божественной любви, и отъ послѣдованія противоположенной оной. Должность предсказанія есть примѣчать сіи любви, дабы познаешь способъ, коимъ онѣ учиняются орудіемъ, служащимъ къ сообществу людей съ богами. Изъ сего и выходишь, что предсказаніе, примѣчая и сохраняя сіи любви, дѣлается орудіемъ содружества людей съ богами; ибо оно различаетъ справедливое и неправильное, въ разсужденіи пристрастій человеческихъ. Однимъ словомъ, любовь великую силу имѣешь, и власть ея надъ всемъ распространяется. Но наивящше доказуешь власть ея, и намъ даетъ чувствовать блаженство, то, когда мы чрезъ нее прилѣпляемся къ доброму, и учреждаемъ склонности свои по правиламъ справедливости и умеренности, касающейся до насъ и до боговъ, сохраняя дружбу между нами и приобрящая намъ благоволеніе боговъ, коихъ существо столь много превосходишь наше. Я можешь быть пропускаю многое, могущее служишь къ восхваленію любви; но сіе не отъ воли моей зависишь. Тебѣ, *Аристофанъ*,

оспа-

остаешься ввести въ хвалу твою недоспающую ей въ моей рѣчи. Но ежели ты другимъ способомъ хочешь восхвалять сего бога, то сѣда будешь въ твоей волѣ. Начинай; твоя икоша уже миновалась.

Аристофанъ отвѣщивовалъ: правда, что икоша моя способомъ чханія миновалась, но меня удивляетъ, что движеніе шакого роду, послѣдуемое шумомъ и смѣшными обращеніями, могло бытъ полезно тѣлу, котораго правильная любовь (говоря по твоимъ словамъ) составляетъ существо и связь. — Поберегись, *Аристофанъ*, отвѣщивовалъ ему *Эриксимакъ*; ты готовишься выпійствовать, и твоя шушка понудитъ меня примѣчать твою рѣчь съ критическимъ духомъ; и ежели ты хотя малой случай къ тому подашь, то я онаго не упущу. Ты самовольно себя подвергаешь моей критикѣ, имѣя способъ избѣжать оной. — Ты правду говоришь, отвѣщивовалъ *Аристофанъ*. Забудь говоренное мною и не суди меня спрога; ибо я спрашусь не смѣха, приличествующаго моей Музѣ, но чтобы не выговоришь шакого, котораго заслужилобъ посмѣяніе. — А! тебѣ хочешь избѣжать критики, пустивъ въ меня напередъ свои стрѣлы? Подумай же хорошенько о своей рѣчи такъ, какъ бы долженствовалъ за каждое слово отвѣщивовать; и когда мнѣ вздумается, то я можетъ бытъ и не такъ спрога тебя судить спану. По семъ *Аристофанъ* началъ такъ:

Р Ъ Ч Ъ

Аристофана.

Говоря о любви, намѣренъ я слѣдовать совсѣмъ другому расположенію, нежели какое *Пацзаній* и ты имѣли. Мнѣ кажется, что до днесь люди не знали силы сего бога; ибо, когдабъ оная была имъ вѣдома, шобъ воздвигли ему храмы и приносили жершвы, чего однакожъ до сего времени еще нѣшъ, хотя принадлежишь ему оное. Ни одинъ изъ боговъ не проливаетъ столько благодѣяній на человѣковъ, сколько *Еротъ*; онъ ихъ защитникъ, онъ врачъ ихъ; онъ, услаждая ихъ горести, превращаетъ во благо. Я пощуся показать вамъ силу его, и вы научите другихъ услышанному о семъ отъ меня. Впервыхъ, надлежишь познать, какія были въ древнія времена спраси человѣковъ и существо ихъ, кошорое совсѣмъ опмѣнно отъ нынѣшняго. Тогда было при рода людей: два пола по днесь существующіе, и прешій обоихъ ихъ въ себѣ включавшій. Сей послѣдній истребленъ: онъ назывался *Андрогинъ*, и отъ нихъ только лишь единое сіе мерзкое имя между нами осталось. Всѣ вообще люди имѣли тогда круглой образъ, два лица, прошивоположныя одно другому, но заключающіяся въ одной головѣ, кошорая также была круглая; чешыре руки, чешыре ноги и все прочее вдвое противъ обыкновеннаго шѣла человѣческаго. Сшанъ у нихъ былъ прямой же, подобно нашему; не было имъ нужды поворачиваться, пред-
при-

принимая какой пущь; а когда хошѣли ишши скорѣе, шо опирались на руки, шакѣ какѣ на ноги, и дѣлали коловрашное движеніе, подобное нѣкоему плясанію, вѣ коемѣ опираясь поперемянно главою, руками и ногами, изображается обращеніе колеса. Разношь, находящаяся вѣ сихѣ трехѣ родахѣ людей, происходишь ошѣ разности началѣ ихѣ. Мужеской полѣ происходишь ошѣ солнца, женской ошѣ земли, а заключающій сихѣ обоихѣ ошѣ луны, кошорая заимствуетъ ошѣ земля и солнца. Ошѣ сихѣ трехѣ началѣ имѣютъ оные три пола и образѣ и движеніе, кошорое есть сферическое. Они сдѣлали шѣлеса ихѣ швердыми и вліяли вѣ нихѣ мужество, а сіе возбудило вѣ нихѣ дерзосшь взойти на небо и сразиться сѣ богами, какѣ шо *Омирѣ* повѣсшвуетъ о *Ефіалтусѣ* и *Отусѣ*. *Юпитерѣ* разсуждалѣ сѣ богами, что надлежало учинишь для укрощенія шаковаго предпріяшя. Дѣло было шрудное; ибо шоликое дерзновеніе не могло быть шерпимо. Но сѣ другой спороны боги не хошѣли испребленіемѣ людей лишиться жершвѣ и служенія, кои шолько одни человекѣки воздавать имѣ вѣ силахѣ. Наконецѣ *Юпитерѣ* опредѣленіе свое вѣщаль шакѣ: Я нашель, сказалѣ онѣ, средство сохранишь людей и учинишь ихѣ воздержнѣе, а именно: надлежитѣ уменьшишь ихѣ силы. Я раздѣлю ихѣ на двое, чрезѣ что они сдѣлаются слабѣе; шѣмѣ самымѣ умножу и число намѣ служащихѣ; они будутѣ ходишь прямо шолько на двухѣ ногахѣ. А когда по-

слѣ сего наказанія необузданная дерзость ихъ не испробитъ, но еще разъ раздѣлю ихъ, и они уже будутъ имѣть только одну ногу. — По семъ объявленіи сей богъ совершилъ раздѣленіе, опредѣленное имъ, такимъ образомъ, какъ то чинишь, когда разрѣзываютъ лица для соленія, или волоскомъ разнимаютъ оныя на двѣ равныя части. Потомъ повелѣлъ *Аполлону* излечить раны, и лице поставишь къ той сторонѣ, съ которою раздѣленіе учинено, дабы возрѣніемъ на сіе наказаніе шѣмъ болѣе помышляли о смиреніи. *Аполлонъ* повиновался тому; и собравъ обрѣзанныя кожи, соединилъ ихъ на подобіе кошелька, что и по днесь видимо есть; рубцы загладилъ орудіемъ, подобнымъ употребляемымъ сапожниками, а оставилъ нѣкошорыя стигы, на кои человекъ взглянуть не можетъ, не вспомнувъ о бывшемъ своемъ преступленіи. По совершеніи того раздѣленія каждая часть искала встрѣшиться съ частію, ей принадлежавшею; и когда другъ друга находили, то соединялись съ такимъ стремленіемъ, чтобъ возвратиться въ прежнюю свою единицу, что погибали въ объятіяхъ другъ друга, и забывали нужное дѣйствіе къ сохраненію жизни. Когда же одна изъ половинокъ сихъ погибала, то оставшаяся искала другой половины, и вновь съ нею соединялась, что происходило неизключительно съ обоими полами. Чрезъ сіе человеческой родъ въ скоромъ бы времени испробитъ, когдабъ *Юпитеръ*, сжалясь надъ ихъ несчастіемъ, не перемѣнилъ едино-

единообразія сихъ половинъ , а шѣмъ самымъ и соединеніе сіе не препящствовало уже размноженію человѣческаго рода и нужному попеченію о сохраненіи жизни. И отъ сего - по родилась любовь взаимная , копорая , соединяя двухъ особъ , приводишь въкоторымъ образомъ существо ихъ въ прежнее его совершенство. И такъ всякъ изъ насъ не есть совершенной человѣкъ , но половина того , что былъ въ своемъ началѣ ; половина , отдѣленная отъ самаго себя такимъ образомъ , какъ мы видимъ раздѣленное бревно , или раздѣленной стигъ . Сіи половины ищущъ всегда своихъ половинъ ; а отъ - того происходишь различіе склонностей человѣковъ . Мужи , ищущіе женъ , а жены , любящія мужей , происходяшь отъ сего состава обоихъ родовъ , названнаго *Андрогинъ* . Прочіе же , бывъ составлены только изъ единого рода , ищущъ подобныхъ себѣ . Сія склонность приносишь великую пользу людямъ ; ибо , поощряя ихъ съ самой юности бесѣдовать со спарцами , ушверждаешъ ихъ въ добродѣтели и способными дѣлаешъ къ услугамъ республики . Достигнувъ же совершенныхъ лѣтъ , равномерно и они пекутся о юныхъ людяхъ , которые къ нимъ прилѣпляющся . Они шѣмъ паче могутъ посвящать имъ свои услуги , что не отвращающся отъ того попеченіемъ домашнимъ ; ибо они чшущъ холостое состояніе , и въ бракъ всшупающъ не прежде , какъ когда законъ ихъ къ шому приглашаешъ . Напрасно юныхъ людей таковыхъ склонностей порочашъ ; они

единственно изъ великаго духа и благородныхъ склонностей ищущъ себѣ подобныхъ, въ надеждѣ, дабы обрѣсти въ нихъ сходныя своимъ дарованіямъ. Каждой разѣ, когда кто встрѣчаетъ свою половину, бываетъ движимъ сильнѣйшими чувствованіями; и разлученіе съ столь прелестнымъ предметомъ, хошябъ и на единое мгновеніе ока, несперпимую производитъ горестъ. Услажденія, ощущаемыя прямыми любовниками бытъ вмѣстѣ, не изъ порочнаго источника исходящъ; ихъ взаимное желаніе не есть низкое и изъяснено бытъ не можеть: они дають по разумѣ другъ другу скрытыми знаками, которые однакожъ взаимная любовь дѣлаеть для нихъ понятными. И когда бы *Вулканъ*, представъ предъ нихъ со всѣми орудіями своего искусства, сказалъ: чего вы оба требуете? И видя ихъ замѣшательство, продолжалъ бы шако: не шого ли вы желаете, чшобы шакъ соединишься, дабы ни день, ни ночь васъ не разлучили? Когда въ шомъ состоишь ваше желаніе, я шопчасъ васъ солью и шакъ смѣшаю, чшо вы уже будете не два, но одно существо, не шолько въ сей жизни, но и въ самомъ гробѣ. Разсмотримъ шеперь, въ шомъ ли состоишь ваше желаніе, и можеть ли сіе васъ совершенно учинишь благополучными? -- Когда бы, говорю я, *Вулканъ* произнесъ имъ шакія слова, шо конечно ни единъ не отказалсябъ его предложенія, и не искалъ бы обрѣсти въ чемъ либо другомъ исполненія своихъ желаній, удостовѣрясь, чшо *Вулканъ* обрѣлъ пребывшее во всѣ времена въ душахъ ихъ со-

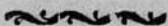

кровенно. Сіежѣ желаніе, чтобы совершенно смѣсись съ любезною и единымъ быши съ нею, ничто иное естъ, какъ естественное стремленіе возвратить существо свое въ прежнее совершенство. Ибо, какъ я уже о томъ сказалъ, прежде были мы совершенной соспавъ, раздѣленной попомъ въ наказаніе наша несправедливости; а любовію называешся па склонность и шѣ стремленія, копорыя мы имѣемъ, чшобъ паки соединишь оныя двѣ раздѣленные части. Почему и надлежишь намъ остерегашся, дабы еще не прегрѣшишь прошиву боговъ, и не подвергнушь себя въпоричному раздѣленію. Пошщимся испрашивашъ у нихъ блага, искомага нами помощію любви, копорой не возможно прошивишься, не прошивясь самимъ богамъ; любви, копорою мы обрѣсти можемъ сію собсшвенную часть нашу, споль нужную для нашего блаженства. Но симъ весьма рѣдкимъ благомъ малому числу позволено насладишься. — Да *Эриксимахъ* не опровергаешъ сихъ послѣднихъ словъ моихъ, шакъ какъ будто бы онѣ *Папзанія* и *Агатона* означали; можешъ бышь они происходятъ опъ сего мужешвеннаго и почтеннаго начала, копорое мы предъ симъ восхваляли. Но какъ бы шо ни было, я удосщвѣренъ, что мы всѣ будемъ блаженны, какъ мужи, шакъ и жены, повинуюсь впечаташніямъ любви, и напаяясь ея сладостию; а чрезъ шо познаемъ и прежную нашу природу. Когда же сіе состояніе естъ совершенно блаженно, шо и не лзя споришь, чшобы наиболѣе къ

оному приближающееся (какъ - то мы обрѣ-
 шаемъ друга, способнаго водвориться въ на-
 ше сердце) не было наилучшее и найдостой-
 нѣйшее нашего исканія; и восхваляя Бога за
 сіе блаженство, мы восхваляемъ любовь, ко-
 торая по справедливости достойна нашей
 благодарности; ибо она не столько печется
 объ насъ въ настоящее время, подавая, что
 намъ необходимо нужно; но внушаетъ еще
 надежду, что пребывъ вѣрны къ услугамъ
 боговъ, она довершитъ блаженство наше,
 исправитъ испорченную природу и возвратитъ
 оную къ прежнему ея совершенству. -- Вотъ
 все то, *Эриксимахъ*, что я имѣлъ сказать
 о любви. Мысли мои совсѣмъ ошмѣнны отъ
 вашихъ; но я прошу еще, чтобы не оуж-
 дашь рѣчи моей, и шѣмъ не прашить време-
 ни, оставшагося намъ къ вниманію *Агатона*
 и *Сократа*, которые еще не говорили.

Я тебѣ повинуюсь, сказалъ *Эриксимахъ*,
 шѣмъ паче, что рѣчь швоя меня до того
 восхишила, что, когдабъ не вѣдалъ, koliko
 краснорѣчивы *Сократъ* и *Агатонъ* въ рассу-
 жденіи любви: то подумалъ бы, что они
 должны будущъ замолчать; ибо кажешся
 уже не осмѣяся что и говоришь послѣ
 сказаннаго шеперь. Однако я еще многого
 отъ нихъ ожидаю. -- Ты весьма хорошо
 вывернулся, сказалъ *Сократъ*; но когдабъ
 ты, *Эриксимахъ*, былъ на моемъ мѣстѣ, то
 бы въ томъ же находился страхъ и сомнѣ-
 ніи, какъ я; и оной еще умножисья дол-
 женъ, когда *Агатонъ* проговоришь свою рѣчь
 съ

съ природнымъ ему краснорѣчіемъ. — *Сократъ*! сказалъ *Агатонъ*, ты хочешь прельснить меня своими похвалами, дабы я содрогнулъ, воображая, что сіе собраніе ожидаетъ ошъ меня великаго, подобно какъ бы мнѣ надлежало предстать на эсапрѣ. — У меня еще не споль мало памяши, ошвѣчалъ *Сократъ*, чшобъ могъ думать, что успрашишься шакой небольшой кучки людей, какъ наша, когда вчера видѣлъ шебя на прагическомъ явленіи, окруженнаго комедіаншами, и вѣщающаго спихи свои предъ шоликимъ множесшвомъ зршелей безъ малѣйшей боязливосши. Пожалуй, *Сократъ*, ошвѣчалъ *Агатонъ*, не думай, чшобы я сполько былъ упоенъ эсашромъ и плесканіями, чшобы не зналъ, сколь много превосходитъ сужденіе малаго числа мудрыхъ всѣ похвалы народныя. — Я бы весьма несправедливъ былъ, ошвѣчалъ *Сократъ*, когдабъ усомнился въ швоемъ при семъ проницаніи, и не былъ бы удосповѣренъ, что ты, находясь между малымъ числомъ мудрыхъ, предпочтешь ихъ народу. Но можешь бышь мы не изъ числа сихъ мудрыхъ? ибо вчера и мы находились въ шолпѣ народа. Но положимъ, чшобъ ты находился въ бесѣдѣ съ мудрыми; не опасался ли бы ты что нибудь шакое сдѣлашь, кошорое они моглибъ опорочить? — Конечно, ошвѣчалъ *Агатонъ*. — Но самаго шогожъ не опасался ли бы ты, находясь между простыми людьми? сказалъ *Сократъ*. — *Федръ* тогда прервалъ рѣчь его, и обращаясь къ *Ага-*

тону, сказалъ: Ежели шы, любезный другъ, не преспанешь ошвѣчать *Сократу*, то онъ ни о чемъ больше и думать не будешь; ибо онъ доволенъ, когда найдетъ съ кѣмъ поспорить, а паче когда спорющійся съ нимъ одаренъ красою. Правда, я великое удовольствіе чувствую, внимая *Сократу*; но какъ предприятие нами въ похвалу любви еще не кончано, то пускай лучше каждой по очереди своей довершитъ хвалу сему богу, а послѣ спорше, сколько вамъ угодно. — Ты правду говоришь, *Федръ*, сказалъ *Агатонъ*. Ничто мнѣ теперь не мѣшаетъ; споришь съ *Сократомъ* могу и послѣ. И шакъ я присуплю къ моей рѣчи.

Р Ѣ Ч Ъ

Агатонопа.

Мнѣ кажется, что говорившіе до сего болѣе прославляли благодѣянія, происпекающія отъ любви, и шастіе, коимъ чрезъ нее люди наслаждаются, нежели восхваляли самую любовь. Правду вѣщали о блаженствѣ, кошораго она есть источникомъ; но не извѣстили, что она въ самомъ существѣ своемъ есть. Въ насшоющемъ образѣ похвалы надлежитъ прежде предложить существо шого, что восхваляется, а потомъ уже перейти къ дѣйствіямъ, отъ шого происходящимъ; почему прежде всего должно показашь, что есть иъ существо своемъ любовь, а потомъ уже описашь благодѣянія, отъ нее истекающія. —

И начинаю шѣмъ утверждениемъ, что *Еротъ* не только наслаждается блаженствомъ, нераздѣльнымъ ошъ существа боговъ, но что (ежели по сказашъ можно) онъ есть наиблаженнѣйшій изъ всѣхъ боговъ; ибо превосходитъ другихъ красою и совершенствомъ. Желашъ ли познашъ, *Федръ*, для чего я думаю, что онъ непрекраснѣйшій изъ всѣхъ боговъ? Для того, что онъ всѣхъ моложе. Сие видно изъ ошращения его къ старости и изъ склонности къ юношесству, кошорое всегда за нимъ послѣдуетъ, по старой пословицѣ: каждой любитъ себѣ подобное. Я согласенъ на многое, *Федромъ* предложенное; но въ шомъ согласиться не могу, чтобы *Еротъ* былъ шарѣ *Сатурна* и *Юпитера*; напрошивъ шого я утверждаю, что онъ моложе всѣхъ другихъ боговъ и всегда молодымъ пребывашъ. Во всемъ повѣспвуемомъ намъ *Гезіодомъ* и *Парменидомъ* въ древней исторіи боговъ (положа, что она шакова ешъ, какъ они ее предлагають) не видно ни одного произшествія, кошорое не можнобъ было ошнести болѣе къ необходимости, нежели къ любви. Да и въ самомъ дѣлѣ, могли либъ боги дойти до шѣхъ посшдныхъ распръ, несогласій и раздоровъ, кои имъ приписують, когда бы любовь была посреде ихъ, дружествобъ и миръ между ими царшвовали, и они былибъ соединены и спокойны, каковыми пребывають съ шого времени, какъ возчувшвовали силу любви. И шакъ несомнѣнно, что богъ любви младъ, а свержъ шого

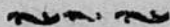

онъ чувствившеленъ и нѣженъ. Надлежалобъ бышь *Гомеромъ*, чшобъ извяснишь сию его чувствившельность и нѣжность. Онъ пишешъ, чшо *Атея*, или злоключеніе, естъ богиня, недосигающая земли, но ходящая по главамъ чловѣковъ; а чрезъ шо показуешъ ясно, колико нѣжна она. Мнѣ бы надлежало подобное сему упошребишь описаніе, дабы показашъ, чшо любовь еще нѣжнѣе и чувствившельнѣе; ибо и самая голова чловѣковъ для нее былабъ весьма тверда, и чшо она ошановляется не шолько на нѣжныхъ существахъ, но еще на шѣхъ, кои суть наинѣжнѣйшія, а именно на душахъ и духахъ боговъ и чловѣковъ; да и въ оныхъ дѣлаешъ еще различіе, ибо ошвергаетъ грубые. Сверхъ же того, ошановляясь на наинѣжнѣйшихъ душахъ, проникаешъ оныя всюду, водворяешся въ нихъ и выходишъ обратно, не бывъ видимою, чшо служишъ еще доказательствомъ шонкости и мягкости ея. -- Не можно шакже усомнишься о красѣ *Ерота*, взирая на непрестанную брань, существующую между безобразіемъ и любовію. Онъ цвѣшенъ и благоуханенъ, подобно самымъ цвѣшамъ, кошорые шоль любишъ, чшо ошановляется шолько при шѣхъ видахъ, при коихъ цвѣшы юности находяпся, и удаляется ошъ нихъ въ едино съ цвѣшами время. Можнобъ было многія еще доказательствва привести о красѣ сего бога, когда бы сихъ недовольно было. — Теперь шанемъ говоришь о его добродѣтели. Онъ не можешъ бышь оскорбленъ ни ошъ людей,

ни отъ боговъ; и для того нѣтъ ни единого изъ нихъ, которой бы оскорбленъ имъ былъ. Ибо когда кто перзаается, или другихъ перзапясь засшавляетъ, то дѣлаешъ сіе безъ принужденія: неволя естъ совсѣмъ прошивоположна любви; почему и выходишь, что возчувствовавшіе силу любви подверглись оной добровольно. А по всѣмъ законоположеніямъ несправедливостію почешься не можешъ, когда я беру то, что мнѣ добровольно уступается. Сверхъ того *Еротъ* не только справедливъ, но онъ еще воздерженъ; ибо воздержность естъ та добродѣшель, которая шоржешшвуешъ надъ сладосшрасшіями; а естъ ли шакое сладосшрасшіе, которое бы не покороено было любви? И пошому когда всѣ сладосшрасшія слабѣе любви, то надлежишь, чтообъ сей богъ неосшмѣнно обладалъ умѣренностію. -- Силу его шакже легко доказашъ можно: она шакое, что самой *Маръ* ея прошивишься не можешъ; ибо не говоришь, что *Марсв* удерживаетъ *Любовь*, но любовь *Венеры* удерживаетъ *Марса*. И шакъ побѣждая того, кто побѣждаетъ всѣхъ, уже доказываешся, что естъ всѣхъ сильнѣе.

Показавъ шакимъ образомъ справедливостъ, умѣренностъ и силу сего бога, осшашенся возвѣспишь о его мудросши. И шакъ, дабы почшишь мое искуссшво, подобно какъ *Эриксимахъ* почшилъ свое, скажу, что любовь шшоль превосходно шшхошворшвомъ обладаешъ, что можешъ сообщитъ оное кому хочешъ. И въ самомъ дѣлѣ, не зримъ ли мы,

что восхищенный любовію спановишься пи-
 шомъ, хотябъ духъ его и ошъ природы грубъ
 былъ? Когда же любовь дѣлаешь пишомъ,
 то уже несомнѣнно, что *Еротъ* есть самъ
 пишъ; ибо не лзя шому обучашъ, чего самъ
 не знаешь, подобно какъ давашь то, чего
 не имѣешь. Кто можешъ также усомнишься,
 чшобы произведенію живошныхъ не была
 причиною любовь и дѣйствіе ея премудро-
 сти? Самая сія мудрость не преподаешъ ли
 намъ и всѣ искусства? ибо предводительству-
 емый любовію превосходитъ другихъ, въ ка-
 комъ бы то искусствѣ ни было. Напротивъ
 того шъ вошще прилѣжатъ, ошъ коихъ *Еротъ*
 отвращается. Самъ *Аполлонъ* есть ученикъ
 любви; ибо безъ нее не обрѣлъ бы онъ ни
 искусства шрѣлять изъ лука, ни врачеванія,
 ни предсказанія. -- Да и всѣ другіе боги, из-
 обрѣшашели какихъ искусствъ, какъ-то *Му-
зы*, *Вулканъ* и *Минерпа*, обязаны шѣмъ
Ероту; онъ научилъ и самаго *Юпитера* ис-
 кусству править людьми и богами. Почему
 и выходилъ, что дѣлнія и шѣхъ и другихъ
 предводительствуемы любовію чрезъ впечат-
 лѣнія красоты; ибо то, что оной проши-
 вно, не можешъ привлекать *Ерота*. Прежде,
 нежели любовь родилась, происходили мно-
 гія злыя и недостойныя дѣянія между бо-
 гами, какъ о томъ возвѣспилъ при нача-
 лѣ моей рѣчи. Сіе время называется цар-
 ствомъ необходимости. Но едва стремленіе къ
 великимъ дѣламъ произвело любовь во вселен-
 ной, шѣ разнообразное благо проліялось на
 небо

небо и землю. И по тому самому мнѣ кажешся, *Федръ*, что *Еротъ* есть весьма прекрасенъ и весьма добръ, и что сіи преимуще-ства и на другихъ распространяетъ. -- Я могу подшвердишь сіе мнѣніе мое нѣкопорыми спи-сками, пришедшими мнѣ въ память, и коихъ смыслъ состоитъ въ слѣдующемъ: „Любовь есть шотъ богъ, кошорой даетъ миръ лю-дямъ, укрощаетъ вѣтры, проливаетъ свѣт-лость на поверхность моря и доставляетъ людямъ сладкое успокоеніе. Онъ научаетъ насъ въжливости, соспавляетъ между людей дружество, собирая ихъ въ пріятное обще-ство. Онъ есть нашъ наставникъ и предводи-тель въ пляскахъ и жершвахъ, приносимыхъ въ торжественные дни. Онъ смягчаетъ гру-бые нравы, прогоняетъ злобу и возспавляетъ дружбу. Онъ милосердъ и доброкошенъ, почи-таемъ мудрыми, пріятенъ богамъ. Онъ пред-метомъ желаній неощущающихъ его въ себѣ, а драгоценнымъ сокровищемъ для шѣхъ, кои силу его вкушаютъ. Онъ источникомъ блажен-ства, прелестей и нѣжныхъ сладострастій; онъ защитникъ добрыхъ, а презираетъ злыхъ. Онъ вспомоществуетъ, ведетъ, исправляетъ въ трудахъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ жизни чело-вѣковъ. Однимъ словомъ, онъ слава боговъ и людей. Онъ долженствуешь бышь послѣдуемъ и прославляемъ въ гимнахъ шѣми, кошорые научены чрезъ него въ божественныхъ пѣсняхъ, упошре-бляемыхъ имъ самимъ для пролитія сладости ме-жду людьми и богами. „ Сему прелестному богу,

о *Федръ!* посвящаю рѣчь сію, въ которую вмѣстилъ и важное и шуточное, по силѣ ума моего.

Всѣ слушатели единогласно восхваляли *Агатона*, и сказали, что рѣчь, имѣ произнесенная, достойна его и бога, имѣ восхваляемаго. Пошомъ *Сократъ*, обратясь ко *Эриксимаху*, сказалъ: не имѣлъ ли я причины предвидѣшь, что краснорѣчіе *Агатонопо* истощишь все, что о любви говоришь можно, и мнѣ не оставишь, что вѣщаешь? — Ты правильно заключалъ, отвѣтствовалъ *Эриксимахъ*, о вишійшвѣ *Агатоноцомъ*; но несправедливо о себѣ, полагая, что не осталось уже тебѣ, что и говоришь. Кто бы, отвѣчалъ *Сократъ*, не смутился, подобно мнѣ, имѣя говоришь послѣ шoliko совершенной во всѣхъ частяхъ своихъ рѣчи, въ которой, особливо при концѣ, показуешь такое величіе и вишійштво, что не лзя взиращъ на то безъ удивленія? — Я столь много сомнѣваюсь достигнушь сего совершенства, что объяшь стыдомъ, покинулъ бы свое мѣсто, когдабъ то было въ моей волѣ; ибо знаю, что претерпѣлъ я отъ *Горгія*; и помня, что *Гомеръ* повѣствуетъ о *Горгониной* главѣ, мнѣ казалось, *Агатонъ* поражалъ меня краснорѣчіемъ *Горгіасопымъ*, обращающимъ меня нѣкоторымъ образомъ въ камень и подвергая поштыдному молчанію. — Я въ тоже время позналъ, сколь дерзновенно поступилъ, согласясь съ вами, чтобы въ мою очередь восхвалялъ любовь, и что я похвалялся бышь искусенъ во всемъ, что до нее принадлежишь;

ибо не зналъ, какъ что восхваляшь должно. До сего времени былъ я шoliko просвъ, что думалъ, будшо въ похвалу надлежитъ вмѣщашъ единия тѣ дѣянiя, копорыя въ самомъ дѣлѣ были; да изъ оныхъ избирая достойнѣйшія, помѣщашъ къшаши. Ушверженъ на семъ мнѣнiи, надѣялся на мою способность. Но шеперь позналъ, что сіе правило несправедливо, и что должно приписывашъ всѣ возможные совершенства тому предмету, копорой восхвалишь предпринимаешься, принадлежатъ ли онѣ ему, или нѣтъ; ибо истинна и ложность въ шаковомъ случаѣ ни мало не важны. Такъ и вы все приписуете любви. Вы дѣлаете ее споль великою и причиною шoliko именишыхъ дѣлѣ, что не возможно невѣждамъ не почешъ *Ерота* весьма прекраснымъ и благимъ; ибо что касается до просвѣщенныхъ, шо сей образъ хвалы не обольшитъ ихъ. Онѣ мнѣ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ, когда вамъ далъ мое слово. И шакъ спало языкъ, а не разумъ мой, съ вами учинилъ обязашельство; почему и не возможобъ мнѣ было исполнитъ оное по вашему. Но когда вы желаете, шо я удовольствую васъ по свѣду, и по моему обыкновенію спану говоритъ единую истинну, не предпринимая шруда споритъ въ вишійшвѣ съ вами. Посмотримъ, *Федръ*, будешъ ли шы доволенъ хвалою, непреходящею предѣловъ истинны и произносимую просвымъ слогомъ. — Я согласенъ, ошвѣчалъ *Федръ*, равно какъ и все собраніе, чтобы шы шакъ говорилъ, какъ хо-

чешь. — Позволь же мнѣ, *Федръ*, сказалъ *Сократъ*, сдѣлашь нѣкоторыя вопросы *Агатону*, дабы, просвѣщаясь отъ него, могъ я говорить съ вѣщимъ ушверженіемъ. — Съ охотою, отвѣчалъ *Федръ*. — Послѣ сего *Сократъ* началъ такъ.

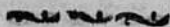
Р ъ ч ь

Сократа.

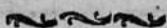
Я нахожу, любезный *Агатонъ*, что ты предположилъ себѣ весьма правильной пушью, желая показать прежде существо любви, а потомъ ея дѣйствія. Но по чрезвычайныхъ похвалахъ, учиненныхъ ей шобою, пожалуй скажи мнѣ, сія любовь есть ли любовію чегонибудь, или ничего? Ибо когдабъ о какомъ родишелъ спросили у тебя, кому онъ родитель? то по справедливости отвѣпшь швой сосшоялъ бы вѣ шомъ, что онъ родитель шакого-шо сына, или шакой шо дочери. Не правда ли? — Конечно, отвѣчалъ *Агатонъ*. — Позволь, продолжалъ *Сократъ*, чшобъ я учинилъ тебѣ еще нѣкоторыя вопросы, дабы шѣмъ лучше изъяснишь мою мысль. Когонибудь брашъ, брашъ ли онъ чей, или нѣшъ? — Конечно онъ чейнибудь брашъ, отвѣчалъ *Агатонъ*. — Сестры, или брата? — Можешъ бышь и шой и другаго. — Скажи же, прервалъ *Сократъ*, любовь есть ли любовь чего, или нѣшъ? — Конечно чегонибудь. — Не забудь выговореннаго шобою. Но прежде, нежели приступимъ далѣе, скажи мнѣ еще, любовь

бевъ желашъ ли шого, что любитъ? — Конечно, и очень желашъ. — Но, подхвалилъ *Сократъ*, обладаетъ ли она шѣмъ, чего желашъ, или желаемое сю ешь внѣ ся? — Кажется, сказалъ *Агатонъ*, что она не имѣшъ шого, что желашъ. — Кажется? я нахожу, что сего не довольно къ совершенному изъясненію. Необходимо слѣдуешъ, что шомъ, кто желашъ, имѣшъ дѣйствительно недостатковъ въ шомъ, чего желашъ. На примѣрѣ, человекъ великой и сильной желашъ ли великости и силы? — Мнѣ кажется, отвѣчалъ *Агатонъ*, эшо бышь не можешъ; ибо въ шомъ нѣшъ недостатка, чѣмъ обладаешъ. — Твоя правда, прервалъ *Сократъ*; ибо когдабъ случилось, что обладающій силою, здравіемъ и искусствомъ, пожелалъ бы сихъ преимуществъ, шо надлежалобъ признашся, что онъ желашъ шого, чѣмъ уже обладаешъ. Разсмотримъ сіе поприлѣжнѣ: мы найдемъ, что когда я обладаю чѣмъ бы шо ни было, шо онымъ уже необходимо обладаю, хотя бы желалъ шого, или нѣшъ. Кто же бышь можешъ, копорой бы, обладая вещью, еще спремился желаніемъ оную имѣшь? Можешъ бышь вопреки намъ скажущъ, что человекъ богашой и здоровой можешъ желашъ богашства и здоровья; а пошому онъ желашъ шого, чѣмъ уже обладаешъ. Но мы конечно отвѣчашъ на шо спанемъ, что желаніе его спремился къ будущему времени; ибо когда въ настоящемъ чѣмъ обладаешъ, шо неоспоримо, что имѣшъ оное не ошъ шого, чтобы воля швоя была причиною сего обладанія. А

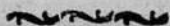

изъ сего и выходишь, что сказавъ, я желаю того, что уже имѣю, разумѣется: я желаю имѣшь впредь то, чего не имѣю нужды желашь теперь; ибо шѣмъ обладаю. — Я въ эшомъ съ тобою совершенно соглашаюсь, ошвѣчалъ *Агатонъ*. По сему выходишь, продолжалъ *Сократъ*, что любовь имѣешь своимъ видомъ то, чего еще не имѣешь, подобно какъ каждой желающей хочешь то имѣшь, чѣмъ еще не обладаеть; бышь шѣмъ, чѣмъ еще не ешь; и имѣшь то, въ чемъ имѣешь недосшашокъ. — Правда, ошвѣчалъ *Агатонъ*. — Пройдемъ еще, сказалъ *Сократъ*, говоренное нами. Впервыхъ, любовь ешь стремленіе къ чему нибудь; а вовпорыхъ къ шому, въ чемъ имѣемъ недосшашокъ. — Конечно, сказалъ *Агатонъ*. — Не забудь, прервалъ *Сократъ*, какія сущь шѣ вещи, о кошорыхъ ты сказалъ, что онѣ сущь видомъ любви, и когда желашь, то я ихъ шебѣ напому. Мнѣ кажешься предполагалъ ты, что все то, что боги дѣлали, имѣешь основаніемъ своимъ любовь къ красотѣ; ибо противоположное красотѣ не можешь бышь видомъ любви. То ли ты самое говорилъ? — Такъ, ошвѣчалъ *Агатонъ*. — И такъ по самымъ словамъ швоимъ любовь имѣешь цѣлю свою красоту, а не безобразіе; а мы согласились прежде, что любовь стремшсь къ шому, чего не имѣешь. Такъ по эшому она лишена красоты? — Надлежишь такъ заключишь, сказалъ *Агатонъ*. — Можешь ли же ты назвашь прекраснымъ то, что лишено красоты? — Нѣшь, ошвѣчалъ *Агатонъ*.

тонъ. — Когда же такъ, прервалъ *Сократъ*,
то можешь ли удостоверять, что богъ сей
прекрасенъ? — Признаюсь, сказалъ *Агатонъ*,
что я неправильно разумѣлъ, говоря о красѣ
его. Ты говоришь разумно, прервалъ *Сократъ*;
но продолжай ошвѣчать мнѣ: кажешся ли
тебѣ, что хорошія вещи прекрасны? — Мнѣ
такъ кажешся. — Но когда любовь лишена
красоты, а краса нераздѣльна есть отъ хо-
рошаго: то выходишь, что она и сего ли-
шена. — Надлежитъ въ томъ признаться,
Сократъ; ибо не возможно прошивъ себя
споришь. — Другъ мой! не прошиву *Сократа*
не лъзя споришь, но прошиву истинны. Но
пора мнѣ оставишь *Агатона*, и обратишь
слова мои къ своей бесѣдѣ. Я возвѣщу вамъ
слышанное мною отъ *Діотимы*, касашельно
до любви. Она имѣла великое о ней позна-
ніе, подобно какъ и о многомъ, и проницала
предбудущее. Она-то предписала *Аонней-*
цамъ жертвоприношенія, сохранившія ихъ
чрезъ десять лѣтъ отъ язвы, имъ угрожаемой;
и отъ нее-то получилъ я всѣ мои познанія
о любви. Я посшараюсь ученіе ея возвѣсшишь
вамъ. Но чтобы не ошдалишься отъ предпо-
ложеннаго тобою, *Агатонъ*, пуши, извѣсню
вопервыхъ, что есть любовь, а попомъ ея
дѣйствіе. — Я нѣкогда говорилъ *Діотимѣ*
почти самыя шѣ слова, кошорыя *Агатонъ*
вѣщаль шенерь, что *Еротъ* есть богъ силь-
ной, прекрасной и доброй; а она упошребля-
ла шѣ же доказашельства, кошорыя упошре-
билъ я прошиву *Агатона* для доказашель-

ства,

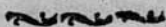

ства, что любовь ни прекрасна, ни блаженна. Я опивчалъ ей: какъ, *Диотима!* уже ли любовь есть зла и безобразна? — Говори съ размышленіемъ, сказала она; думаешь ли ты, чтобы то, что не есть прекрасно, необходимо было безобразно? — Я такъ думаю, опивчалъ я. — Но вѣришь ли ты тому, продолжала она, что можно, имѣя недоспашокъ въ наукахъ, не быть совершеннымъ невѣждою? Ты конечно могъ сіе примѣшишь; ибо есть средина между знанія и невѣжества, а именно правдоподобное разсужденіе и спремленіе къ истиннѣ, хотябъ и не знали ее въ подлинности. Сіе не можешь назваться знаніемъ; ибо знаніе должно быть основано на неоспоримыхъ доказательствахъ. Не можешь также сіе назваться и невѣжествомъ; ибо то, что заимствуешь отъ истинны, не можешь по справедливости таковымъ нарецися. И такъ есть правильная мысль, составляющая средину между знанія и невѣжества. — Я признался *Диотимѣ*, что она говорила правильно. — И такъ не суди, прервала она, что все то, что не есть прекрасно, должно быть безобразно; а зло, что не есть блаженно. Признайся же, что въ силу шѣхъ доказательствъ, копорыя мы шеперь предполагали, позная, что любовь не есть ни прекрасна, ни блаженна, ты еще не принужденъ ее почитать безобразною и злою. — Однако, опивчалъ я, всѣ люди въ томъ согласны, что любовь есть великой богъ. — Чрезъ всѣхъ людей, *Сократъ*, кого ты разумѣешь, ученыхъ, или невѣждъ? — Я раз-

умѣю

умью всѣхъ людей безъ исключенія, ошвѣчалъ я. — Какъ, прервала она усмѣхаясь, можешь почитать любовь за великаго бога между тѣми, кошорые не признають ея за бога? — Да кто могуть быть шаковыя, сказалъ я? — Ты и я, ошвѣчала она. — Какъ, прервалъ я, можешь ты удостовѣришь, чшобы я коша похожее на шо выговорилъ? — Я тебѣ сие легко докажу, сказала она. Ошвѣчай мнѣ: не увѣряешь ли ты, чшо всѣ боги прекрасны и щасливы? Можешь ли ты лишить единаго изъ боговъ сихъ преимуществъ? — Нѣтъ, въ шомъ клянусь *Юпитеромъ*, ошвѣчалъ я. — Не тѣхъ ли ты называешь щасливыми, кошорые обладають благомъ и красошою? — Конечно тѣхъ. — Однако ты въ прежнихъ словахъ своихъ не удостовѣрялъ ли, чшо любовь жаждетъ благаго и прекраснаго, и чшо желаніе служишь доказательствомъ лишенія шого, чего желаешь? — Такъ, я сие ушверждалъ. — Какъ же, прервала *Диотима*, можешь быть любовь богомъ, бывъ лишена сихъ преимуществъ? — Я долженъ признаюсь, чшо сие не возможно, ошвѣчалъ я. — Такъ видишь ли ты, чшо ты не признаешь любовь за бога? — Какъ! развѣ любовь смершна, спросилъ я? — Сего я не говорю. — Но, *Диотима!* скажи мнѣ, чшо же она? — Она, *Сократъ*, есть шо, чшо называють демономъ, шо есть существо, сосшавляющее средину между богами и человекми. — А въ чемъ состоишь сила демона, спросилъ я? — Она состоишь въ шомъ, чшобы быть

полковашелемъ и посредникомъ между людей и боговъ, вознося на небо желанія челоувковъ и принося имъ повелѣнія отъ боговъ, касательна до служеній, имъ принадлежащихъ. Сіе существо содержишь взаимное сношеніе между самыми отдаленными частями всего міра, и долженствуетъ бышь почишаемо за узелъ, связующій все во всемъ. Отъ сихъ - то демоновъ происходятъ предсказанія, чародѣйство, волхвованіе и все, что касается до жершвоприношеній и должности жрецовъ. Помощію ихъ низпосылающся намъ таинственныя сны, предвѣщанія и прочая отъ боговъ; ибо божеское существо не сообщается прямо съ челоувкомъ. Тотъ, кто искусенъ во всемъ выше показанномъ, нарекается именемъ, знаменующимъ мудраго и блаженнаго; а прочіе, кои знающіи въ механическихъ искусствахъ, называются работники. Любовь есть одинъ изъ сихъ демоновъ, которыя суть въ великомъ числѣ и разнообразны. -- Отъ какихъ же родителей сей демонъ происходитъ? сказалъ я *Діотимъ*. -- Я тебѣ оное скажу, отъначала она, хотя сія повѣсть и продолительна: При рожденіи *Венеры* была вечеря, гдѣ всѣ боги присушествовали, а особливо *Порусъ*, сынъ *Софѣта* и богъ *изобилія*. По окончаніи вечера *Ницѣта* пришедъ, чтобы воспользоваться остатками пиршества, остановилась у дверей, откуда увидѣла *Поруса*, которой, наполняясь нектаромъ (ибо тогда еще вино не было въ употребленіи), заснулъ. Побуждаема своими недоспашками, возжелала она имѣть сообщеніе съ симъ богомъ,

гомъ,

гомъ, и искала средствъ свое желаніе удовольствовашь. Ей удалось то, и ошъ сихъ двухъ шoliko различныхъ началъ родилась Любовь. Она привязана къ *Вечерѣ*, начавшись въ день ея рожденія. Она жаждешъ красоты; ибо сія богиня прекрасна. Родясь ошъ *нищеты* и *изобилія*, заимствуетъ существа и шой и другаго. По мапери своей она ница, и далеко ошъ того, чщобъ бышь прекрасною и нѣжною, какъ о томъ многіе думаютъ; она худощава, не чиспа и нага; пригвождена къ землѣ, не смотря на свои крылья; не имѣешъ ни дома и никакого поспояннаго жилища; почиешъ на воздухѣ, у врашъ и на шоржищахъ. Но заимствую ошъ ошца своего, спремишся къ благому и прекрасному. Она смѣла и искусна въ семъ исканіи, и изыскиваетъ непрестанно новыя къ шому хитрости и средства. Она поучается философіи и ошорожноспи; она краснорѣчивой *Софистъ* и наивеличайшій изъ всѣхъ чадородѣевъ. По существу своему она ни смершна, ни безсмершна, но исчезаетъ собшвенною своею *нищетою*, и ошяшь вновь жизнь начинаетъ *изобиліемъ*, которое заимствуетъ ошъ ошца своего. Она иногда въ одинъ день ощущаетъ обѣ сія перемѣны, шо ешъ исчезаетъ и оживошворяешся. Она непрестанно пріобрѣтаетъ и расшочаетъ; и пошому ни бѣдна, ни богата. Она шакже держишся средины между знанія и невѣжества; ибо боги, бывъ мудры по существу своему, не могутъ философствовашь, и не имѣютъ нужды желашь

мудрости. Люди, которые въ прошивномъ шому состояніи находясь, также не философствуютъ; ибо свойство совершеннаго невѣжества и злѣйшее онаго дѣйствіе есть то, чтобы увѣришь шѣхъ, кои не обладають мудростію, что они не имѣють въ шомъ недоспашка, и шѣмъ самымъ ошняшь у нихъ охоту искашь мудрости: ибо никогда шого не желаюшь, чѣмъ обладашь льсшаясь. — Кто же сушь шѣ, *Диотима*, которые прилѣжатъ къ философіи, когда шы изъ числа сего заключаешь и мудрыхъ и невѣждъ? — И дия бы сіе разумѣло, ошвѣчала она. Тѣ, кои соспавляють средину между сихъ обоихъ; и любовь есть изъ сего числа. Мудрость есть изъ всего прекраснаго, къ чему любовь спремись, наиважнѣйшее; изъ чего заключимъ безирекословно, что сей демонъ философъ, и шѣмъ есть средина между мудрыми и невѣжами. И такъ она сходна на ошца своего, который мудръ и избышоченъ; и на машъ, которая лишена обѣихъ сихъ достоинствъ. — Вотъ, любезный *Сократъ*, какого есть существа демоны. Ты говорилъ о любви такъ, что она казалась бышь любимую вещью, а не шюю, которая любить; и сіе полагая, немудрено, что шы заблуждался, и мнилъ, что любовь есть прекрасна; ибо то, что любезно есть, конечно прекрасно, нѣжно и совершенно. — Ты столь правильно, *Диотима*, рассуждаешь, что надлежитъ все шобою говоренное признавать за совершенную истинну. Но любовь, бывъ шаковою, продолжалъ я, къ

какой

какой пользы можешь служить людям? — Сие постараюсь я, *Сократъ*, доказать тебе. По изъясненію, которае мы сдѣлали о любви и происхожденіи ея, мы утвердили, что она стремится къ красоте; но ежели бы кто у тебя спросилъ причину стремленія ея къ красоте? Или чтобы сказать яснѣе, чего она въ красоте наипаче жаждетъ? Что бы отвѣчала ты? — Обладаешь ею. — Сей отвѣтъ влечетъ за собою другой вопросъ, дабы узнать, какую пользу принесетъ обладаніе красоты? — Я не знаю теперь, *Диотима*, что мнѣ на сие отвѣчать. — Перебранивъ слова, прервала она, и полагая благое на мѣсто прекраснаго, когда бы у тебя спросили, что желаетъ душа, которой любитъ благое? — Обладаешь онымъ. — Какую же пользу получаешь душа, кто обладаетъ благимъ? — На сие отвѣчать легче, сказалъ я; онъ будетъ благополученъ. — Правда, отвѣчала *Диотима*; ибо все шѣ, кои щасливы, суть шаковыми ошъ обладанія благимъ. Сие рѣшилъ вопросъ; ибо нѣшѣ нужды изыскивать, для чего душа, которой стремится къ щасшію, ищетъ блаженства. — Это правда, сказалъ я. — Но думаешь ли ты, *Сократъ*, прервала она, чтобы сія любовь ко благу и стремленіе обладать онымъ, были общее желаніе всѣхъ челоуѣковъ? — Я такъ думаю, отвѣчалъ я. — Для чего же, *Сократъ*, не говоримъ мы, что все люди любятъ? А когда любятъ они непрестанно, и единую вещь, такъ для чего даютъ имя любовниковъ однимъ, а другимъ нѣшѣ? — Я

сему удивляюсь, сказалъ я. — Не удивляйся сему, *Сократъ*; ибо сіе имя, принадлежащее всѣмъ человѣкамъ, приписуется однако шѣмъ единымъ, которые ощущающъ любовь нѣкошораго рода; а для означенія шѣхъ, кошыры иначе любяшъ, есть также особливья выраженія. — Изъясни мнѣ сіе, какимъ примѣромъ. — Слушай, сказала она. Слово *тиоритъ* имѣешъ, такъ какъ тебѣ извѣстно, пространное знаменованіе; оно вообще изъясняетъ то, что изъ небытія вѣ бытіе обращаетъ. Каждое упражненіе вѣ искусствахъ есть дѣйствіе, а каждой дѣйствующій есть *тиорецъ*, когда позволено употребить сіе слово. — Ты правду говоришь, отвѣчалъ я. — Однако ты видишь, что каждое искусство и каждое дѣйствіе даетъ особое имя шому, кто оно производитъ, и что общее слово *тиоритъ* отнесено единшвенно къ шѣмъ, которые сочиняющъ стихи, *поэзія* знаменуя дѣйствіе, а *пійтъ* дѣйствующую особу. Самое шо есть и съ любовію; ибо вообще стремленіе ко благу и щастію, принадлежащее до всѣхъ людей, ничто иное есть, какъ сія великая и обманчивая любовь. Но желаніе ишкать сего блага вѣ богатшствѣ, вѣ искусствахъ и наукахъ, не названо любовію; и шѣ, кои къ сему прилѣпляющся, не нарицающся любовниками, но получающъ особья имена отъ искусствъ и наукъ, ими пріобрѣщенныхъ. Единой шолько есть родъ любви, кошорой не премѣняешъ своего имени, и заславляетъ называшъ любовниками шѣхъ, кошыры ей слѣ-

дують. -- Ты правильно говоришь, *Диотима* -- Иные думаютъ, прервала она, что по значенію любятъ, когда ищутъ обрѣсти половину самаго себя; но я увѣряю, что ни половина самаго себя, ни все вообще, не иначе пріятно, какъ по благу, которое мы въ нихъ обрѣщаемъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, когда случаются руки, или ноги дурны, или вредны, не лишаемся ли мы ихъ добровольно? Ибо не по тому любезна вещь, что она принадлежатъ намъ, но по тому, что она хороша, развѣ только когда присвоивъ себѣ все кажущееся хорошимъ, а почитая чуждымъ все кажущееся худымъ. Когда же, однимъ словомъ скажешь, люди любятъ по единое, что благо: по единое благо и есть цѣлю любви чело-вѣковъ. Согласенъ ли ты съ симъ мнѣніемъ, *Сократъ*? -- Конечно, -- *Диотима*. -- И такъ надлежитъ просто сказать, что люди любятъ по, что есть благо. -- Это правда. -- Не надлежитъ ли присовокупить къ тому, сказала она, что они желаютъ обладать имъ вѣчно? -- Конечно такъ. -- По сему выходитъ, что любовь вообще есть склонность, влекущая каждого желать все по, что ему кажется доброе. -- Сіе справедливо, отвѣчалъ я. -- И такъ познавъ, что любовь есть всѣмъ общая, надлежитъ разсмотрѣть, какія суть дѣйствія, употребленія и условія, заставляющія называть ее любовію. Не можешь ли ты сіе, *Сократъ*, изъяснить? -- Когда бы я могъ сіе изъясненіе сдѣлать, отвѣчалъ я, то бы не пришелъ къ тебѣ, об-
учаешь

учаться, и не былъ бы шолико удивленъ швоимъ знаніемъ. — Я изъясню тебѣ оное. Любовь есть плодъ, произшедшій опъ склонности къ красотѣ, какъ духовной, шакъ и шѣлесной. — Надлежитъ бытъ чародѣемъ, дабы узнать сію загадку: я ее совсѣмъ не разумѣю. — Я буду говорить яснѣе. Всѣ люди, *Сократъ*, съ самага своего рожденія имѣющъ склонность къ произведенію чего либо опъ себя: оная ошкрывается съ лѣшами; она равно обшпашъ какъ въ душѣ, шакъ и въ шѣлѣ; она не можешъ имѣшъ видомъ своимъ безобразіе. Чрезъ нее люди умножаются, и сіе дѣйствіе хопя шѣлесное, есть однако дѣйствіе Божества, чрезъ кое само по себѣ смершное живопное спановишся безсмершнымъ въ своемъ родѣ. Однако сіе дѣйствіе не можешъ иначе совершишся, какъ въ способномъ къ шому существѣ. И пошому сіе не можешъ бытъ въ безобразіи; ибо оно никакого сходства не имѣешъ съ Божескимъ существомъ; напрошивъ же шого красота совершенно съ онымъ согласуешъ, и красотою ешъ шокмо единымъ шѣмъ согласованіемъ, шакъ какъ безобразіе есть безобразіемъ опъ несогласованія съ Божествомъ, когда позволено шакъ сказать. И шакъ красота присуществуешъ при рожденіи человѣковъ прежде *Паркв* и *Луцины*. Изъ сего и слѣдуешъ, что существо, къ произведенію способное, ошущаетъ радость и ушѣшеніе, приближаясь къ красотѣ; а прошивное шому чувствуетъ мѣшающее его плодородію, когда нѣкимъ насиліемъ оно

случится бышь соединено съ безобразіемъ. И такъ чѣмъ болѣе умножаются сіи произведе- нія, тѣмъ вяще существо, оныя заключаю- щее, ищетъ съ спремленіемъ красоты, какъ единой вещи, могущей смягчить его мученіе, и тѣмъ довершитъ швореніе его. Вотъ что любовь есть, *Сократъ*, а не одно простое желаніе красоты, какъ ты думаешь. Она нѣ- которымъ образомъ безсмертна; ибо чрезъ нее само по себѣ смертное живошное дости- гаетъ до безсмертія; безсмертіе же есть бла- го, а любовь по нашему положенію есть по желаніе, чрезъ кое каждой ищетъ соединишь- ся неразрывно съ благомъ. — Вотъ что вѣ- щала мнѣ *Диотима* въ бесѣдѣ, которую имѣла я съ нею о любви. Продолжая же пошомъ свое поученіе, учинила мнѣ вопросъ сей: ка- кой причинѣ приписуешь ты, *Сократъ*, сіе спремленіе и любовь, о которыхъ мы гово- рили? Ты видишь, съ какимъ жаромъ и съ какимъ спремленіемъ всѣ живошныя склонны къ сохраненію своего рода; koliko шрудящся они достпавать пищу для дѣшей своихъ, съ какою опважноспію они сражающся для ихъ спасенія, и съ шакимъ иногда непріятелемъ, котораго бы при всякомъ другомъ случаѣ они спрашились; какъ они подвергаютъ себя го- лоду и смерши для ихъ сохраненія. Когда бы все сіе случалось единшвенно между людьми, шб сіе приписали бы размышленію; но звѣри онаго лишены, шакъ откуда по швоему мнѣнію произошла въ нихъ шоль сильная лю- бовь? — Я не могу на сіе опвѣчать, сказалъ

я. — Какъ же думаешь ты быть искуснымъ въ любви, не зная сего? — Знаю, *Диотима*, что мнѣ нужно быть поучену; и для сей-то причины, какъ о томъ и прежде сказалъ, пришелъ къ тебѣ. Я прошу тебя не только изъяснить мнѣ вопрошенное тобою, но и все, что до любви касается. — Ты не имѣешь причины удивляться, сказала *Диотима*, когда существо любви признаешь таковымъ, какъ оно предъ симъ мы изъяснили. По другимъ же нашимъ положеніямъ, въ которыхъ мы также согласились, всѣ смертныя вещи стремятся, елико возможно, къ бессмертію, которое иначе обрѣсти не можно, какъ помощію порожденія, пославляющаго юнаго на мѣсто старца; и сіе происходитъ не только въ тѣхъ бытіяхъ, кои другъ за другомъ послѣдуютъ, но и каждое особенно существо, хотя и почитаемо одинаковымъ во все время бытія своего, преобразуется однакожъ чрезъ слѣдствіе времени: пріобрѣтаешь одно, оставляя другое, и такимъ образомъ достигашъ старости. Но сверхъ онаго превращенія во всей матеріи происходитъ непрестанное преобразование, которое непрерывно возобновляется такимъ образомъ, что на примѣръ живописное, сохраняющее прежній видъ свой, не сохраняетъ однако ни той крови, ни того пѣла, ни тѣхъ костей; ибо частицы, ихъ составляющія, непрестанно испекаются, а на мѣсто тѣхъ рождаются повсечасно новыя. Душа, подобно тѣлу, подвержена таковымъ же переменамъ: нравы ея, привычки, образъ

мыслей, желанія, склонности, горести и страхи ея весьма часно премѣняюща; и что всего удивительнѣе, даже и самыя познанія ея подвержены тому же: не только однѣ исчезаютъ, дабы оспавить мѣсто другимъ, но и одно и то же не всегда въ одинакомъ оспавеніи; ибо размышляя ничто иное естъ, какъ воспоминаю мысли, бывшія прежде, и которыя слѣдовательно изъ разума исчезли; а память, кою сѣ дѣйствіе принадлежитъ, раждаетъ вновь свѣденія, исчезнувшія забвеніемъ. Такимъ образомъ смертное существо сохраняется непрерывно; но не чрезъ непрерывное существованіе, какъ то бытіе Божеское, а чрезъ порожденіе, которое не терпитъ никакого ущерба, коего бы не дополняло, и которое производитъ всегда новое на мѣсто того, что исчезло. Вотъ, *Сократъ*, какъ существо исчезающее причастно безсмертію, коимъ Божество само по себѣ обладаетъ. Вотъ причина склонности къ произведенію себѣ подобнаго, которая естъ единой способъ къ побужденію смертности, нераздѣльной отъ существа человѣческаго. О мудрая *Диотима*! воскликнулъ я, восхищенъ удивленіемъ, должно ли вѣрить всему сказанному тобою? На сіе, подобно ученому *Софисту*, отвѣщивала она: не сомнѣвайся въ томъ, *Сократъ*; ибо ежелибы ты хотѣлъ разсмотрѣть стремленіе къ славѣ, коимъ движимы всѣ люди, ты бы услышался, что не достигъ самъ до того, что я тебѣ изъяснила. Не видишь ли ты, коли-

ко люди желаюшѣ почтенны бышѣ попомками, колико шрудяшся они для доспихенія будущей славы? Ибо болѣе по сей причинѣ, нежели изѣ любви къ чадамѣ своимѣ, собираюшѣ богашства, подвергаюшѣ себя опасностямѣ, да и самой смерши. Думаешь ли ты, чшобы *Алцеста* прешерпѣла смершъ за друга своего *Адмета*; чшобы *Ахилль* искалъ оной для ошмщенія за *Патрокла*, и чшобѣ вашѣ *Когрѣ* жершвовалѣ своею жизнию для сохраненія царштва дѣшямѣ своимѣ, когдабѣ они не были движимы надеждою оставишѣ славную по себѣ память, кошорую должны они были приобрѣсшѣ за сїи великодушныя поступки между человекѣми? Конечно, продолжала она, конечно симѣ были они восхищенны; и чѣмѣ добродѣшельнѣе человекѣ, шѣмѣ вяшше ошущаетшѣ онѣ сїе стремленіе, кошорое ничшо иное ешѣ, какѣ желаніе безсмершія. Люди, зашрубѣлыя вѣ машеріи, льсшяшся сохранишѣ память свою и доспичѣ блага безсмершія помощію дѣшей своихѣ; и для шого привязываюшся къ женамѣ. Чшо же до шѣхѣ принадлежишѣ, кошорыя болѣе уважаюшѣ плодами духа, нежели шѣла: шо они прилѣпляюшся шолько къ произведеніямѣ, кошорыя ему полезны, шо ешѣ къ благоразумію и другимѣ добродѣтелямѣ, коихѣ піишы могутшѣ назвашся изобрѣшашелыи и ошцами. Превосходнѣйшяя же изѣ всѣхѣ шѣхѣ добродѣшелей ешѣ благоразуміе, коимѣ управляютшся общія и особенныя дѣла, и кошорое раждаешѣ умѣренность и правосудіе. И шакѣ

имѣющій въ себѣ сѣмена сихъ добродѣтелей, и самымъ шѣмъ слѣдовательно участвуя существованію боговъ, едва достигаетъ шѣхъ лѣшѣ, въ кои познаетъ сокровище, кошорымъ душа его наполнена, уже и желаетъ изліять оное и ищетъ съ стремленіемъ того, кому бы могъ сообщить оное. Красота есть одною изъ главнѣйшихъ вещей, привлекающею сіе сообщеніе; а прошивоположное красѣ есть шому препятствіемъ, какъ о томъ мы уже много разъ говорили. Когда же прекрасная, послушная и чувствительная душа соединена бываетъ прекрасному шѣлу, то сіи двѣ красоты, соединяся обще, производятъ неописанныя пріятности; и шотъ, кто привязывается къ шолико совершенному предмету, бываетъ краснорѣчивъ въ его присушствіи, и чувствуетъ несказанное стремленіе обучать его добродѣтели. Догстигаувъ соединенія съ нимъ, раждаетъ, можно шакъ сказать, прекрасныя мысли, кои издавна въ немъ зарожжены были, и кошорыя шѣмъ пріятнѣе для него, что суть общія съ шѣмъ другомъ, коего и въ самомъ отсушствіи не упускаетъ изъ виду. Упражняясь обще въ сихъ познаніяхъ, дружба ихъ шѣмъ самымъ становившая шѣснѣе; ибо сіи мысли суть чада душъ ихъ, кои гораздо благороднѣе шѣлесныхъ. Нѣшѣ ни единого человѣка, кошорой бы не долженствовало предпочестъ чадъ сихъ предъ другими; а наипаче, когда возришѣ на оставленныхъ *Гомеромъ* и *Гезіодомъ*, кошорыя, бывъ безсмертны, обрѣли славу и вѣчную память симъ е-

ликимъ людямъ. Каковы суть чада *Ликур-гоны*, оставленные имъ *Лакедемонцами*, и кои были избавителями опечества ихъ и большей части Греціи? *Солонъ* не почтенъ ли также между вами, яко законодатель? И не чшущся ли многіе великіе люди въ Греціи и у варваровъ за прекрасныя сочиненія, ими оставленные, кошорыя суть сѣмена всѣхъ добродѣтелей? Для сихъ-то чадъ разума ихъ воздвигли имъ храмы и учредили жершвоприношенія; почести, каковыхъ чада, происходящія отъ шѣла, никогда родителямъ своимъ не приносили. — Можешъ бышь разумъ швой легко проникаешъ шѣ таинства любви, кошорыя тебѣ открыла; но когда желаешъ познашь ихъ источникъ, и проникнушь всѣ мудрости, заключающіяся въ любви, то сомнѣваюсь, чшобы легко тебѣ до сего достигнуть. Однако я объявляю тебѣ оныя, и елико возможно, помогу тебѣ въ семъ откровеніи. Тебѣ остается самому вспомоществовать шрудамъ моимъ, и внимать съ прилѣжаніемъ шому, что вѣщаешъ шану. — Вопервыхъ надлежишъ, чшобы спремящійся къ небесной любви и ведомый примымъ пушемъ, приучался съ самой юности раземапривать красоту вещественныя, познавать свойство и сношенія оныхъ, и понимаешъ, что красота, влекущая его къ себѣ особо, ничшо иное есть, какъ вѣкій родъ другихъ красотъ шѣлесныхъ, кошорыхъ всемірная красота есть источникъ, и что слѣдуя сей красотѣ всемірной, не разсудительнѣе было думаешъ, чшобъ не все пре-

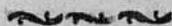

прекрасное причастствовало оной. Сіе познаніе препятствуетъ привязывашься съ чрезмѣрностію къ особенному предмету, и обращаетъ все вниманіе наше къ сему всеобщему предмету. По семъ достигаютъ до познанія, что красота души есть превосходнѣе тѣлесной и долженствуетъ бытъ ей предпочтена, шакъ что, обрѣвъ младаго юношу, одареннаго душевною красою, хошя бы пріянности наружныя и не сошвѣтствовали ей, надлежитъ возлюбитъ его, и употребитъ всѣ шруды поучать его душу и приближашъ къ вѣщшему совершенству. Такимъ-шо образомъ приближаемся къ непремѣняющейся красотѣ, обишающей въ законахъ и должностяхъ, въ сравненіе кошорой красота тѣлесная, бывъ подвержена переменамъ, ничто есть. Дивяшся сей красѣ въ наукахъ; и шога, удаляясь шого, чтобы подобно рабу подвергнушь себя пріяностямъ юной особы, погружаемся во всемірную красоту, яко море, въ кошоромъ нѣкіимъ правымъ пушемъ почерпаемъ познанія и всѣ доказательства, приносимыя намъ въ безчисленномъ множествѣ помощію философіи, коими напоясь, всѣ стремленія наши обращаются къ единой наукѣ, а именно, къ познанію красоты. — Употреби шеперь, *Сократъ*, все проницаніе ума швоего. Кшо слѣдовалъ предположенному мною порядку, и прошедъ всѣ степени красоты, достигъ до источника любви, шотъ разсматриваетъ удивительную красоту природы; красоту, существующую саму собою: ибо не подвержена концу, шакъ какъ

какъ и не имѣла начала; копорая ни уменьшишься, ни умножишься не можешъ; коей совершенство естъ полное и непремѣнное; копорая не подвержена времени и ослабленію отъ недоспашка въ какихъ частяхъ; копорая восхищаетъ неложно всѣхъ познавшихъ ее, такъ что склонностямъ въ разсужденіи ея никоимъ образомъ раздѣльнымъ бытъ не можно, какъ - то случается въ разсужденіи соспавленныхъ и подверженныхъ разрушенію предметовъ, кои хороши въ нѣкошарыхъ частяхъ, а въ другихъ безобразны и не всегда въ единомъ соспоянніи пребывающъ. Сія всемірная красота не можешъ бытъ представлена уму никакимъ изображеніемъ, какъ - то на примѣрѣ прекрасныя очи, или руки, или пріятная рѣчь, правильное разсужденіе, или какія бы то ни были свѣденія; красота, копорую особенно не одарены ни живошныя, ни небо и никакое ошдѣленное бытіе, но копорая раждается просто сама собою безъ всякаго смѣшанія, пребываетъ не завися ни отъ чего, и не подвержена никакой порчѣ; сообщается особеннымъ существамъ, коихъ премѣны, или испребленіе, не причиняющъ ей ни убыли, ни прибавленія. Воспаленной справедливою любовію и пользующійся оною, яко средствомъ къ достиженію познанія сей превосходной красоты, достигаетъ цѣли, къ копорой стремишься долженствуетъ. Симъ - то путемъ можно поучаться въ шайнспвахъ любви, хоща самимъ собою, или помощію другаго. Прилѣпляюща къ особеннымъ красотамъ,

шамбъ, дабы возвыситься поспешенно ко всемирной красотѣ. Удивлявшись оной въ особенномъ шѣлѣ, познаемъ ее во всѣхъ красотахъ шѣлесныхъ. Пошомъ обращаемся къ разуму, и зримъ, что самая та же красота проливается въ законахъ, въ рѣчахъ, во исполненіи должностей и во всемъ зависящемъ отъ разума и признанномъ прекраснымъ. Опшуда возвышаемся до особыхъ наукъ, отъ которыхъ наконецъ достигаемъ до шой науки, кошорая красоту имѣетъ цѣлю, и кошорая дѣлаетъ насъ способными разбирать оную. И въ семъ-шо упражненіи долженствують люди провождать жизнь свою. И ежели ты, *Сократъ*, когда до шого достигнешь, сказала мудрая *Диотима*, шо признаешься, что злато и все прочее, почишаемое драгоцѣнностію, даже что и самые молодые юноши, коими ты и многіе другіе восхищаются, и коихъ ни на минушу не хотѣли бы оставишь; все сіе, говорю, ничто ешь въ сравненіи красоты, въ самой ей зримой. О колико драгоцѣнно ешь взирашь на сію Божественную, чистую, простую, цѣлую, совершенную красоту, кошорая безъ смѣшенія шѣла, безъ всякія краски, и не подвержена напашямъ, нераздѣляющимся отъ блага земнаго! Что помышляешь ты о жизни, употребленной на сіе разсматриваніе? Не постигаешь ли ты, что очи, способныя взирашь на красоту, не только зрять изображение добродѣтелей, но и самыя добродѣтели? Ибо шѣни не приличествують шому, что достигло самой существенности.

Человѣкъ, дошедшій до сего состоянія, производя и питая добродѣтель, сподобится другомъ Бога, и получаетъ безсмертіе, когда шолько кто изъ смертныхъ можетъ требовать онаго. — Таковы были рѣчи *Діотимма*. Я въ нихъ удосповѣрился; а сіе побуждаетъ меня удосповѣрять людей, елико возможно, что справедливая любовь есть самый надежнѣйшій и легчайшій путь къ достиженію блаженнаго безсмертія. Почему любовь и безконечно достойна почтенія нашего. Я самъ чту ее, и другихъ увѣщаваю, да ее почтутъ. Я восхвалялъ ее, сколько разумъ мой дозволялъ; а ты, *Федръ*, разсмотри, достойна ли похвала сія бысть включенною между произнесенными вами. Когда же сказанное мною не кажешся вамъ бысть похвалою, то нарекише оное, какъ хошите.

 X.

ЮНГОВЫ НОЩИ.

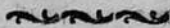
НОЩЬ ТРЕТІЯ.

Нарцисса.

Ignoscenda quidem, scirent, si ignoscere manes.

Virg.

Оспавя мечшы, гдѣ духъ мой блуждался безчувственъ въ лабиринѣ воображенія, пробуждаюсь я паки къ разуму, оному свѣщильнику, небесами гдѣ человѣкъ возженному; и сколь шочно нѣжнѣйшіе любители въ условенный

вленный часъ приходящъ въ назначенное мѣсто, столь же почто бесѣдую я съ моею горешію.

О сколь ограбленны добродѣшелію, почишающіе уединеніемъ бытъ наединѣ! О сколь мало имѣющъ они мыслей мужественныхъ! Сколь мало благороднаго волнованія въ душахъ своихъ! О сладостное общество! о великая и высокая бесѣда! *Разумъ! Ангелъ хранитель! Богъ нашъ!* Тогда шокмо приближаемся мы имъ, когда все прочее наиболѣе отъ насъ удаляется; скоро, скоро, исключая сихъ, все другое отъ насъ удалится. Сколь ужасно тогда обрѣсти ихъ единыхъ, и предшашъ имъ чуждымъ, незнаемымъ, неблагопріятнымъ! Теперь - то спарайся о нихъ, совокупися съ ними, и прикрѣпи ихъ ко груди швоей; швореніе не имѣетъ уже болѣе ничего, что бы желаніе швое привлекало. Но если ли желашъ четвершаго, да будетъ сіе *другъ нашъ*. — Другъ, но сколь они смершны! Ахъ! шаковое желаніе весьма опасно.

Сохраниайте *Феба* для себя, о вы, лучами его согрѣваемые стихошворцы! кошорые, упившись изъ чистаго источника шасшія, шапашесь дикими мѣстами радости, гдѣ *чуждешность*, ошорвавшись отъ цѣпи *разума*, спремишся со свирѣпостію и воспѣваетъ спокойшвіе ложное, доколѣ покрыва покрываломъ смерши она не издохнетъ. Весьма инаково шасшіе мое, весьма инакова пѣснь моя, весьма инаково и божештво, пѣсню моею призываемое. Яко совмѣшникъ *Ендиміона*, почишаю

шаю я крошко взирающую сестру дня, и прошу помощи оныя; еще первый я, кошорый къ шебѣ прибѣгаешѣ.

Ты, кошорая въ недавномѣ времени воспріимала образѣ *Цинтіи*! о ты, кошорая въ полнощныя часы сама оживошворяешѣ можешѣ! скажи, для чего *Цинтія* не можешѣ бышѣ богинею, покровительсшвующею сшихошворсшво? Ты воспріимала образѣ ея, а она пріимешѣ швои свойсшва; сія премѣна усугубишѣ божесшво ея.

Обряшущся ли шаковыя прошивомыслящіе піишы, коибѣ дерзнули премѣну сію въ одушевленномѣ мірѣ оспоривашѣ? О вы, любимцы *Пиринны*! возсылайше въ шихіе часы жарчайшія желанія ваши о помощи безсмершной ко престолу *Цинтіи*; менѣ бо права имѣешѣ къ сему возлюбленный брашѣ ея. Въ каждую ношѣ, соединяся сѣ гармоническими сферами, чинишѣ она лавиринѣическій шанецѣ, и внимаешѣ несравненному ихѣ пѣнію. Божесшвенное пѣніе, непозволенное слышати уху смершныхѣ! Низпошли мнѣ гласѣ швой, о ты, сребряная богиня небесѣ! Какое достоинсшво, или какое имя предѣ всѣми благопріяшнѣ шебѣ будешѣ? *Цинтія*! *Целлена*! *Феба*! — или лучше прекрасною. . . . небесѣ имяновашися желаешѣ? Не уже ли крошкое искуссшво волшебсшва, на землю шебя призывающее, сильнѣ могущесшва *Цирцеи*? О богиня! сними ко мнѣ, снеси сѣ собою сѣ онаго пира небеснаго душу пѣсни моей; внуши мнѣ божесшвенную сію добычу, или блаженными сновидѣ-

видѣніями (во швоей бо онѣ власпи) пролей оную во грудь перваго швоего почипашеля — но не послѣдняго, ешьли шокмо, подобно подражашельницѣ швоей, пребудешь всегда милосердою.

Но шы всегда милосердою пребудешь; во-исшинну будешь милосерда, внимаая предмету пѣсни моея; шакому предмету, кошорый совершенно шебѣ подобенѣ: крошокѣ, скромнѣ, мраченѣ, нѣженѣ, прекрасенѣ; шакому предмету, кошорый воздымаяся явился мнѣ совершенно блѣднымѣ, и возвѣщаль душѣ моеей, что уже ночь наспупала; вѣчная ночь на упованіи оныя наспупала, шакая ночь, кошорая издыхала облака еще смершоноснѣе шого, кошорое, вышедѣ изѣ гробницы *Филандера*, меня покрывало. *Нарциса* слѣдуешѣ за нимѣ, когда еще не зашворилась гробница его. Нещаспія наши совокуплены между собою; рѣдко бываешѣ единое *мученіе*: цѣлыми сонмищами онѣ шеспвуютѣ, весьма близко едино за другимѣ онѣ слѣдуютѣ. Смершь ея упошребляешѣ прошиву меня печальное свое право; она шребуешѣ горесши, о смерши *Филандера* изѣ очей моихѣ еще шекущія; беретѣ во власшь свою невѣрною и прошивною ей учинившуюся слезу, или, доколѣ она еще не упадаешѣ, раздѣляешѣ сѣ нимѣ оную. Смершь приходишѣ шoliko часшо, что не шокмо причиняешѣ горесшь, но и мѣшаешѣ ихѣ между собою. Удары ея споруютѣ о воздыханіяхѣ человекѣвъ, и вѣ опчаяніе ихѣ превращаютѣ. Ахѣ, *Филандерѣ*! что была смершь швоя? —

Сугубая мнѣ смерть, ужасное предвѣщаніе и неизглаголанная мука! угроженіе и ударъ! на подобіе черного врана лешала она вокругъ моего спокойствія; не менѣе его предшествуешь она злосщасію. Смерть похишила *Нарцису* прежде часа, ей назначеннаго; она воззвала нѣжную ея душу прежде еще, нежели разсвѣшало благополучіе ея, и ошторгнула ее ошъ первыхъ цвѣшовъ, ошъ оныхъ первыхъ ошраслей веселости, кошорыя бѣдственнаа судьба наша оставляетъ неиспробленными въ жестокомъ небосклонѣ жизни челоувѣческіа.

О сладостнаа воспѣвашельница! шoliko же прекрасна, какъ и сладостна! шoliko же млада, какъ и прекрасна! шoliko же нѣжна, какъ и млада! шoliko же весела, какъ и нѣжна! шoliko же невинна, какъ и весела! шoliko же щасшлива (есшьли шокмо что нибудь щасшливо бышь здѣсь можешь), шoliko же щасшлива, какъ и добродѣшельна! ибо благопріятшвшующее щасшіе воздвигнуло ей мѣсто возвышенное. Но сколь скоро достигаешь ея спрѣла судьбы, кошорая любитъ высокую мещу: о! столь же скоро, на подобіе обиташелей древесъ, и пѣніемъ своимъ и красотою періевъ ошличающихся, упадаешь она съ высоты древесъ сихъ, лишая ихъ всякаго доброгласія! исчезаетъ пріятность чудеснаго пѣнія ея! — Ахъ! еще слышишь оно ушамъ моимъ восхищеннымъ; еще мнишь мнѣ, будшо шекутъ крошкіе звоны (о когда бы возмогъ я забышь оные!) и сердце мое сладостною горесшію пронзаютъ!

Пѣніе, красота, младость, любовь, добродѣтель и веселіе! сіе множество сіяющихъ образовъ духа нашего, сіе множество цвѣтовъ рая еще непошеряннаго, соединяемъ мы въ единый пучокъ, и преклоня колѣна, предлагаемъ небесамъ, яко собраніе всего, что шокмо съ небесъ получишь намъ можно. Все сіе находилоя въ ней; она была моя, а я — я былъ — я былъ чрезмѣрно щасливъ! Радостное шило бѣдствія глубочайшаго! Подобно какъ шѣлеса, жизни лишенныя, чиняшя шяжелѣе: такъ шерянное благо умножаешъ шягость горести, а не причиняешъ веселія. Яко разцвѣтавшія древа, весеннею бурей низвергнушыя, шако лежала прекрасная сія развалина въ самой смерти своей еще любезна. Но ешлы и въ смерти своей была она любезна, шо кольми паче при жизни своей? — О! несравненно любезнѣе! Ахъ! горешъ и сожалѣніе усугубляюшъ шоки слезъ любви моея. Не уже ли ни единый вздохъ мужемъ важнымъ не извиняешя? Смѣйся гордецу, спыдающемуся плакать; единыя непрешанныя слезы насъ посшыждаюшъ. О вы, кошорые нѣкогда ушрашили сему подобное! безъ сомнѣнія пріемлеше вы учаспіе въ горести моея.

Какъ скоро сіяніе очей ея ослабѣло, и всегда ясный день ея пря разсвѣшъ своемъ мрачнымъ взорамъ человекѡвъ явился; коль скоро на ланишахъ ея, на ономъ безпрешанномъ пребываніи весны, предшавилося предвозвѣщаніе блѣдное, и всѣхъ взирающихъ на нее (кто же могъ прешпати взирашъ на нее,

единѣ шокмо разѣ ее увидѣвѣ?) исполнилѣ страха: шакѣ скоро лешѣлѣ я сѣ нѣжною поспѣшношю родишельскою, изшоргнулѣ ее изѣ хладнаго нѣдра, вѣ кошоромѣ она произошла на свѣшѣ, и гдѣ шогда дышалѣ *Борей* свирѣпный и принесѣ ее ближе кѣ солнцу; но солнце (якобы завидуя прелестямѣ ся) удержало свои лучи, ошказало вѣ обыкновенной помощи своей, и видя ее упадающую, взирало сѣ шаковою же нечувствительностю, какѣ на упадающія лилеи, прекраснѣйшія лилеи, однакожѣ не шолико прекрасныя, какѣ *Нарциса*!

О Царскія лилеи! и шы, о народѣ благоизукрашенный, обипающій во прекрасныхѣ долинахѣ, провождающій жизнь амброзическую, омывающій прелести свои ушреннею и вечернею росою, и піющій солнце, ошѣ чего и пылаютѣ ланишы ваши (изключая единыя мои) и всѣхѣ красавицѣ живостю красокѣ своихѣ превосходятѣ! . . . сѣ радостю возрасшали вы, гордились, когда срываемы были ся рукою, и шполь чистѣйшему духу приличнымѣ жершвокурениемѣ чинились. О вы, бѣглецы любезнѣйшіе! о родѣ, единыхѣ лѣшѣ сѣ человекѣмѣ достигающій! вы смѣшеся для человекѣвѣ, для чего же не надѣ человекѣмѣ? Правда, и вы еще сѣ нимѣ подвергнушы скорому прешествію, однакожѣ не безпрешанному его мученію.

Вашѣ какѣ сошворенѣ человекѣ! ничшо не причиняетѣ ему удовольствія, кромѣ шого, что возбуждаетѣ вѣ немѣ пылающія шраши

сти его; но спрасти, стремящіяся къ чему нибудь земному, скоро или поздно, веселіе его превращающъ въ болѣзнь; сколь же бываетъ она горестна, ежели послѣ восхищенія приключается! — Восхищеніе! Дерзосшный человекъ, кошорый раздражаетъ гнѣвъ Божій, спараяся собирать плоды, вкусу смертныхъ непозволенные, и здѣсь еще права небесныя себѣ присвоаетъ! Ошъ каждаго часа, о *Доренцо*! пребуешь ты восхищенія? Нещастіе друга швоего да научишь себя бышь мудрымъ; не опирайся на землю, она пронзишь тебя до самаго сердца; много, ежели ешь она жезлъ проспранъ сокрушенный; весьма же часшо бываетъ копіемъ, кошораго остріе испочаетъ кровь спокойшвія, а упованія наши умерщвляетъ.

Прочь бѣгите мысли безнадежныя! отвращишь ошъ нее прочъ! — Ахъ! изгнанныя сіи мысли собирающа паки со мстительною чувствительностію, и каждую болѣзнь вшорично возобновляющъ. Скончатся, не достигнувъ совершенно весны швоея! во время, назначенное для супружества, и когда благосклонное щастіе благопріятствовало тебѣ и любилелю швоему! когда свѣжевозрастающія радости швои сіяли еще въ полномъ своемъ цвѣтѣ! когда слѣпый человекъ блаженство швое почиталъ совершеннымъ! на чуждомъ берегу, гдѣ незнающіе тебя плакали; незнающіе тебя! но что еще удивительнѣе, и самыя нѣжности незнающіе оплакивали тебя! Очи ихъ испустили слезы безчеловѣчныя;

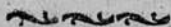
чудесныя слезы, низшекающія съ сердець окаменѣлыхъ! ожесточенная нѣжность! нѣжность, посредствомъ кошорыя, не взирая на крошку ушѣшающую *природу*, предсхавлялась она еще жесточас, и шакъ сказать, въ спаль прешворившеюся. Но въ самое сіе время, когда *природа* утопала во слезахъ, *суецѣріе* успремляло звѣрство свое; первая оплакивала усѣпшую, а послѣднее сіе не позволяло предать землѣ прахъ оныя.

Спенанія ея возжигали единое свирѣпство; спенанія, кошорыя волѣ были чужды! воля ея вскормлена была шиграми; жесточасе свирѣпствовала она, нежели и самая буря. Ибо, о проклятое безбожіе ревности священныя! въ самое то время, когда чувшвенная плоть побуждалася къ сожалѣнію, тогда духъ, воспитанный въ нѣдрахъ слѣпныя непремѣнности, тогда освященный духъ чинилъ грудь подобною камню; онъ отказывалъ въ подаяніи праха, надъ прахомъ же разсѣяшися долженствующему! подаяніе, кошорое и самимъ псамъ ихъ чинится. Чшо оставалоса мнѣ дѣлать? Гдѣ искашь помощи? Куда прибѣгнушь? Со смиренною дерзосшію похитилъ я гробницу; съ дерзосшною смиренносшію оскорбилъ я гробницу сію. Скоропосхиженъ въ исполненіи должности моея, боязливъ въ горести, шествовалъ я тихими и колеблющими шагами, боѣе убійць ея, нежели другу подобенъ, и сокрытъ въ шемношѣ полнощной, *жужжалъ* я послѣдніе вздохи мои. Я *жужжалъ* то, чшобы по справедливости во

всѣхъ

всѣхъ обласпяхъ гремѣшь долженствовало; однакожь не вписывалъ имена шѣхъ, кошорыхъ гробницы должны проникнушы бышь облаками. Дерзоспный спрахъ! како дерзаю спрашишься злодѣевъ ея, когда яснымъ природы повелѣніямъ повинуюся? О шѣнь блаженная! прости необходимости. Поперемѣнно проливалъ я шоки горести и негодованія; съ благоговѣніемъ моимъ мѣшалъ нѣкошорый родъ проклятія; ожесшочался прошиву челоувѣка, обожая Бога его; завидовалъ варварской обласпи, сохраняющей прахъ швой; ругалъ прокляшую землю, и съ челоувѣколюбіемъ, подобнымъ шому, въ кошоромъ ошказано было *Нарцисъ* моей, всѣмъ имъ желалъ я смерти.

Ахъ! жаръ чувствившельности моей прешворяется во грѣхъ. Но какой грѣхъ со ошкорбленіемъ усопшихъ сравнишься можешъ? Колико свяшы должны бышь усопшіе! Свяшъ есть прахъ сего небесами сошвореннаго высочешвеннаго образа Божія! сего небесами восприняшаго, величешвеннаго одѣянія земнаго, кошорое самъ Онъ удошвоилъ носиши; Онъ, кошорый сію пространную швердь украсилъ шолико ясною синешою, а солнце одѣялъ въ одежду злашую. Ешпли уснешъ каждая спрашъ, возбудиши насъ могушая; ешпли каждая причина побудишельная, къ жалоспи побуждающая, насъ проникнешъ; ешпли челоувѣкъ смѣешъ дашь волю яроспи своей, не укрошая оныя (оною сильѣйшею уздою на мшченія и дѣйствія неприяшельскія): шо можно ли шогда огорчашься на прахъ, на прахъ

невинности, на прахъ Ангела! -- Ахъ! шакова дерзосшь и самую дерзосшь сатаны превосходишь; ибо когда сражался онъ за кости Папріарха, то сраженіе сіе не ошъ злоси, а ошъ гордости происходило; прѣ сія была гордостъ *Папы*, а не злосердіе его.

Ахъ! вещи, несравненно сихъ маловажнѣе, сушь мерзски въ шаковомъ родѣ, кошорый безъ спремленія обоюдныя любви былъ бы чрезвычайно несчастенъ; кошорый безъ любви Божія до сего времени пребылъ бы несошвореннымъ, и безъ любви Божія погибнулъ бы въ самое сіе мгновеніе, и бывъ паки поглощенъ судьбою, въ вѣчную ношь погрузился бы. Человѣкъ немилосердѣ прошиву человѣка! О! шаковое дѣло между ужаснѣйшими ешь ужаснѣйшее, между удивительнѣйшими наудивительнѣйшее! Однакожъ благопріятствіе ихъ бываешъ часто ничшо иное, какъ легчайшая обида; гордостъ предлагаешъ нашимъ очамъ милосшь, но пріятносшь оныя ешь ругашельство. Чшо же ешь яросшь человѣка? О звѣзды! зашворите ушеса ваши; а шы, луна блѣдная! (ежели слышишь сіе) блѣднѣй еще болѣе; человѣкъ человѣку ешь чувствительнѣйшее и неизбѣжное несчастіе. Предвидушій вихрь предвозвѣщаешъ намъ воздымающуюся бурю, башни прежде паденія своего производяшъ шрескъ, огнедышущія горы прежде, нежели начинаюшъ мешашъ огонь свой, производяшъ ужасный шумъ; земля шрепещетъ, когда для поглощенія насъ отшверзаешъ пространныя свои челюсти; а дымъ увѣдомляешъ насъ

о все пожирающемъ пламени: единыя злодѣянія человѣковъ бывающъ тогда наиболѣе сокровенны, когда уже предсояшъ намъ близко; страшная почта отправляется не прежде, какъ уже по учиненіи все низвергшаго удара. Но можешъ бышь, что сказанное мною естъ единое воспаленіе моего воображенія? О когда бы такъ сіе было! Небо, изключая единого себя, всѣ прочія существа ошъ ужаснаго взора на открышое сердце человѣка избавляешъ.

Не уже ли Муза моя распаленна? Но пусть она таковою будетъ! Кто не воспламенился, говоря то, что чувствуюешъ, да и чувствуюешъ въ нѣжнѣйшей часпи самаго себя, въ друзьяхъ своихъ? Спыдъ для человѣковъ! *Филандеръ* имѣлъ злодѣевъ своихъ: онъ чувствовалъ истинны, мною воспѣваемые, а я въ немъ чувствовалъ оныя. Но днесъ ни я, ни онъ уже болѣе ихъ не чувствуюешъ. О пы, еще свѣжая сердца моего язва! о *Нарциса*! исчезли съ побою всѣ прежнія мои болѣзни, новыми днесъ нещастіями сердце мое шерзаешся, новыми мученіями изнуряешся оно; мученія сіи шoliko же многочисленны, какъ шъ, кошорыя были собраны надъ примѣчанія доспойнымъ жребіемъ швоимъ; они упадающъ на меня шakovымъ же густымъ облакомъ, какъ саранча, на Египешскую землю спускавшаяся, и нашесшвіемъ своимъ самую смерть чиняшъ смершоноснѣе, а гробницу еще мрачнѣйшею. О *Лоренцо*! ешъли пы печальную повѣсть мою не ишребилъ еще изъ памяти швоей, то обрати вспяшъ мысли свои, и скажи,

жи, не было ли въ оной каждое обстоятельство вооруженно уязвляющимъ зміемъ! каждое было змій, а всѣ вкупѣ многоглавная нещастія *Гизра*. Какая *Ираклопа* сила могла шаши прошиву оныя? — Или развѣ почитается добродѣтелию, естли побѣжденъ ими будешь? Сія сѣдинами украшенная ланиша омывается различными слезъ пошоками; каждая слеза оплакиваетъ собственное свое нещастіе; но каждое оплакиваемое нещастіе шребуетъ еще вящшія горести, нежели соединіемъ всѣхъ умножается. Горесть, подобная моей, не имѣетъ единаго шокмо владѣшеля: не единые друзья шаковыхъ усопшихъ оплакиваютъ: всему человѣческому роду печаль они налагаютъ; повсюду исторгаютъ они воздыханіе, гдѣ шокмо достигаешь нещастный слухъ сей, и повсюду провождая долиною смерти мысли веселящагося юнощества, приводятъ ихъ на путь истинны.

Долина смерти! оная шихая *симметрическая* долина, гдѣ мрачность, ушвердивъ враніи крылія свои, покоишься на жребіяхъ еще несвершенныхъ, и ожидаетъ онаго дня, онаго спрашнаго дня, кошорый воспрешитъ всѣ будущія премѣны; оный міръ подземный, оная область развалинь! О *Лоренцо*! се есть полезнѣйшая прогулка для гордаго духа человѣческаго. Да страншвуешь шамъ духъ мой, да испытуешь онѣ здравыя и цѣлишельныя мысли, кошорыя здѣсь нужнѣе всѣхъ и благопріятнѣе. Воиспинну, для пользы радостнаго *Лоренца*, и для собственныя своея,

воз-

воззри, о душа моя! воззри на плоды друзей умирающихъ, ошкрой *суетность* жизни, возвѣси жизнь со смертію, воздай смерти похвалу ей досподолжную, преодолѣй страхъ твой и испоргни себѣ оную высочайшую побѣду душъ благородныхъ, мужественное презрѣніе ужасающія гробницы. Собери жашву сію со гроба возлюбленныя *Нарцисы* швоея. Подобно какъ, слѣдуя повѣсшвованіямъ сшихотворцовъ, изъ текущія *Аяксопой* крови прозябъ печальный цвѣштъ, горестію означенный: такимъ же образомъ изъ смершельныя моея язвы да процвѣшетъ премудрость. Но вопервыхъ, яви намъ плоды, получаемыя нами ошъ умирающихъ друзей нашихъ; они приносяшъ намъ пользу четверокрашную: способствуюшъ бо прогоняши *безмысліе, страхъ, гордость* и *грѣхи* наши.

Умирающіе друзья наши восходятъ надъ нами на подобіе влажнаго облака, дабы угасить безумный жаръ нашъ, и уменьшишь оноє сіяніе жизни, и самыхъ мудрецовъ весьма часто ослѣпляющее. Умирающіе друзья долженствуюшъ ошкрывать пушь ко смерти, испребляшъ оныя препяшствія сшраха и ошвращенія, полагаемыя природою въ пуши нашемъ, и чрезъ шо пристань нашу учинишь шолико же пріятною, какъ и безопасно. Каждый похищенный другъ нашъ есть перо, изъ крыла шщеславія челошъковъ испоргнушое, дабы принудишь насъ спуститься съ чрезвычайныя вышины нашея, и получа предчувствіе о собственномъ ошщесшвіи нашемъ, простирашь

сонныя крылія упадающаго честолюбія, и уже тайно на единой поверхности шара земнаго пресмыкаешься, доколѣ не разроемѣ онаго концами крылій нашихъ, дабы надѣ умершею гордостію посыпашь нѣсколько праха, и чрезѣ шо свѣшѣ сей ошѣ заразы освободиши. Усопшіе друзья наши суть Ангелы, низпосланные яко посланники, исполненные любви. Для насѣ они изнемогающѣ, для насѣ же и умирающѣ. Но уже ли изнеможеніе и самая смерть ихѣ будущѣ щещны? Пожелаемѣ ли мы, яко неблагодарные, огорчашь шѣни ихѣ, надѣ нами лешающія и ожидающія новыя премѣны въ сердцахѣ нашихъ? Не уже ли презримѣ шихое и крошкое прошеніе ихѣ, или нѣжныя напоминовенія, кошорыя они и по смерти уже своей не прешающѣ намѣ чинить? Не уже ли презримѣ смиренныя ихѣ молишвы? Не уже ли уподобимся спаду, пасущемуся надѣ свяшыми ихѣ гробницами, и самую борьбу ихѣ со смертію и шенанія ихѣ учнемѣ ногами нашими попираши? Оболжемѣ ли мы ужасѣ, уничтожимѣ ли и самую смерть ихѣ?

Нѣшѣ, *Лоренцо!* прилѣпися лучше къ мысли о *смерти*; ошдай ей цѣлишельную власшь ея, да царшвуешѣ она, сей благій насшавникѣ души швоей, въ радости; царшвованіе ея распрощранишѣ славныя завоеванія швои, и возшпановишѣ шшину въ волнующейся груди швоей. О время блаженное! о дни злшые! воспріимите начало ваше! размышленіе о смерти одушешворишѣ шбя. Да почтожѣ бы шбѣ не помышляшѣ о смерти?

ши? Развѣ единая шокмо жизнь всѣхъ размышленій швоихъ ешь предметомъ? Желаніе каждаго часа, и пѣснь каждаго веселія? Удивленія достойная ишпинна! Но ошложимъ на нѣкошорое время многочисленныя мученія, перзающія нашу жизнь, яко нѣкую собшвеннось, или справедливо доспающуюся добычу. Не успѣешъ человекъ половины многошруднаго пушешествія своего свершитъ, какъ уже сласполюбіе его не ошавляетъ ему ни единого веселія, кошорымъ бы уже онъ не наслаждался; онъ пипаешся уже едиными хладными повшореніями, и шакъ сказашь, въ безсмачномъ *настоящемъ* вкушаетъ шокмо *прошедшее*; но вкушаетъ уже съ ошвращеніемъ, и едва ли проглошишь оное возмогаешъ. Подобно расшочительнымъ предкамъ, первыя лѣша его всѣ будущіе часы лишили наслѣдшва ихъ. И шакъ сіи послѣдніе, находяся при ошавшихся коркахъ, умирающъ ошъ глада, а на прежнихъ поляхъ своихъ единые шокмо ошашки собирающъ.)

Безпрешанно здѣсь жиши, *Доренцо!* — Ужасная мысль! шoliko ужасна, что желающіе сего въ самое шожее время оприцающъ желаніе свое; ошъ сшыда оприцающъ они шо, что по глупосши своей желали. Какъ! на- всегда пребышь во ушробѣ машерней и никогда не видѣшь свѣша дневнаго? Но почшожъ намъ желашъ жишь здѣсь безпрешанно? — Дабы многошрудными шагами вшупашъ на прежній пушь нашъ? Чшобы вѣчно обращаешья въ единоеъ кругъ? Чшобы цѣпляешья

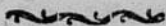

за оное обветшавшее и шягостное колесо жизни, уже ничего новаго представить намъ немогущее? Чшобы въ каждый бѣдственный день смѣяться о прошедшемъ? Чшобы скучашь единообразіемъ, а при веселостяхъ зѣвашь? Или для шого, чшобы благодарить нещастіе за премѣну, имъ произведенную, сколь бы ни была она горестна? Взирашь на то чшо мы давно видѣли? Слушашь глупыя сказки, безпрестанно повшоряемыя, доколѣ уже не услышимъ ихъ болѣе? Вкушашь давно уже нами вкушаемое и при возвращеніи своемъ прежнія пріятности своя неимѣющее? Чрезъ ошягощенные каналы и ослабѣвшія нервы проводашь пустѣйшіе годы? Ничего болѣе не представляшь, какъ шокмо бренныя махины для раздробленія выродившихся плодовъ земли сея; весьма худо раздробляшь, но еще шбо хуже варить! — Таковое житіе не есть жизнь, но шяжкое бремя! каналы нечистыхъ измешовъ разумомъ одаренные, безпрестанно шекущія шрубы полношы безмысленныя, копорыя при каждомъ движеніи ошѣ шпраха шрепещутъ, дабы смерть не испоргнула чашу, въ рукахъ ихъ находящуюся.

Вотъ желаніе благородныхъ душъ нашихъ! шаковыя — то жизни ошошно они желаютъ! О нѣжный вкусъ! почшо же къ пиршешвамъ своимъ не призываютъ они всякій шкотъ и звѣрей дикихъ? Таковыя примѣры въ состояніи постыдитъ распушствіе ихъ. Къ чему же они ошѣ недостатка добродѣтели, то есть ошѣ недостатка разума (не зирая на то, что

что всѣ глупыя воображенія свои изъ разума производяшъ), къ чему же наконецъ они принуждаются? Самый суешный міръ сей любишь и ненавидѣшь; оную изукрашенную Фурію жизни бранишь каждый день и каждое мгновеніе глупою, но при всемъ шомъ съ нею совокупляешься; ласкашельствовашь злomu, спрашася еще злѣйшаго; прилѣпляешься ко крѣпкой горѣ каменной, не причиняющей имъ ни единого блага, и кошорая изобилуешъ въ острыхъ злахъ, очерняешся каждый часъ отъ громовъ, на ней висящихъ, и уже для единыхъ кораблекрушеній, упованіями человѣковъ шущъ прешерпѣваемыхъ, шолико славна; и находяся на горѣ сей, шрепешашъ отъ ужасныхъ бездны, кошорая, бывъ подъ нами, отшверзаетъ челюсти свои. Вотъ шоржешво ихъ! Вотъ мученіе веселій ихъ!

Уже время, давно уже время премѣнишь горешстное явленіе сіе. Но какое искусство въ сосшояніи подашь помощь сему съ горячностію приѣмлемому, сему гнусному сосшоянію? — Единое шокмо, но единое, кошораго всѣмъ человѣкамъ досшигнушь можно: *добродѣтель*. — Воиспинну сія богиня чудошворная! Она шо чарованіемъ своимъ принуждаешъ оную каменную гору процѣвшашъ; укрощашъ изукрашенную Фурію; и что еще болѣе, о *Лоренцо*! удивишь шебя можешъ, въ ономъ скучномъ и прошивномъ возобновленіи производишь перемѣны, а оный кругъ природы въ прямую линію превращашъ. Вѣришь ли шы сему, *Лоренцо*? Приклони мнѣ

ухо швое, но ухо шерпѣливое; и тогда услыдишь ся не вѣровашь мнѣ.

Тягостное, свинцовое повшореніе пригнѣ-
 шаетъ всѣхъ къ землѣ, да и всегда пригнѣ-
 шать долженшвуешъ шѣхъ, кошорые пола-
 гаюшъ свои ушѣхи въ пріятноштыхъ зрѣніа,
 вкуса и обоняніа. Годовыа времена, подобно
 кукушкѣ, воспѣваюшъ единогласно, шо есть
 для шѣхъ, кошорые ничего въ нихъ болѣе не
 почиашъ, кромѣ плодовъ, чо изобилую-
 щая земля жаднымъ *чуцшпамъ* ихъ пред-
 лагаетъ. Но души, благороднѣйшіа души,
 находящія пріятношть въ плодахъ, безъ по-
 мощи солнца созрѣваемыхъ; сіа души, гово-
 рю я, производашъ во дняхъ своихъ много-
 различіе; шакое многоразличіе, яко цвѣшы
 на выѣ голубя, при солнечномъ сіянїи ошли-
 вающіеся. Для душъ, обладающихъ невинно-
 стїю, подобною голубиной; для душъ просвѣ-
 щенныхъ, освѣщаемыхъ лучами добродѣтели;
 для сихъ не бываетъ ничшо долговременно;
 ничшо не возвращаетъ имъ изъ прошедшаго,
 ни въ желанїяхъ ихъ, ни въ шомъ, для чего
 чо нибудь онѣ любяшъ. Каждый день при
 восхожденїи своемъ видяшъ славныа и небес-
 ною надеждою одаренныа желанїа ихъ, паче
 и паче воспаряющія; каждое благошворное
 свѣшило ушреннее созрѣвающему достоин-
 шву ихъ приношишъ нѣчто новое, новую
 крѣпостъ, новое сіянїе, новую славу; въ шо
 же самое время оный кругъ природы, подо-
 бно колесу, продолжая бѣгъ свой подъ высо-
 кими намѣренїями ихъ, прекрасныа виды ихъ

чинишь каждый часъ еще прекраснѣйшими; а *добродѣтель* приводитъ въ прямой линіи къ блаженству; *добродѣтель*, которая посредствомъ побужденія Христіанскаго всего способнѣе намъ вдыхается! *Блаженство*, которое утверждается въ насъ единымъ ученіемъ Христіанскимъ!

Не ужель, презря все сіе, пожелаемъ мы ради *добродѣтели* учинишься ошпадшими, а ради веселостей невѣрными? Примѣчай истинну сію, о которой весьма немногіе сомнѣваются, а еще того менѣе твердо въ ней увѣрены: „Тотъ грѣшишь прошиву жизни сея, который презираетъ будущую.“ Что есть жизнь сія? О коль малое число знающихъ свою возлюбленную! Нѣжны во мракѣ, и слѣпы въ ласкашельствахъ нашихъ, чрезъ пылающую любовь нашу къ жизни чинимъ мы возлюбленную жизнь сію недоспойною любви нашея, и самыми ласкашельствами нашими ее умерщвляемъ. Мы изъявляемъ времени почтеніе, единой вѣчности принадлежащее, и предавшись сну, мореплаваніе наше почишемъ уже самую пристанію. Жизнь наша тогда шокмо великое достоинство имѣетъ, когда почищается средствомъ, а не концемъ. Божественное средство! Ежели въ жизни заключаешся наше *псе*, то она есть *ничто*; хуже еще, нежели *ничто*: собраніе всѣхъ бѣдшвій. Но ежели почищается она за *ничто*, въ шакомъ случаѣ весьма много въ себѣ заключаешъ. Подобно своенравнымъ красавицамъ, жизнь услаждаетъ насъ гораздо болѣе, ешлы ме-

нѣе ласкашельствуешь ей; чѣмъ менѣе почишаешь се, тѣмъ драгоцѣннѣе она чинишься. Въ такомъ случаѣ жизнь наша есть пребываніе утѣшенія, изобильна въ спокойствіи, еще того изобильнѣе въ надеждѣ будущаго; важна! достопоночшенна! Въ такомъ случаѣ не надлежитъ произносить имя ея, не присовокупляя высочайшихъ похвалъ къ оному. Никогда не должно помышлять о ней безъ радости и восхищенія; она есть швердѣйшее основаніе блаженства будущаго.

Гдѣ же днесь *неплодоносная гора каменная*? Гдѣ *изукрашенная Фурія*? О *Доренцо!* гдѣ днесь вѣчный кругъ жизни? Не исполнилъ ли я шроякаго обѣщанія моего? Суешенъ міръ сей, но для единыхъ суешныхъ. Чему же уподобишь намъ премѣняющееся явленіе сіе, коего двоякое достоинство возвышается и упадаетъ, уменьшается и увеличивается? (О ночь, изобилующая въ помощи! и здѣсь еще прошу я тебя о помощи швоей.) Уподобь его лунѣ, кошорая сама по себѣ мрачна и недостаточна, но занятымъ отъ вращенія сферы сіяніемъ обогащается. Сколь скоро предстанетъ грубый грѣхъ, шоль скоро земля ушрашенная оплакиваетъ глубокую мрачность радости; тогда радости сіи въ яснѣйшемъ своемъ сіяніи являющія блѣдными, ежели сравниваютъ ихъ съ источникомъ полносіяющія славы, изъ котораго онѣ истекаютъ.

Но слава сія находишься весьма недалеко. О *Доренцо!* смиренный человекъ и Ангелъ!

коль шонка завѣса, ихъ раздѣляющая! Что бо раздѣляешь жребій ихъ? -- Можешь бышь единое мгновение, или единый годъ; да хоша бы цѣлый вѣкъ, то и оный есть едино мгновение; воиспину едино мгновение, или вѣчность будетъ забвенна. И шакъ буди шѣмъ, чѣмъ нѣкогда были шѣ, кои днесь суть Боги; буди, чѣмъ былъ *Филандеръ*, и тогда уповай на небо. Не ужель шрепещешь природа боязливая, помышляя о шонкой ниши сей? Именуй оную *краткимъ переходомъ*, и возвеселися духомъ швоимъ; часшо шаковою она бываетъ, для чегожъ бы и для себя не бышь ей шаковою? Ожидашь лучшаго есть смиреніе, мужество и мудрость; да шаковая надежда можешь сама себѣ доставишь шо, что она общаетъ. Мы ласкашесь швуемъ жизнь нашу, а смерть порицаемъ излишне; сравни же ты совѣстниковъ сихъ, и увѣнчай изъ нихъ блаженство. „Чудесная прѣ о превосходствѣ достоинства!“, -- Справедливо ты говоришь, *Лоренцо*! весьма она чудесна; не многое бо жизнь наша на вѣсахъ сихъ возложишь имѣешь.

Жизнь душу нашу чинишь рабомъ праха; смерть даетъ крылія, дабы она воспаряла надъ сферами. Блиско видящая жизнь взираешь на свѣтъ сей скважиною, которую называемъ мы *чужтипомъ*; смерть раздираешь облака, окружающія оную, и все чинишь яснымъ; сила, лишенная шѣла, чинишь вся охо, вся въ ухо она претворяется. Смершь имѣешь вымышленныя болѣвни, ко-

порыхъ *природа* наша никогда не возчувствуетъ; а жизнь дѣйствительныя мученія, кошорыхъ и сама *Премудрость* избѣгнути не могла. Сей могущественный Духъ, сіе Чадо небесъ! не свергаешся ли Онъ съ престола своего онымъ мучителемъ жизнью? Не ввергаешся ли Онъ во узы, не терзаешся ли имъ? Не освобождаешся ли Онъ смертію? Не чинишь ли она Его славнымъ, Божественнымъ? Смерть единое шло, а жизнь и самую душу погребаетъ.

„ Не ужель однакожъ смерть совершенно невинна? Не означаешъ ли она пущь свой ужаснѣйшимъ опустошеніемъ всего шого, чшобы сіять здѣсь долженствовало? Искусство, разумъ, шастіе и власть высокая, всѣ онѣ многоразличными сіяніями свѣтъ сей освѣщали; *смерть* угасила ихъ, она помрачаетъ родъ человѣческой. „ Признаюсь, *Доренцо!* жалобы швои весьма основательны. Мудрый, знатный, Царь и завоеватель; всѣ сіи *смертію* низвергающся; но *жизнь* еще шого жесточайшая: и самаго человѣка низвергаетъ. *Жизнь* есть шоржество нашея брѣнная глыбы земныя; а *смерть* шоржество духа безконечнаго. *Смерть* не имѣетъ никакого ужаса, кромѣ сообщаемого ей слабою *жизнію*; а *жизнь* никакихъ веселій истинныхъ, кромѣ возвышаемыхъ смертію любезнѣйшею. Не дерзаетъ *жизнь* гордиться ни единымъ блаженствомъ, доколѣ *смерть* въ состояніи доспавишь намъ гораздо величайшія; *жизнь* естъ должникъ *гроба*, оныя мрач-

ныя шемницы, изъ кошорыя сіяшъ день вѣч-
ный.

Доренцо! спыдися нѣжноспи швоей кѣ
жизни, кошорую души небесныя посылающъ
сюда для пошребностей весьма низкихъ, да-
бы изыскивать пищу чувствамъ нашимъ, и
стараться о сполахъ, при кошорыхъ каж-
дый скопъ, дичину обоняющій, а можешъ
бышь и послѣдній червякъ, справедливо о
преимуществѣ сѣ нами споришъ. Сласпо-
любивый пиръ! душа, безсмертная душа, по-
груженна во всемъ проспранствѣ прожорливо-
спи скопскія! О *Доренцо!* успыдися боязли-
вости, причиняемая шобъ *смертію*, кошо-
рая нѣкогда упокоишъ шбя въ сѣняхъ шор-
жеспвенныхъ, гдѣ льешся Божеспвенный не-
шаръ, гдѣ услуживающъ Ангели, и еще бо-
лѣе, нежели Ангели: рожденіе и юность бу-
душъ участвовашъ во издѣніяхъ блаженшва,
возвысашъ ихъ, увѣнчающъ и учинашъ вѣч-
ными. Чего желаю я еще болѣе? О смерть!
швои сушь пальмы.

О *смерть!* да будущъ благопріяшны мнѣ
шoliko ужасающіе швои предвозвѣспники,
старость и *болѣзнь*; и самая сія болѣзнь
(хощя уже давно была она гостемъ моимъ),
кошорая прерываешъ нѣжныя *нити жизни*,
ныя на жилахъ моихъ, и когда еще нѣсколь-
ко болѣе прервешъ оныхъ: шогда услышишся
звукъ часовъ біющихъ, созывающій малое
число моихъ друзей кѣ погребенію моему, гдѣ
слабая природа можешъ бышь уронишъ нѣ-
сколько слезъ; но *разумъ* и *пѣра*, имѣя луч-

шеє поняшіє, пожелаюшѣ щастія усопшему и гробницу его вѣнцами побѣды увѣнчаюшѣ. *Смерть* єсть побѣда; она возлагаєшѣ оковы на свирѣпствующія мученія жизни нашея; *сластолюбіє, любочестіє, гнѣвъ и скупость*, влекушя прикованны у колєсѣ шоржєсшвенныя єя колєсницы, и шѣмѣ еще болѣе могущєство єя прославляюшѣ. Чшо шерзающія насѣ прощивности и неукрошимыя попеченія не сущє безсмертны, о смерть! шебѣ за сіє благодаришѣ мы долженствуємѣ. „О день разрушенія нашего!“, — Называй єго справедливо: — се єсть великій день награды нашея! се єсть наша излишняя и созрѣлая жашва! Хошя и часто ошрая коса швоя уязвляєшѣ насѣ вѣ самое шое время, когда зашыя сѣмена мы посѣваемѣ, но какое же зло ошѣ шого намѣ приключаетсѣ? Нѣчто болѣе, нежели масшѣ швоя, о *Гилеадѣ*! язву сію ищѣляєшѣ. Слабый вопль *рожденія* и ужасное шенаніє смерти сущє малѣйшая дань, кошорую шихопочишаемая природа плашишѣ за высокую корыстѣ; корыстѣ ошѣ обоихѣ, жизнь! но ахѣ! колико послѣдняя сія первую превосходишѣ! Сколь скоро сравниюшѣ ихѣ между собою, шоль скоро *жизнь* умираєшѣ; жизнь не прежде воспріємлєшѣ начало своє, какѣ уже по шу шпану гроба.

О *смерть*! не ужелѣ размышленіє о шебѣ не причинишѣ миѣ ни малѣйшія радости? *Смерть* єсть великій совѣшникѣ, всякою благородною мыслію и всякимѣ дѣяніємѣ изящнымѣ человѣка одушевляющій; *смерть* єсть

избавишесь, спасающей человека; *смерть*, наградишесь, увѣнчавающей спасеннаго; *смерть* освобождаетъ рожденіе мое, которое безъ того пребыло бы проклятіемъ; изобильная *смерть* даетъ всѣмъ поличеніямъ моимъ, шрудамъ, добродѣтелямъ и упованіямъ дѣйствительность: безъ нее всѣ онѣ оспалися бы химерою; *смерть* есть конецъ мученій всѣхъ, а не радости; *источникъ* же и *предметъ* радости вѣчно пребываетъ невредимымъ; первый въ душѣ моей, а послѣдній въ великомъ Опцѣ своемъ, не взирая на то, хошябъ всѣ чешыре вѣпра вокругъ праха моего свирѣпшвовали. Воиспинну, и опѣ вѣпровѣ, и опѣ волненія морскаго, и опѣ самыя мрачныя бездны ноши, пошребую я плѣннаго моего праха (въ то время, когда гордѣйшія сферы гордыя природы учиняшся уже пракомъ), и тогда цѣль еще буду я жиши. *Смерть* есть вѣнецъ жизни: когдабъ не была *смерть*, во шьмъ бы жили человекѣ бѣдныя; ешьялибъ не было *смерти*, то бы и жизнь не была жизнию, тогда бы и самыя глупѣйшія изъ человекѣ умереть пожелали. *Смерть* уязвляетъ, чшобы насѣ изцѣлишь; мы кончаемся, возшпаемъ, владычествуемъ, лепимъ изъ узѣ нашихъ и приедемъ небеса въ свое владѣніе, гдѣ процвѣщающий Едемъ въ очахъ нашихъ увядаетъ; *смерть* даетъ намъ болѣе, нежели въ Едемѣ пошерянное. Сей шпраха Царь есть Царь міра. О! когда скончаюсь я для суешь и мученія? Когда умру я? — Когда начну я жизнь вѣчную?

XI.

Надгробная пѣснь Перуанцовъ.

Ты созданъ для трудовъ во свѣшъ челоуѣкъъ;
Болѣзни, горести, спраданье ощущаешь:

Утѣшься, смертенъ ты; сей жизни крапокъ
(вѣкъъ;

Не сѣшуй, естли вѣ ней утѣхъ не обрѣ-
(таешь.

Ты пробуждаешься, сѣ зарею сна лишаешься:
И нужды познавашь, прудишься, работаешь;
Обремененъ тоской, рыдая и крушаешься,
Вѣ ноци ты щещнаго спокойства ожидаешь.

Однако не крушишься, смерть ждещъ тебя къ
(себѣ;

Во нѣдрахъ ты ея спокоенъ будешь вѣчно:
Блаженство ея шамъ усроено тебѣ.

Коль брэнна наша жизнь, познаешь ты ко-
(нечно.

Отъ бури ладію вѣ волнахъ несому зри;
Спасенна, вѣ пристани, спокойна, безопасна.
Подобну морю жизнь и бурямъ вобрази:

Да будешь жизнь тебѣ, не смерть швоя
(ужасна.

Обращаешь вѣ смерти ты пристанище швое;
Тамъ тихое найдешь и вѣчное спокойство,

Сквозь бурну жизнь промчавъ во свѣшъ бышіе;
Сей жизни вѣ гробѣ ты познаешь неустрой-

(ство.

Млаъ

Младенецъ вопишѣ здѣсь; на бѣгѣ его взгляни:
Оставленъ далеко онѣ матерью своею;
Чтобѣ силы испыташь въ свои безсильны дни,
Спопами робкими спремись въ слѣдѣ за нею.

Лишенный чувствѣ, въ ея объятія упалѣ,
Кѣ ней очи нѣжныя и руки простирая;
Во нѣдрахѣ у нее дыша утѣшенѣ спалѣ:
Теперь спокоенѣ онѣ, не вопишѣ, мать лобзая.

Подобенѣ человекѣ младенцу ты во всемѣ:
Природы дѣйствіе ты смертью называешь.
Очисти ты себя въ невѣжествѣ швоемѣ,
Во смерти нѣжду мать природу обрѣшаешь!

Обранный человекѣ! познай ты въ жизни сей,
Что ты еси узникѣ нуждѣ, поверженный въ
(неволю.

Оковы снимешѣ смерть, и силою своею
Дашѣ чувствовашѣ тебѣ сей шлѣнной жизни
(долю.

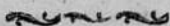

Свободу получивѣ и кѣ вѣчности прешедѣ,
Ты будешѣ просвѣщенѣ и Богѣ тебѣ явишѣся.
Гдѣ Богѣ присуствувешѣ, увидишѣ тамо свѣшѣ:
Чрезѣ смерть душа швая съ Творцемѣ соеди-
(нишѣся.

О Творче! въ мірѣ мы дхновеніемѣ Твоимѣ,
Живемѣ и движемся и чувствѣа получаемѣ;
Мы чувствуемѣ, коль щедрѣ ко чадамѣ Ты
(своимѣ,
Для блага шлѣнну жизнь Тобою мы кончаемѣ.

У древа листвіе колеблешъ тихій вѣтрѣ;
 Не дивна жизни сей, не дивна скоротечность:
 Такъ шлѣнна жизнь какъ листъ, душа какъ
 (твердый кедръ,
 Опъ шѣла ошдѣлясь чрезъ смерть, переходишь
 (въ вѣчность.

О слабый человекъ! недавно видѣлъ ты
 Кончающаго жизнь и зрѣлъ его спрданье:
 Се точно жизни сей и свѣща суеши,
 Кошорья влекушъ и слезы и рыданье!

Се муки дѣйствіе при самыхъ шѣхъ часахъ,
 Когда душа должна со шѣломъ разспавашься:
 Изнемогающа ты зрѣлъ на очесахъ,
 Хошящаго еще въ сей жизни оставашься.

Ты думалъ, смерть виной спрданію сему;
 Оплакивалъ его, жалѣлъ его кончину:
 Въ сей жизни горести напомнились ему,
 Прешящи въ вѣчности познашь его судьбину.

Источникъ слезъ его, спрданіе и спонъ,
 Не смерть была виной, ведуща насъ къ покою;
 Сей жизни горести позналъ при гробѣ онъ,
 Оставилъ шѣло духъ, немучимый шоскою.

Коль время съ быстрой намъ кажется ше-
 (четъ,
 Причина смерть сему; она насъ ушрашаешъ,
 И скорби мнишся смерть съ собою къ намъ
 (влечешъ;
 А шлѣнна жизнь сія и льшишъ и ушѣшаешъ.

Опомнись челѡвѣкѣ и смерти цѣну знай;
Обремененная нашура жизнью сею
Тебѣ вѣщаетъ шакѣ: не рвись, не унывай!
Ко благу перейду я смертію швоею.

Едва лишь день насалѣ, желаетъ челѡвѣкѣ
Другаго дня дожишь, и жизнью насладишься.
Ужасна смерть для насѣ; намѣ крашокѣ здѣшній
(вѣкѣ.
Не смѣемѣ вѣчностью, о Боже! мы и льспимъся.

Се ново зрѣлице, о смертный! видишь шы:
Воззри на шарость лѣшѣ, на скорби, на му-
(чене;е;
Представѣ болѣзни шы, и жизни суешы:
Черезъ смерть почувствуешь души увеселенье.

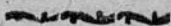
Лишенну шаростью и зрѣнія и сна,
Для услажденья чувствѣ намѣ даннаго судьбою;
Ужѣ шарцу болѣе жизнь вѣ свѣшѣ не лешна:
Хладѣетъ вѣ жилахѣ кровь, не чувствуетъ по-
(кою.

Тоска во всѣхѣ мѣстахѣ послѣдуетъ за нимѣ.
Разрушься бышіе, вѣ опчаяньѣ вѣщаетъ;
Мученіямѣ подай, о смерть! конецѣ моимѣ.
И болѣ смерть его уже не устрашаетъ.

Ошѣ жизни кѣ смерти насѣ спокойствіе зо-
(ветъ,
И вѣ жизни сей еще насѣ Богѣ пригошовляетъ,
Да вѣдаемѣ, куда по смерти духѣ идетъ.
Черезъ смерть познашь себя Творецѣ насѣ на-
(учаетъ.
Ска;

Скажи мнѣ, человекѣ, швой ужасѣ ошѣ чего,
Коль смершю пойдешъ шы въ вѣчное блажен-
(ство?)

Премудрѣй хочешъ бышь Творца шы своего,
Нашуры премѣнишь и цѣль и совершенство.

Когда бы менѣе ужасна смерть была,
Сей жизни бремя несть никшобѣ не согласился.
Не шлѣнность жизни сей, о смершныя! мила,
Ошавишь бы ее никшо не успрашился.

Но пушь сей перейши ошѣ жизни кѣ смер-
(ши намѣ,
Найдемѣ мы шрудныя и шпашныя преграды:
Гдѣ вѣчность предшюишь, мы видимѣ ужасѣ
(шамѣ.
Да продлишь Богѣ живощѣ! сей просимѣ мы
(награды.

Когдабѣ не милосердѣ вселенной былѣ Тво-
(рецѣ,
И муки вѣчныя желая наши зрѣши,
Сей жизнибѣ ошложилѣ назначенный конецѣ,
Да вѣчно шпращующій не могѣ бы умерети;

Вѣ душѣ различныя мученія имѣвѣ,
Страдалѣ бы человекѣ, шерзался повсечасно;
Конца не зря бѣдамѣ, о жизни не жалѣвѣ,
Во благо бы вмѣнялѣ, что нынѣ намѣ ужасно.

Колико щедръ Творецъ, познай, о человекъ!
 Дабы съ тобою могъ Онъ вѣчно примиришься.
 Устроилъ смерть тебѣ, и такъ Создатель рекъ:
 Чрезъ смерть твою чистый духъ со Мною со-
 (единишься.

Коль хочешь, смертный, ты спокойно жизнь
 (провести,
 Въ законъ твердымъ будь и ближнимъ покро-
 (вишь;
 Коварство прочь гони, обманъ и гнусну лещь;
 Ошечеству служи, будь бѣднымъ защитишь.

Устрой такъ жизнь твою: какъ придешь ты
 (къ концу,
 Да смерти бы твоя и мысль не успрашалась.
 Коль не былъ грѣшенъ ты, достигнешь ко
 (Творцу,
 Когда твоя душа спрасямъ не покаралась.

XII.

О дружбѣ.

О ты, души моей всегдашне утѣшенье,
 Пріятность жизни всей и сердца моего!
 О дружба! ты мой духъ приводишь въ восхи-
 (щенье:
 Ты драгоценнѣй мнѣ и сладостнѣй всего.

Какія бѣдствія менябѣ ни ошягчали,
 Я въ нѣдрахъ у тебя спокойствіе сыщу;
 Твои обѣщанія шоску бы облегчали:
 Я въ нихъ укроюся, не спражду, не грущу.

Весельи безъ тебя, забавы зряшя мершвы:
 Пріятношью своей шы жизнь всему даешь.
 Тебѣ душевныя воспламеняю жершвы;
 Ты чувшва сладости взаимно мнѣ ліешь.

При шаросши моеи, когда вся кровь хладѣешѣ,
 Когда ужѣ бѣлый снѣгѣ покрылѣ мою главу,
 Единая она душой моеи владѣешѣ;
 Плѣняясь дружбою, се всегда зову.

Она мой вѣкѣ во лѣшо обращаешѣ,
 Сѣ Бореемѣ спорѣ ведешѣ, сѣ снѣгами и сѣ
 (дождемѣ;
 Невинной рѣзвостью мнѣ младость возвращаешѣ;
 Я шарость чшу мою весеннимѣ краснымѣ днемѣ.

О дружба! шы всего пріятнѣе во свѣшѣ,
 Нужнѣе всѣкѣ богашшвѣ и скипшровѣ и ко-
 (ронѣ;
 Мои сокровищи я чшу въ швоемѣ совѣшѣ:
 Ты въ сердцѣ у меня всегда обрящешѣ шронѣ.

XIII.

Э К Л О Г А

Изъ Виргилія.

Коръ Сицилійскихъ Музъ! пой важныя дѣла;
 Не вѣмъ кушарникъ милъ, пріятны вѣшви понки.
 Свирѣльми хвалишь лѣсъ, не вознося гласъ громки;
 Но щись, чтобъ Консула достойна пѣнь была.
 Что намъ Кумейская Сивилла предсказала,
 Того событіе увидитъ векоръ свѣтъ.
 Вновь начинаеши великій кругъ планетъ;
 Сашурновъ вѣкъ пришелъ и правда возсіяла,
 Нисходитъ новый Богъ опъ горней вышны;
 При немъ свирѣный родъ и гордость испребится,
 Повсюду мирный родъ съ покоемъ воцарится.
 Присутствуй въ рождествѣ его, Людина! ты.
 И такъ воининну, любезный Полліонъ!
 При Консульствѣ швомъ сей хвалыный мужъ встанетъ,
 Во честь злыхъ временъ его цвѣтъ не увянетъ.
 Возри, швой царствуетъ премудрый Аполлонъ!
 Жестокости слѣды, что въ насъ по нынѣ зряшя,
 Тобой испреблены пребудутъ навсегда.
 Не возстанетъ земля, свободна опъ вреда;
 Народа наглости во вѣкъ не убоится.
 Приметъ Аполлонъ небесный жребій свой:
 Съ полубогами шамъ, какъ полубогъ велиится,
 И межъ героями героемъ самъ явился,
 И опчей храбростью управитъ кругъ земной.
 Тебѣ, о красное дитя, дитя драгое!
 Извитый бѣлый плющъ самъ всюду возрастетъ;
 Цвѣтущъ Акантъ съ плодомъ Египта принесетъ
 Во первый даръ тебѣ вездѣ лице земное.
 Сосцы, исполнены цблительными млекомъ,
 Стада козъ принесутъ въ свой дѣмъ со паствы тучной;
 Не спрашны будутъ львы въ сей вѣкъ благополучной
 Предъ всемъ въ пржеадности пасущимся скотомъ.

Украсится швоя вся колыбель цвѣтами,
 Погибнетъ змѣй и съ нимъ справа, лююща ядѣ,
 Амомъ, копорой намъ даетъ Ассирскій садъ,
 Со изобиліемъ самъ возрастешъ межъ нами.
 Но ты когда уже достигнешъ оныхъ лѣтъ,
 Что можешь честь хвалы прославленныхъ героевъ,
 И храбрыхъ опческихъ дивисься грому боевъ:
 То нѣжный класъ уже на нивахъ разцвѣстетъ.
 Колюче шерніе, или волчецъ жестокой,
 Намъ спѣлый виноградъ являтъ предъ очеса;
 И самы твердые дубовы дребеса
 Какъ росу изліютъ пріятна меда шои.
 Однако не совсѣмъ минетъ желѣзный вѣкъ:
 Еще обременимъ Непшуна кораблями,
 И грады ушвердимъ отъ наглыхъ войскъ спѣнами;
 Пойдетъ еще въ поля со плугомъ человекъ,
 И въ наши времена другой Тифисъ явится,
 Другаго узримъ мы Аргоса на волнахъ,
 Возникнетъ нова брань, несуща плачь и страхъ,
 И новый Ахиллесъ на Трою устремится.
 По семъ, когда уже какъ мужъ явится намъ,
 Корабль не понесетъ напастей ежечасныхъ;
 Не нуженъ будетъ путь пловцу средь волнъ опасныхъ;
 Обиліе всего по всѣмъ найдемъ странамъ.
 Почіетъ плугъ и серпъ и всѣ поля спокойны,
 Сохъ истечитъ безъ всѣхъ намъ виноградъ трудовъ,
 И ратай отъ ярма освободишь воловъ,
 Отъ шягести труда во дни спокоенъ знойны.
 Руну искусствомъ дашь не нужно ложный цвѣтъ;
 Но овцы на лугахъ, въ долинахъ упитанны,
 Шерсть премѣняшъ во цвѣтъ багряный, въ цвѣтъ
 (шафранный,
 Безъ нашихъ Сандиксъ рукъ всѣхъ агнцовъ облечетъ.
 Се Парки . царствуя надъ жизнію и рокомъ,
 Со властію рекли: Гряди, о вѣкъ златой!
 Приблизшесь дни оспрадъ, въ путь устремляясь свой,
 И обрацайтесь въ печеніи широкомъ.

Но ты, любезное изчадіе боговъ!
 Чрезъ ты умкожилось Юпитерово племя!
 Уже тебѣ, уже приближилось время,
 Пріять и власть и честь и Божескій покровъ!
 Воззри, всесвѣшная колеблется громада,
 Морская глубина, земля и небеса;
 Всей швари радостной взозри на очеса,
 Что вѣкъ грядетъ златой, желанна ей отрада,
 О естлибѣ столь меня Парнасскій быспрый духъ
 Возмогъ живешворить и вѣ старосши согбенной,
 Чтобѣ славу дѣлѣ швоихъ и громъ вѣ концы вселен-
 (ной

Я могъ устами нести, ябля смерстный слухъ!
 Тогда бы Линусъ, сынъ священна Аполлона,
 И Каллиоппинъ сынъ, божественный Орфей,
 Свой стихъ унизили предъ лирою моею,
 Хотябѣ духъ рождшихъ былъ содѣйствіемъ ихъ пона.
 И естлибѣ Панъ хотѣлъ ошнать вѣ епикахъ мнѣ
 (честь,

Избравъ Аркадію вѣ семѣ спорѣ судією,
 Конечнубѣ оправданъ и предпочтенъ былъ ею,
 Что лучше пѣть могу и славу дѣлѣ вознести.
 Дитя! усмѣшкою познай себя родившихъ.
 Рогашою была вѣ двашдцатый крапъ луна,
 И десять ровно крапъ являлася полна:
 Ты былъ всегда виной печалей рождшей бывшихъ;
 Познай ее теперь, познай чрезъ сладкій смѣхъ!
 Кто не являлъ смѣховъ, смотря на рождшу лестныхъ,
 Тотъ пици былъ лишенъ сожигелей небесныхъ,
 Вѣ объятіяхъ богинь шотъ не вкушалъ ушѣхъ.

XIV.

Эпименидъ.

Веопомпъ и другіе съ нимъ говорящъ , что *Эпименидъ* былъ сынъ *Вестія* ; иные объявляющъ , что у него былъ отецъ *Дозій* ; а другіе повѣствуютъ , что онъ сынъ *Агезарка*. Родомъ былъ онъ изъ Криша и рожденъ въ Гноссъ ; но какъ не спригъ волосовъ на своей головѣ , шо и не походилъ на обывашелей сея земли. Нѣкогда отецъ послалъ его на поле , дабы онъ пригналъ къ нему овцу ; но онъ , заблудившись въ полдень , зашелъ въ пещеру , уснулъ въ оной и спалъ чрезъ цѣлыя 5 лѣтъ. По своемъ ошъ сна пробужденіи искалъ онъ шой овцы , думая , что онъ шокмо малое ошдыхалъ время ; но не нашедъ оной , возвратился въ поле. Тутъ въ великое пришелъ удивленіе , увидя во всемъ шоликую перемѣну. Приѣхавъ въ деревню , пошелъ онъ прямою дорогою въ домъ ошца своего ; но пришедши не обрѣлъ его шамо , и чрезмѣрно удивился , когда его спросили , кшо онъ шаковъ ? Наконецъ съ трудомъ могъ его распознать родной братъ его , которой уже сосшарѣлся и изъ коего рѣчей позналъ онъ всю истинну.

Впрочемъ шоликая слава въ Греціи о немъ распространилась , что всѣ думали , будшо бы небо особенно ему благопріятшшвуешъ. Въ семъ мнѣніи Аѣиняне , моровымъ повѣшріемъ изнуряемые , по ошвѣщанію Оракула , кошорой прорицалъ , что городъ надлежало очистишь , послали *Никія* , сына *Никерата* , въ Кришъ ,

Кришѣ, дабы онѣ привелѣ въ Аѣины *Элименида*, кошорой, ошправившись шуда на XLVI Олимпіадѣ, очисшилѣ городѣ и пресѣкѣ язву. Въ семѣ случаѣ поступилѣ онѣ шакѣ: набравши бѣлыхѣ и черныхѣ овецѣ, пригналѣ ихѣ къ главному судилищу (*Arion ragum*), ошкуда пушилѣ ихѣ бѣжашѣ по волѣ, и приказалѣ слѣдовавшимѣ за оными принесѣ сихѣ самыхѣ овецѣ въ жершву божествамѣ шѣхѣ мѣстѣ, на коихѣ онѣ остановятся; и шакимѣ образомѣ пресѣклошѣ моровое повѣшрїе. За подлинно извѣшно, что во всѣхѣ Аѣинскихѣ городахѣ обрѣшашюшя и по нынѣ жершвенники безѣ имени шого божества, кошорому въ честь они воздвигнушы; а сіи - шо самые и поставлены въ воспоминанїе оныхѣ очисшительныхѣ жершвѣ. Нѣкошорые ушверждаюшѣ, что причиною сея язвы было пресшупленїе, *Килономѣ* учиненное, упоминая о образѣ, коимѣ онѣ лишенѣ былѣ жизни (*). Они еще присовокунялюшѣ, что смертѣ двухѣ юношей, *Кратина* и *Ктесивоїа*, прекратила сіе бѣдшвіе. Аѣиняне въ благодарношѣ за оказанную *Элименидомѣ* имѣ услугу, желали принесѣ ему въ дарѣ одинѣ шаланшѣ, и предлагали ему кошоромѣ бы онѣ могѣ ошправиться въ Кришѣ; но онѣ ничего не привялѣ, и ошѣ нихѣ инаго не шребовалѣ, кромѣ шого, чтошобы они жили въ союзѣ сѣ жишелями Гносса. Не много спустя послѣ

(*) Ибо Килонѣ былѣ буншовщикѣ, кошорой насильно ошшоргниушѣ ошѣ жершвенника Евменидова, къ коему онѣ свое прибѣжище имѣлѣ.

своего отсюда возвращенія, умеръ онъ на 157 году отъ своего рожденія, по мнѣнію *Флегонта*, въ книгѣ, подѣ заглавіемъ о *долголѣтнихъ*. Его соотчичи говорятъ, что онъ жилъ 299 лѣтъ; а *Ксенофонтъ* изъ Колофи объявляетъ, будто бы слухъ носился, что онъ умеръ на 154 году.

Эпименидъ издалъ въ свѣтъ слѣдующее: Родословіе Куришовъ и Кориѳаншовъ, описаніе происхожденія боговъ въ 5000 стихахъ; 6500 стиховъ о строеніи корабля Аргонавтовъ и о путешествіи *Язона* въ Колхиду; рѣчь въ прозѣ, сочиненную о жершвахъ и о Кришской республикѣ; и напоследокъ одно стихотворное сочиненіе, изъ 4000 стиховъ состоящее, касающееся до *Миной* и *Радаманта*. *Лобонъ* Аргосскій въ своей книгѣ о *стихотворцахъ* повѣствуетъ, что онъ воздвигнулъ въ Аѳинахъ храмъ въ честь *Эпименидоу*. Нѣкоторые думали также, что онъ первый очистилъ дома и поля отъ проказы, и первый началъ возвышать храмы. Иные уповаютъ, будто бы онъ въ то время, въ которое, по мнѣнію другихъ, шоль долго спалъ, скишался и бродилъ повсюду для испытанія добродѣтели простолюдимовъ. Имѣется еще одно письмо, которое онъ написалъ къ законодавцу *Солону* о образѣ правленія, которой *Миной* Кришянамъ предписалъ; но *Димитрій* изъ Магnezіи въ книгѣ своей о *стихотворцахъ* и *писателяхъ*, *одинакопыя* имена *имѣвшихъ*, тщательнo доказываетъ, что оно въ новѣйшія писано времена, и что *Эпи-*

менидѣ въ писаніи свасмѣ не подражалъ Кри-
стянамъ, но что въ его сочиненіяхъ примѣ-
чающа нѣкошорыя ашшическія, да припомѣ
и новѣйшія изреченія. Мнѣ сообщено дру-
гое сочиненное имѣ ошмѣнное ошѣ вышепо-
мянутаго письмо:

Эпименидѣ къ Солону.

„Не унывай, другѣ мой, но бодрствуй
духомъ. Ешълибѣ *Пизистратѣ* покорила
власти своей народѣ, приобыкшій къ рабству
и неимѣющій благоучрежденныхъ законовъ,
то онѣ чрезѣ долгое время могѣ бы прави-
тельствовашъ; но онѣ напрошивѣ шого по-
рабошилѣ храбрыхѣ людей, кои, сохраняя на-
всегда швердо въ памяти предписанія *Солона*,
со шпыдомѣ воспоминающѣ о прежней своей
вольности и горчайше оную оплакивающѣ. Та-
ковой народѣ не будетѣ терѣливо сносишъ
власти сей, да и самѣ *Пизистратѣ*, хошя
нынѣ и начальникѣ города, не предастѣ, какѣ
думаю, сего правленія своимѣ дѣшамѣ; ибо
весьма шрудно учинитѣ, чтообы люди, всегда
вольностию наслаждавшіеся и къ преизящнымѣ
законамѣ приобыкшіе, долгое время пребывали
невольниками и рабами. Что же до тебя касаешъ-
ся, когда швои общошельства не позволя-
ющѣ тебе изѣ одного мѣста переходитѣ на
другое, то приѣзжай въ Кришѣ, гдѣ тебе ни-
какого насилія учинено не будетѣ; ибо ешъ-
ли шы попадешъся въ руки соучастниковѣ *Пи-
зистрата*, то ошѣ шого нѣкошорое неща-
стіе для тебя произойши можешѣ.

Димитрій говоритъ, что нѣкоторые повѣствуютъ, будто бы *Эпименидъ* получалъ отъ *Нимфъ* пищу, которую храня въ бычачьемъ копытѣ, помалу оною пользовался; что естество никогда въ немъ обыкновенной своей должности не опправляло, и что никто не видывалъ, чтобы онъ упошреблялъ какую нибудь божеству. *Тимонъ* говоритъ также о семъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Нѣкоторые объявляютъ, что Кристьяне его боготворили и приносили ему жершвы, и при томъ сказываютъ, будто бы онъ могъ предвидѣть будущее; ибо, воззря на *Мунихію*, городъ и пристань въ *Ашпикъ*, вѣщалъ *Аеинянамъ*, что они не вѣдаютъ, колико имъ зла причинитъ сіе мѣсто, и что еслилибъ знали оное, то бы его въ концѣ раззорили. Сіе предвѣщалъ онъ имъ гораздо прежде приключившагося попомъ въ ономъ произшествія. Еще повѣствуютъ, что онъ первой принялъ на себя названіе *Зака*; онъ предсказалъ *Лакедемонянамъ*, что они будутъ порабожены *Аркадянами*, и объявлялъ о себѣ, что онъ воскресалъ неоднократно изъ мертвыхъ. *Веопомпъ* въ книгѣ своей о пещахъ удивительныхъ говоритъ, что когда онъ строилъ храмъ въ честь *Нимфъ*, то нѣкоторой небесной гласъ вѣщалъ ему: *Эпименидъ! не Нимфамъ посвящай храмъ сей, но Юпитеру.* Онъ предсказалъ также *Кристьянамъ*, какой успѣхъ война между *Лакедемонянами* и *Аркадянами* имѣть будетъ, а имянно, что первые будутъ побѣждены, какъ что и случилось

лось неподалеку отъ Орхомена. *Феопомпъ* подтверждаетъ слова нѣкоторыхъ, будто бы *Эпименидъ* соспарълся въ столько дней, сколько лѣтъ онъ опочивалъ. Мироніанъ въ своей книгѣ, подъ заглавіемъ о *подобіяхъ*, объявляетъ, что Кришяне называли его Курепомъ; а *Созипъ* Лакедемонянинъ говоритъ, что Карѳагеняне, по повелѣнію Оракула, сохраняли его шло. Сверхъ сего *Эпименида* были еще два другіе: одинъ писашель родословій, а другой историкъ и сочинитель Родосской исторіи.

 XV.

Аристиппъ.

Аристиппъ былъ родомъ *Циринянинъ*. *Есхинъ* объявляетъ, что онъ прибылъ въ Аѳины по той причинѣ, что *Сократъ* въ оныхъ прославился. По мнѣнію *Фанія* изъ *Ерезы*, философа *Перипатетическаго* шолку, *Аристиппъ* спалъ первой обучашъ изъ корысти, и первой шребовалъ плашы отъ учениковъ своихъ. Единожды, когда онъ послалъ 20 сребряниковъ къ своему учителю, то сей отослалъ ему назадъ оныя съ такимъ отшвѣномъ, что Богъ *Сократа* не дозволяетъ ему принимашъ деньги; что не весьма понравилось *Аристиппу*. *Ксенофонтъ* былъ врачъ *Аристиппу*, и онъ особливо по сей къ нему ненависти издалъ въ свѣшъ книгу прошивъ роскоши, въ коей *Аристиппъ* былъ ея защитникъ, а *Сократъ* судью въ ихъ спорѣ. *Фео-*

доръ также поносишь его въ своей книгѣ о Сексахъ, а *Платонъ* въ своемъ сочиненіи не менѣе другихъ его оуждаешь.

Аристиппъ былъ такого сложенія, что умѣлъ принаравливаясь къ мѣстамъ, времени, обстоятельству и способности человека; онъ обходился со всѣми людьми такъ, какъ ихъ нравамъ прилично; и для сей причины весьма много нравился *Денису*, посліку онъ, когда имѣлъ случай, то бывалъ веселъ, то и безъ веселія легко обойсися могъ, когда шому такъ бышь надлежало. *Диогенъ* называлъ его *Царскою собакою*. *Тимонъ* весьма чувствительно ругается его жадности, говоря такъ: *На подобіе сластолюбиваго Аристиппа, которой изъ единого прикосновенія можетъ отличить праведное отъ ложнаго*. Сказывающъ, что онъ нѣкогда приказалъ себѣ купишь куропашку за 50 драхмъ, и когда нѣкто выговаривалъ ему, что онъ весьма дорого плащешь, то онъ сказалъ: Я клянусь небомъ, что вы и ни единой полушки за оную не заплашите. И когда припомъ шотъ сказалъ, что конечно и ни единой не дамъ полушки, тогда *Аристиппъ* вѣщалъ ему: А я никакого различія въ цѣнѣ денегъ не полагаю. — Нѣкогда приказалъ *Денисъ* привести предъ него трехъ наложницъ, и повелѣлъ ему избрать для себя ту, которая ему наиболѣе нравится. Но *Аристиппъ* всѣхъ трехъ при себѣ оставилъ, говоря, что *Парисъ* не много имѣлъ щастія въ своемъ выборѣ, когда онъ одну женщину предпочелъ про-

прочимъ. Потомъ повелъ онъ сихъ женщинъ къ себѣ въ домъ, и остановившись у воротъ онаго, отпустилъ ихъ отъ себя. Столь было для него легко вдругъ полюбить и немедленно отъ страха своей излечиться! Утверждающъ, что *Стратонъ*, или по мнѣнію другихъ *Платонъ* ему сказалъ, что изъ всѣхъ философовъ ему одному шокмо прилично носить верхнее хорошее, а исподнее худое и разодранное плащъ. Когда *Денисъ* заплевалъ ему лицо, то онъ снесъ сіе безъ ропшанія, и удивляющимся его равнодушію сказалъ: *Рыбаки часто бродятъ въ морской подѣ, дабы достать себѣ худую рыбу; а мнѣ для чего не стерпѣть, что лицо мое заплечано, когда я желаю поймать хита?* Нѣкогда *Диогенъ*, очищая въ водѣ травы, сказалъ мимоидущему *Аристиппу* въ укоризну слѣдующее: *Естьлибъ ты научился пріугошовляшь себѣ пищу, то бы ты не имѣлъ нужды жить при Дворѣ тиранновъ. А ты, отвѣчалъ *Аристиппъ*, естьлибъ зналъ, какъ съ людьми обходишься должно, то бы не находилъ удовольствія въ чищеніи огородныхъ травъ. Онъ былъ вопрошенъ, какую получаешь пользу изъ философіи? Ту, отвѣчалъ, чтобы я могъ съ каждымъ человѣкомъ разговаривать съ благоприснойностію. Услыша нѣкогда, что его поносятъ въ шомъ, что онъ живетъ весьма пышно и великолѣпно, сказалъ: *Естьлибъ сіе было безчестное дѣло, то оно не было бы въ употребленіи въ торжественные праздники.* Что въ философахъ отъ прочихъ лю-*

дей опмѣннаго? спросили его. То опмѣнно, сказалъ онъ, что хопябъ и всѣ законы были уничпожены, то ихъ поступокъ и погдабъ былъ непремѣненъ. За чемъ философы, спросилъ его *Денисъ*, ищущъ покровительсва у богатыхъ, а не богатые у философовъ? Для того, опвѣчалъ *Аристиппъ*, что сіи знаютъ, въ комъ они имѣющъ нужду; а шъ не вѣдающъ, кто имъ пошребенъ.

Какое различіе, спросили его также, между людьми знающими и невѣжами? Такое, сказалъ онъ въ опвѣщъ, какое между смиренными и неукрошенными лошадьми. Нѣкогда вошедъ въ покой одной безчесной женщины, увидѣлъ, что шощъ, кошорой его провожалъ, началъ спыдирься и краснѣшь: тогда *Аристиппъ* вѣщаль ему: Входишь въ зараженное роскошью мѣсто совсѣмъ не спыдно, но поносно къ оному прилбняясь. Нѣкто, предложивъ ему загадку, понуждалъ его неопшпунно, дабы онъ рѣшилъ оную: Глупецъ! сказалъ онъ тогда ему, како возможно мнѣ опгадашь шакую вещь, кошорая сплешена безъ малѣйшаго смысла? Онъ думалъ, что бѣднось предпочшисельнѣе незнанія; посліку оная не иное что ешь, какъ шокмо лишеніе богатствъ, а сіе недоспашокъ въ разумнїи означаешъ. Когда его нѣкто спалъ ругашъ, то онъ побѣжалъ опъ него прочъ; и когда сей человекъ спросилъ его, для чего онъ бѣжипъ, то онъ опвѣчалъ ему: Для того, что шы имѣешъ право меня ругашъ, а въ моеи власши сосшоипъ себя не слушаешъ. Другой
нѣ-

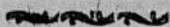
нѣкто началъ поносить тѣхъ философовъ, кои безпрестанно живутъ при Дворахъ вельможей, тогда *Аристиппъ* сказалъ ему: Врачи непрестанно около больныхъ обращаются, однако никто не желаетъ лучше потерять свое здравіе, нежели излечиться отъ болѣзни. Когда онъ ѣхалъ на корабль въ Коринѣ, то при возставшей бурѣ чрезмѣрно смутился, на что нѣкто ему сказалъ: Мы бѣдные хотя и незнающими людьми почищаемся, но не спрашимся кораблекрушенія; а вы, философы, вы трепещете при малѣйшей приближающейся опасности! Сіе отъ того происходишь, сказалъ онъ ему въ отвѣтъ, что намъ не одинакую жизнь сохранять должно. Другой нѣкто хвасталъ, будто бы онъ многому обучался: тогда *Аристиппъ* ему отвѣчалъ: Когда тѣ, кои ѣдятъ съ жадностію, и кои частое тѣлесное дѣлають упражненіе, не въ лучшемъ обрѣщаются здравіи, нежели тѣ, кои живутъ и пищу употребляютъ умеренно: то равнымъ образомъ не должно почитать разумными тѣхъ, кои множеству книгъ прочитали; но тѣхъ только, кои прилѣпились къ чтенію полезныхъ книгъ. Нѣкошорой вишія, вспомоществуя ему въ одной веденной имъ тяжбѣ, спросилъ его, какую имѣетъ онъ пользу отъ наставленій *Сократовыхъ*? Таковую, отвѣчалъ онъ, чтобы я могъ себя понудить, дабы ты говорилъ истинну въ той рѣчи, кошорую для защищенія моего въ судѣ произносишь.

Онѣ внушалѣ высокопарныя мысли въ свою дочь *Арету*, и научалѣ ея презирашѣ всѣ прихоти. Нѣкоторой ошецѣ спросилѣ его, какую пользу можешѣ получитьь его сынѣ ошѣ изученія науки? Естли оно не будешѣ приносить ему иной какой пользы, ошвѣчалѣ *Аристиппѣ*, шо по крайней мѣрѣ будешѣ онѣ имѣшѣ столько разсужденія, что не спанешѣ сидѣшѣ въ театрѣ какѣ камень. Когда ему нѣкто представилѣ своего сына, шо сей философѣ съ него потребовалѣ за его изученіе 500 драхмѣ, и когда ошецѣ ему сказалѣ: мнѣ и невольникѣ будешѣ стоишѣ дешевле: тогда *Аристиппѣ* ему ошвѣчалѣ: Купи, купи невольника; ты за оныя деньги получишѣ двухѣ вмѣсто одного. Онѣ говаривалѣ, что онѣ беретѣ деньги со своихѣ друзей не для своего прибышка, но для шога, чтобы они научилысь употребляшѣ оныя полезно. Нѣкоторые упрекали ему, что онѣ для защищенія своея шяжки принужденѣ былѣ прибѣгнушѣ къ орашору. За чемѣ же мнѣ сего не дѣлать? сказалѣ онѣ имѣ вопреки; развѣ я не нанимаю повара для приутошвленія себѣ пици? Нѣкогда *Денисѣ* понуждалѣ его говорить о философи, но *Аристиппѣ* ему сказалѣ: Мнѣ весьма смѣшно кажешѣ, что вы шребуешѣ ошѣ меня разсужденія, и предписываешѣ время, когда мнѣ разсуждашѣ должно. Тогда *Денисѣ*, вознегодовавшій на сей ошвѣшѣ, приказалѣ ему сѣстѣ на самой конецѣ стола. Конечно, вѣщалѣ *Аристиппѣ*, вздумали вы почшишѣ сіе мѣсто. Нѣкто хвасшалѣ, будшо бы онѣ искусно пла-

плавать умѣешь, но онъ опровергнулъ его пусшукъ славу, вопрошая его, не стыдно ли ему въ легкости уподобляться рыбамъ? Другой спросилъ его, въ чемъ мудрецъ различаетъ отъ безумнаго? Пошлише обоихъ ихъ, сказалъ онъ, нагихъ къ шѣмъ, кои ихъ не знаютъ, по шѣ объявлять вамъ, какое между ими различіе. Нѣкто пьяница похвалялся, что онъ можетъ нишъ много не упиваясь: Да и лошакъ шоже дѣлаешь, отвѣчалъ ему *Аристиппъ*. Спровѣдавъ, что его безславяшь въ томъ, что онъ, будучи ученикъ *Сократъ*, имѣешь споль корысполобивый духъ, сказалъ: Я имѣю право требовать плашы отъ моихъ учениковъ; правда, что *Сократъ* не много издерживалъ на собшвенныя свои нужды приносимые ему въ даръ отъ друзей сбѣспыныя припасы и вина, и что онъ излишнее назадъ отсылалъ, но начальники въ *Афинахъ* ему вспомоществовали и снабжали его всемъ нужнымъ; а у меня нѣшъ никого, кромѣ единого раба *Ептихида*; да и сей принадлежишь мнѣ шокмо пошому, что я его купилъ. *Соціонъ* во II книгѣ о *наслѣдствахъ* объявляетъ, что онъ содержалъ на своемъ иждивеніи одну наложницу *Лансу*. Когда ему смѣялись въ разсужденіи сего дѣла, шо онъ сказалъ: Правда, я соержу *Лансу*, но я самъ не одержимъ ея прелесшями; а сіе похвально, когда я могу воспровивишься чувспшвеннымъ забавамъ, да пришомъ шакъ, что увтселенія вовсе не покидаю. Онъ заградилъ уста одного челошѣка, упрекающаго

ему

ему въ шомъ, что онъ любитъ пиршества, говоря ему: Я знаю, что ты за оныя не дашь и шрехъ полушекъ. Конечно не дамъ, отвѣчалъ шомъ. Ну когда шакъ, вѣщаль *Аристиппъ*, шо признайся, что я менѣе обжорливъ, нежели ты, скупъ. Когда *Симъ*, казначей *Дениса*, человекъ весьма злонаправной и родомъ Фригiянинъ, показывалъ ему богатые домашнiе свои уборы и покои: шогда *Аристиппъ* заплавалъ ему лице; и когда казначей на сiе прогнѣвался, шо сей философъ ему сказалъ: Извинише меня, я не нашелъ инаго мѣста, куда бы мнѣ приличнѣе плюнуть можно было. *Харондъ*, или по мнѣнiю другихъ *Федонъ*, спросилъ его, кто суть шѣ, кои упошребляють мази? Я, отвѣчалъ онъ, да еще Персидскiй Шахъ; но сей еще въ жалоснѣйшемъ, нежели я, находишься состоянiи. Впрочемъ подумайше, что есть и шакiе люди, равно какъ и живолшныя, кои ничто не шеряють чрезъ мази. Но горе шѣмъ нечисшымъ людямъ, кои мечшають, будшо бы мы благовошiями шѣлеса свои вызываемъ. Нѣкто, желая знашь, какою смершiю *Сократъ* умеръ, просилъ его, дабы онъ ему объ оной возвѣшилъ; но *Аристиппъ* сказалъ ему: Дай Боже, чтобы и я шакой конецъ, какъ онъ, имѣлъ!

Поликсенъ софистъ, вошедъ нѣкогда къ нему въ покой, нашелъ у него бесѣду, изъ женщинъ, великолѣпно убранныхъ, состоящую, и увидя сверхъ шого преславное пиршество, началъ поносить и ругать людей, роскоши

преданныхъ. *Аристиппъ*, слушая его нѣсколь-
ко времени, вдругъ прервалъ рѣчь его, вопро-
шая, не желаешь ли онъ бытъ участникомъ
въ ономъ пиршествѣ? И когда *Поликсень* на
сіе согласился, то онъ ему сказалъ: На что
же ты столько негодуешь? Или ты пирше-
ство само по себѣ похваляешь, а поносишь
шокмо употребленное на оное иждивеніе? Въ
книгѣ, *Віономъ* сочиненной, подѣ заглавіемъ о
упражненіяхъ, повѣспвуется, что когда онъ
находился на пуши, то повелѣлъ своему слу-
гѣ отбросить нѣкопорую часть имѣвшихся
при немъ денегъ, а оставилъ шокмо, сколь-
ко онъ способно нести можетъ. Въ другое
время, когда онъ ѣхалъ по морю, и увидя,
что корабль неопмѣнно доспанется въ до-
бычу морскимъ разбойникамъ, перецѣпавъ съ
торопливостію свои деньги, опустилъ оныя
въ воду, оплакивая свое какъ бы случайное
злополучіе. Другіе объявляютъ, будто бы
онъ сказалъ: пускай лучше деньги погибнутъ
за *Аристиппа*, нежели *Аристиппъ* за день-
ги. Когда *Денисъ* спросилъ его, почему онъ
къ его двору пріѣхалъ, то онъ сказалъ: Я
пріѣхалъ для того, чтобы вамъ удѣлилъ ошъ
того, что я имѣю, и чтобы вы мнѣ удѣли-
ли ошъ того, что у васъ имѣется и въ
чемъ у меня недоспашокъ. Другіе говорятъ,
будто бы онъ вмѣсто сего ошвѣща сказалъ
сіе: Когда для меня потребны были науки,
то я прибѣгалъ къ *Сократу*; а нынѣ, когда
я имѣю нужду въ деньгахъ, то пришекаю
подѣ ваше покровительство. Людей весьма

много поносилъ онъ въ шомъ, что они при публичныхъ продажахъ внимательнѣе разсматриваютъ тѣ вещи, кои купитъ намѣрены; а что на шѣхъ, съ коими они хожатъ вслухъ въ союзъ, безприсрашно взираютъ, не вникая въ ихъ поведенія. Другіе приписываютъ сіе разсужденіе *Диогену*. Когда *Денисъ* сдѣлалъ пиршество, то приказалъ всѣмъ гостямъ своимъ плясать въ червленой одеждѣ. Тогда *Платонъ* отрицался отъ сего, говоря, что ему не прилично принимать на себя женской видѣ; напрошивъ того *Аристиппъ*, одѣвшись въ оное плащье, плясалъ, говоря, что цѣломудріе во время Бахусовыхъ празднествъ во вѣкъ ущербу имѣть не можеть. У него былъ одинъ другъ, для коего онъ просилъ у Тиранна милосши; но какъ не могъ получить желаемого, то вдругъ бросился къ ногамъ Тиранна. Когда же ему выговаривали, что онъ шоль себя унижаетъ, то онъ сказалъ: Я въ семъ не виноватъ, но виновенъ *Денисъ*, у котораго уши въ ногахъ. *Аристиппъ* жилъ нѣкошорое время въ Азіи, когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ *Артаферномъ*, правителемъ шоя провинціи. Нѣкто спросилъ его, будеть ли онъ послѣ сего нещасія сохраненъ отъ другихъ напастей? Не думайте обо мнѣ шакъ, сказалъ онъ; ибо я шеперь большую швердосъ духа и довѣренносъ имѣю, когда мнѣ надлежитъ говорить съ *Артаферномъ*. Онъ сравнивалъ шѣхъ людей, кои не хожатъ учиться изящнымъ наукамъ и присоединяетъ оныя къ философіи, съ обожашелями *Пенелопы*,

кои надѣялись съ большею удобносшію овладѣшь сердцемъ *Меланѳы*, *Полидоры* и другихъ служительницъ, нежели вступишь въ супружество съ *Пенелопею*, ихъ госпожею. Сказывающъ, что онъ подобнымъ образомъ разговаривалъ съ *Аристою*, объявляя, что когда *Улиссъ* снизшелъ во адъ, то имѣлъ въ ономъ переговоры со всѣми умершими; что же касается до ихъ Царицы, то ему совсѣмъ не удалось съ нею повидаться. Вопросыли его, что почишаешъ онъ нужнѣйшимъ для изученія молодымъ людямъ? Такія вещи, говорилъ онъ, кои могутъ быть имъ полезны, когда они мужескихъ лѣтъ достигнутъ. Другой выговаривалъ ему въ томъ, что онъ изъ школы *Сократа* поѣхалъ ко Дворцу *Сиракузскаго* Тиранна. Когда я имѣю нужду въ наставленіяхъ, сказалъ онъ, то бываю съ *Сократомъ*; а когда для меня пошребно ошдохновеніе, то я хожу къ *Денису*. Когда онъ возвратился въ *Аѳины* съ довольнымъ числомъ денегъ, то спросилъ его *Сократъ*: ошкуда ты все сіе получилъ? А ты, ошвѣпствовавъ *Аристиппъ*, ошкуда получилъ то малое число, которое при себѣ имѣешь? Нѣкошорая непостоянной жизни женщина обвиняла его, будто бы она ошъ него беременнашала; но онъ ей сказалъ: Ты въ семъ дѣлѣ шполь мало свѣдома, какъ бы, ешшлибъ прошедъ сквозь шерновой кустарникъ, захошѣла меня увѣрять, что такавая-то спица шебя уколола. Когда нѣкто упрекалъ ему, что онъ покидаешъ своего сына, какъ будто бы

онѣ совсѣмъ не его овецъ ; по онѣ отвѣт-
 ствовалъ : Хошя мокрошы и прилипчивыя бо-
 лѣзни въ нашихъ шѣлахъ зараждающя ; но
 мы, не смотря на шо, ихъ отбрасываемъ отъ
 себя. Когда онѣ былъ вопрошенъ , за что
Денисъ на него прогнѣвался , по отвѣчалъ :
 За шо , въ чемъ весь свѣшъ имѣ недоволенъ.
 Нѣкогда просилъ онѣ у сего Тиранна денегъ ,
 но *Денисъ* принуждалъ его , дабы онѣ при-
 знался , что мудрецъ въ деньгахъ нужды не
 имѣшъ , и хошѣлъ чрезъ шо надъ нимъ по-
 смѣяться. На сіе *Аристиппъ* ему говорилъ :
 Давайше мнѣ почаше денегъ , а потомъ мы и
 рѣшимъ сей вопросъ. По сихъ словахъ *Денисъ*
 далъ ему нѣскольکو монетъ : Ну шеперь , въ-
 щалъ сей философъ , я больше нужды въ день-
 гахъ не имѣю. *Денисъ* сказалъ ему вѣкогда ,
 что шотъ , кто часное имѣетъ съ Тиранномъ
 обращеніе , изъ вольнаго человекъ сдѣлаешся не-
 вольникомъ. Никакъ нѣшъ , отвѣтствовалъ
 ему *Аристиппъ* ; ешлы онѣ пришелъ воль-
 нымъ , по и не перемѣняешъ своего состоя-
 нія. *Диаклесъ* въ книгѣ своей *жизни филосо-
 фовъ* приписываешъ ему сей отвѣтъ ; но дру-
 гіе ушверждающъ , что онѣ *Платонопъ* , Ко-
 гда *Аристиппъ* имѣлъ споръ съ *Есхиномъ* ,
 по онѣ ему , не много времени спусня , сказалъ :
 Долго ли намъ споришь , и долго ли намъ
 шакъ безумешвовашъ ? Или шы ожидаешъ , по-
 ка какой нибудъ корчмаръ не придетъ и не
 спанешъ насъ примиряшъ ? — Такъ будемъ дру-
 зья ! сказалъ *Есхинъ* ; я на сіе согласенъ. —
 Да и я шакже на сіе согласенъ , отвѣтство-
 валъ

валъ *Аристиппъ*; но вспомни, что хотя я себя и постарѣе, однакожъ прежде уговаривалъ къ миру. Да и дѣйствительно, сказалъ ему *Есхинъ*, ты правду говоришь; и ты меня добродѣшельнѣе, поелику я подалъ поводъ къ нашему спору и распрѣ, а ты былъ побудительною причиною нашего примиренія.

Вотъ все то, что о семъ философѣ повѣствуется. Было еще двое иныхъ *Аристипповъ*: одинъ писатель, сочинившій исторію о *Аркадіи*; другой внукъ сего философа, а претій, прославившійся изъ новой Академіи. *Аристиппу* приписываются три книги *Либійской исторіи*, посвященныя *Денису*, а сочиненныя отчасти на Ашшическомъ, а отчасти на Дорическомъ языкѣ, изъ коихъ одна содержитъ въ себѣ двашцать пять разговоровъ. Приписываютъ ему также и слѣдующія сочиненія: о *Артабазѣ*, о *кораблекрушеніи*, о *вѣглецахъ*, о *нищемъ*, о *Лаисѣ*, о *Порѣ*, о *Лаисѣ и ея зеркалѣ*, о *Гермѣ*, о *снѣ*, о *ключникѣ*, о *Филомелѣ*, о *домашнихъ* и о *критикахъ*. Въ семъ послѣднемъ сочиненіи пишешъ онъ о тѣхъ, кои его поносятъ, будшо онъ пьешъ старое вино и содержитъ на своемъ иждивеніи женщинъ. Имѣются еще отъ него два письма: одно къ его дочери *Аретѣ*, а другое къ нѣкому человеку, прилѣпившемуся къ упражненіямъ на Олимпійскихъ играхъ; два вопроса; различныя замысловатыя сочиненія: одно *Денису* посвященное, другое касающееся до представленія, претіе посвященное дочери Тиранна, въ четвертомъ

содержишся описаніе челоѣвка, почитающаго себя презрѣннымъ отъ общесства; а въ плетомъ предшавленъ челоѣкѣ, добрымъ совѣшникомъ себя почитающій. Многіе говоряшъ, что онъ сочинилъ шесть книгъ о различныхъ маперіяхъ; но другіе, а между прочими наиболѣе *Сосикратъ Родосскій*, ушверждающъ, что онъ ничего въ свѣшъ не издавалъ. *Сокіонъ* и *Панетій* говоряшъ, что его сочиненія сошояшъ въ одномъ ошдѣленіи о ученіи, въ разговорѣ о *добродѣтели*, въ сошѣщаніяхъ, въ разговорахъ о *Артабасѣ*, о *кораблекрушеніи* и о *бѣглецахъ*, въ шести книгахъ о *школахъ*, въ шрехъ о *изреченіяхъ*, въ разсужденіяхъ о *Лаисѣ*, *Порѣ* и *Сократѣ*, да при шомъ еще въ одномъ размышленіи о *судавинѣ*.

XVI.

Ксенократъ.

Ксенократъ, сынъ *Агафенора*, родомъ изъ *Халкедоніи*. Онъ съ самыхъ юныхъ лѣшъ своихъ ходилъ въ школу *Платону* и ѣзилъ за нимъ въ *Сицилію*, и при шомъ былъ ешоль шупъ умомъ, что *Платонъ*, сравнивая его съ *Аристотелемъ*, говорилъ, что для одного потребны шпоры, а для другаго нужна узда. Можно ли, сказалъ онъ шакже нѣкогда, припречь столь непопоротлиаго осла къ толь быстрой и бодрой лошади? *Ксенократъ* имѣлъ суровой и воздержной видъ; почему *Платонъ* говаривалъ ему,

что онъ долженъ просить Грацій, дабы онъ сдѣлали его милостивѣе и красивѣе. Онъ большую часть времени препроводилъ въ Академіи; и говоряшъ, что когда онъ для нѣкошорой необходимости принужденъ былъ итти въ городъ, то всѣ забіяки и пьяницы удалялись съ дороги и давали ему свободной проходъ. Сказывающъ, что нѣкогда *Фриня*, женщина, беспушною своею жизнію прославившаяся, подошла къ нему подъ видомъ, будто бы нѣкошорыми своими любовниками была преслѣдываема. *Ксенократъ* благосклонно позвалъ ее къ себѣ въ домъ, и когда въ покоѣ одна шокмо посель находилась, то просила она его, чтобы онъ ей уступилъ половину оныхъ, что онъ и сдѣлалъ. Наконецъ, когда она его долгое время щещно искушала, вышла вонъ, говоря, что она уходитъ не отъ онъ человека, но отъ искукана. Говоряшъ также, что когда ученики *Ксенократа* привели къ нему *Лансу*, то онъ лучше хотѣлъ претерпѣшь смерть, нежели лишиться цѣломудрія.

Онъ былъ шоль честенъ и въ шоликой находилъ у всѣхъ довѣренности, что хошя ни единому въ *Аѳинахъ* человеку не дозволялось безъ клятвы бышь въ какомъ либо дѣлѣ свидѣтелемъ; однако онъ единъ шокмо не былъ подверженъ сему закону.

Онъ довольшвовался единшвенно шѣмъ, что пошребно было для нуждъ ешесшвенныхъ. Когда *Александръ* къ нему прислалъ великую сумму денегъ, то онъ изъ оныхъ взялъ шокмо 3000 драхмъ, а ошальные назадъ ошослалъ,

слабъ, говоря, что шопъ, кому много денегъ пошребно, обязанъ прокармливать множество людей. *Мироніанъ* въ своемъ сочиненіи о *пещяхъ позовныхъ* говоритъ также, что онъ не принялъ денегъ, присланныхъ къ нему отъ *Антипатра*. Когда *Денисъ* подарилъ ему златой вѣнецъ, которой онъ предложилъ своимъ гостямъ въ награжденіе на одномъ *Вакховомъ* пиршествѣ: то онъ при выходѣ положилъ оной у подножія *Меркуріевой* статуи, куда также обыкновенно полагалъ вѣнцы изъ цвѣшювъ сплешенные. Сказываютъ также, что онъ былъ посланъ въ посольствѣ съ прочими къ *Филиппу*, и что его товарищи, прельщенные дарами его Государя, присуществовали на пиршествахъ, имъ учиненныхъ, почему и имѣли съ нимъ сношенія; но что *Ксенократъ* былъ нечувствителенъ къ оказываемой имъ ему благосклонности, и что для сей причины сей Государь и не хотѣлъ его признавать посланникомъ, и не удостоивалъ его своими разговорами. Когда же они возвратились въ *Аѳины*, то товарищи его жаловались, что *Ксенократъ* имъ совсѣмъ не вспомоществовалъ, и *Аѳиняне* хотѣли уже на него наложить денежную пеню; но когда узнали истинну, и когда онъ показалъ, что для республики нужно имѣть большее смотреніе и бдѣніе, говоря, что его товарищи были подкуплены, и что *Филиппъ* не могъ его искусить: то чрезъ то въ большемъ онъ сталъ быть почтеніемъ; да и самъ *Филиппъ* говоритъ въ его похвалу, что онъ

изо всѣхъ посланныхъ его единого не могъ ослѣпить своими дарами. Въ то самое время, когда онъ имѣлъ дѣло съ *Антипатромъ* о возвращеніи солдатъ, взяшихъ въ плѣнъ на войнѣ *Ламіаха*, былъ онъ приглашенъ къ нему въ госши; но онъ далъ ему сей отвѣтъ въ стихахъ, взяшихъ изъ *Омира*:

О Сирсея! буди ли я почитаться мудрымъ, естли стану пить и ѣсть съ удопольстціемъ, когда мои товарищи подъ игомъ равства стонуть? Сіе вѣщаніе шoliko понравилось Антипатру, что онъ плѣннымъ безъ замедленія даровалъ свободу.

Когда воробей, за коимъ гнался копчикъ, зелѣлъ въ пазуху сего философа, то онъ спасъ ему жизнь, говоря, что прозьбу покорно просящаго отвергать не должно. Когда же *Біонъ* обидѣлъ его словами, то онъ ему сказалъ: Я вамъ ничего не скажу, шакъ какъ и трагедія ничего не отвѣчаетъ комедіи, когда она сею послѣднею будетъ обижена. Нѣкошорой человекъ, незнающій ни геометріи, ни музыки, ниже астрономіи, хощѣлъ учиниться его ученикомъ; но онъ его не принялъ, говоря ему, что онъ не имѣетъ рукояшокъ, посредствомъ коихъ можно было схватить философію. Другіе же объявляютъ, будшобы онъ ему сказалъ: У меня шерши не чешутъ. Когда *Денисъ* говорилъ *Платону*, что същется шаккой, кошорой можетъ приказатъ отрубить ему голову: тогда *Ксенократъ*, услышавшій сіе, сказалъ: Надобно, чшобъ напередъ мнѣ голова была отрублена. Повѣ-

спвуюшѣ также, что когда *Антипатръ* прибылъ въ Аѣны и увидѣвъ его, поклонился ему, но онѣ не прежде ему ошвѣчалѣ на его поклонѣ, пока не окончалѣ начашаго имѣ разговора. Онѣ о славѣ не великое имѣлѣ попеченіе; днемѣ многожды размышлялѣ, и припомѣ каждой день одинѣ часѣ опредѣлялѣ для молчанія.

Ксенократѣ оставилѣ по себѣ много сочиненій въ прозѣ и стихахѣ, и нѣскольکو увѣщательныхѣ разговоровѣ, а именно: шесть книгѣ о *естествѣ*, шесть о *премудрости*, одну о *богатствѣ*, одну подѣ заглавіемѣ *Архѣ*, одну о *безконечномѣ*, одну о *младенчествѣ*, одну о *поздержаніи*, одну о *полезномѣ*, одну о *польности*, одну о *смерти*, одну о *полѣ*, одну о *дружбѣ*, одну о *тѣпѣ*, двѣ о *противоположности*, двѣ о *щастіи*, одну о *образѣ писать*, одну о *памяти*, одну о *лжи*, одну подѣ заглавіемѣ *Калликлѣ*, двѣ о *благоразуміи*, одну о *домоподствѣ*, одну о *бережливости*, одну о *силѣ законовѣ*, одну о *республикѣ*, одну о *спятости*, одну о *шомѣ*, что *добродѣтели обучать можно*; одну о *бытіи*, одну о *судьбинѣ*, одну о *страстяхѣ*, одну о *житіяхѣ*, одну о *согласіи*, одну о *поинскомѣ искусствѣ*, одну о *прапосудіи*, двѣ о *добродѣтели*, одну о *родѣ*, двѣ о *сластолюбіи*, одну о *жизни*, одну о *силѣ*, одну о *наукѣ*, одну о *политикѣ*, одну о *мудрецахѣ*, одну о *философіи*, одну о *Парменидѣ*, одну о *Архидамѣ*, или о *тѣпѣ*; одну о *добрѣ*, восемь

о томъ, что касается до мыслей; одинадцать о попросахъ о разготорѣ, шесть до физики касающихся; одну подъ заглавіемъ глава, одну о родѣ, одну объ ученіи Пифагоропомъ, двѣ о разрушеніи, восемь о раздѣленіи, шришцашь при о задачахъ, или предложеніяхъ, чешырнадцашъ о способѣ, какъ спорить должно; пошомъ пашнащашъ другихъ шаковыхъ же книгъ, да и еще шешнащашъ, девашъ о попросахъ изъ Логики, шешъ о нащашленіяхъ, двѣ о мнѣніи, пашъ о геометрахъ, одну о запискахъ, одну о числѣ, одну о теоріи чиселъ, одну о преме-ни, шешъ объ астрології, одну подъ заглавіемъ начальныя оснопанія о пращленіи, кошорая посвящана Александру; одну поднесенную Арибу, другую Ефескіону, двѣ о геометрії, и шришша сорокъ пять стиховъ.

Совсѣмъ шѣмъ сколь великъ ни былъ Ксенократъ, Аѣиняне его продали за шо, что онъ не былъ въ состояніи заплашишь наложенной на чужеспранныхъ дани. Димитрій Фалерскій его купилъ, заплашилъ должную имъ дань и даровалъ ему свободу. Сіе повѣщувешъ намъ Мироніанъ изъ Амаспры въ первой своей книгѣ о подобныхъ пощѣщощащашъ.

Ксенократъ содержалъ чрезъ цѣлыя 25 лѣшъ порученную ему ошъ Спецзиппа школу; и первыя свои нащашвленія преподавалъ онъ шамъ во время правленія Лизимаха, на 2 году СХ Олимпіады. Онъ умеръ на 82 году ошъ рожденія ночью ошъ рацы, кошорую

получилъ, ударившись о рукомоиникъ. Я сочинилъ на него слѣдующую элишафію:

*Ксенократъ разшибаетъ главу спюю о
рукомойникъ; единый крикъ составлялъ
псю жалобу сего челоуѣка, который псего
себя посцятилъ прочимъ.*

Было еще шесперо другихъ *Ксенократоуѣ*. Первой, кошорой писалъ о воинскомъ искусствѣ, челоуѣкъ весьма старой, сродникъ и согражданинъ сего нашего философа. Онъ сочинилъ также разговоръ подъ заглавіемъ *Арсиннойтической*, о смерти *Арсиноя*. Четвертой (*) былъ философъ, и сочинилъ не весьма похвальныя элегіи, что и естественнo: ноелику сшихотворцы могушъ весьма хорошо писашъ въ прозѣ; но писашели въ прозѣ не могушъ напротивъ того сочиняшъ шоль хорошо стиховъ: ибо стихотворство есть естественной даръ, а другой родъ писанія художественной. Пяшой былъ рѣщикъ, а шестшой сочинилъ оды, какъ-то повѣспвуешъ *Аристоксенъ*.

XVII.

Архезилай.

Архезилай, сынъ *Сейѳа*, по мнѣнію *Аполлодора* въ шрешней книгѣ его *лѣтоуцисленій*, родился въ *Пишанъ* городъ, лежащемъ въ землѣ

(*) *Менаждъ* исправляетъ сіе мѣсто, поставляя на мѣсто *четпертаго третій*, на мѣсто *пятаго четпертой*, а на мѣсто *шестаго пятой*, и полагая шокмо пяшъ *Ксенократоуѣ*.

лѣ Эоліанѣ. Сей философъ основалъ среднюю Академію, и изобрѣлъ начало сомнѣнія, происходящаго отъ противоположностей, въ мысляхъ встрѣчающихся. Онъ первой началъ утверждать и опровергать сіи самыя вещи, и учредилъ въ школѣ образъ разсуждать посредствомъ вопросовъ и отвѣсовъ, введенной *Платономъ*, но никѣмъ еще въ употребленіе доселѣ не принятой.

Но вошъ какимъ образомъ прилѣпился онъ къ *Крантору*: ихъ было чешыре брата, изъ коихъ онъ былъ младшій; двое были братья съ опцовской стороны, а двое съ машерней. Старшій изъ сихъ назывался *Пиладъ*, а старшій изъ шѣхъ двухъ прозывался *Мерей*, которой и былъ покровитель сего философа, коего мы шеперь жизнь списываемъ. Почему *Архезилай*, прежде нежели прибылъ въ Аѣины, былъ слушателемъ у *Антилона*, математика и его согражданина, съ коимъ онъ побѣхалъ въ *Сарды*, и шамъ сдѣлался ученикомъ *Ксанѣа*, музыканша въ Аѣинахъ, потомъ *Феофраста*, а напоследокъ уже и *Крантора*, прошивъ воли брата его *Мерея*, которой совѣшовалъ ему обучаться риторикѣ, но онъ уже имѣлъ охоту къ философіи. *Кранторъ*, полюбившій его особенно, сказалъ ему на сей случай сей стихъ изъ *Андромеды*:

Естьли я тебя спасу, дѣвица! какое получу за то награжденіе?

Архезилай отвѣчалъ ему на шо слѣдующимъ стихомъ:

Возьми меня къ себѣ пѣ услужницы;
или естли желаешь, то прими меня въ
свои подруги.

Съ сего самаго времени сдѣлались они ве-
ликіе друзья; и сказывающѣ, что Теофрастъ
сожалѣлъ о томъ, что лишился сего ученика,
говоря шакъ: *Какой молодой челопѣкъ, пре-
исполненной разума и познаній, оставилъ
мою школу! Да и дѣйствительно Архезилай*
избѣснялся весьма важно и сочинялъ со вку-
сомъ. Онъ имѣлъ шакже природное къ сочи-
ненію стиховъ дарованіе, и дѣлалъ эпиграммы
на *Аттала*, избъ коихъ одна здѣсь предла-
гаешся:

*Не токмо то, что градъ Троя про-
слапляется споиими ироническими дѣлами;
его часто предпочитаютъ и спятой Пизѣ,
по той причинѣ, что въ ономъ хорошія ло-
шади имѣются. Но естли смертной мо-
жетъ пникнуть въ будущее, то я пред-
усматриваю, что его слава позрастетъ
еще гораздо болѣе.*

Онъ сдѣлалъ шакже стихи на *Менодора*,
сына его *Дамія*, которой любилъ одного избъ
его соучениковъ:

*Хотя Фригія и далеко отсюда отсто-
итъ, и спятая земля Тіатиръ тѣе оте-
чество, о Менодоръ! коего тѣло смерть
долгое время изсушала; однако чрезъ пѣ
мѣста имѣются дороги, по коимъ непре-
станно множество смертныхъ проходитъ
для прибытія къ угрюмому Ахеронту.
Евдамій, коего ты любимѣйшій былъ ус-
луж-*

лужникъ, позоригнулъ тебѣ сіе слазное до-
стопамятствіе.

Онѣ особенно почишалъ *Омира*, и имѣлъ
полюбо вниманія къ сему піишу, что всякой
вечерѣ, прежде нежели спать ложился, читалъ
нѣсколько стиховъ изъ онаго; а поутру, ко-
гда вспавалъ и когда принимался за свое
ученіе, говаривалъ, что онѣ идешь повидашь-
ся съ своимъ другомъ. *Пиндара* почишалъ
онѣ за шакого сочинителя, кошорой можешь
научить выбору въ сильныхъ выраженіяхъ и
подавать великую плодовишость въ словахъ.
Онѣ сдѣлалъ также въ младости своей похваль-
ную оду на піиша *Іона*.

Онѣ былъ также слушацелемъ *Иппони-
ка* геометра, надъ коимъ обыкновенно смѣ-
ялся въ шомѣ, что сей былъ медлишеленъ и
всегда зѣвалъ; почему онѣ о немъ говорилъ,
что геометрія упала къ нему въ ротъ во
время его зѣванія. Однако, не смотря на шо,
когда сей геометръ сдѣлался безумнымъ, шо
онѣ принялъ его къ себѣ въ домъ, и имѣлъ
о немъ попеченіе по шѣхъ поръ, пока совсѣмъ
не выздоровѣлъ.

Послѣ смерти *Крата* вступилъ на его
мѣсто *Архезилай* съ позволеніемъ одного
Сократа ученика, кошорой для него ошѣ
шого ошказался. Ушверждающъ, будшо бы
онѣ ничего не писалъ о началѣ сомнѣнія, ко-
шорымъ духъ его былъ зараженъ; а другіе
объявляющъ, будшо бы его заспали нѣкогда,
какъ онѣ нѣчто выправлялъ, что по мнѣнію
иныхъ въ свѣшѣ имъ самимъ издано, а по
мнѣнію другихъ ушасно. *Архе-*

Архезилай много почиталъ *Платона*, коего сочиненія часшо съ удовольствіемъ читывалъ. ЕСТЬ сочинители, которые приписываютъ ему, будшо бы онъ подражалъ *Пиррону*. Онъ поученъ былъ логикѣ и зналъ мѣнія *Еретрическихъ* философовъ; почему *Аристотель* и сказалъ, что онъ спереди походитъ на *Платона*, сзади на *Пиррона*, а съ середины на *Діодора*. *Тимонъ* говорилъ о немъ также нѣчто подобное, называя его *Менедемомъ*, имѣющимъ спинцою грудь; *Пиррономъ*, съ ногъ до головы плотію покрытымъ, или *Діодоромъ*; а попомъ представляешъ онъ его говоряща: Я поплыну къ *Пиррону*, или къ изпилистому *Діодору*.

Онъ былъ весьма плодовитъ въ пословицахъ, и во время разговоровъ прерывалъ свои рѣчи, а впрочемъ былъ человекъ насмѣшливой и отважной; почему *Тимонъ* говоритъ ему слѣдующими словами: Не забудь, что когда ты былъ младъ, то достоинъ былъ того охуленія, которое нынѣ другимъ дѣлаешь. Когда нѣкто юноша говорилъ предъ нимъ съ неблагоприспойностію, то онъ сказалъ: Нѣтъ ли здѣсь такого человека, которой бы обуздалъ его языкъ справедливымъ наказаніемъ, которое онъ за свое безстыдство заслуживаетъ? Нѣкто другой, предавшійся непозволишельнымъ забавамъ, спросилъ его во извиненіе, думаетъ ли онъ, что между позволишельными увеселеніями иное есть больше другаго? Да, ошвѣчалъ *Архезилай*, такъ какъ и одна мѣра есть больше другой.

прсбляли. ОнѢ выдумывалѢ весьма удачно, предупреждалѢ возраженія, ему учиненны бышѢ могущія, и приводилѢ свои разсужденія кѢ начальному предмешу рѣчи. При томѢ умѢлѢ онѢ принаравливашься кѢ обшюяшельсшвамѢ, и увѣрялѢ во всемѢ томѢ, вѢ чемѢ ни захочешѢ. ВѢ его школу великое множество собиралось, не смотря на шо, что онѢ сѢ учениками своими сурово обходился, для того, чшобы, когда они желаютѢ пользоващься его насшавленіями, охотно сносили его суровость; ибо онѢ имѢлѢ доброй нравѢ, подававшій великую надежду его ученикамѢ. ОнѢ не щадилѢ и своего имѢнія, былѢ услужливѢ, и скрывалѢ свои другимѢ оказанныя услуги, презирая хвастовство при оказываніи благодѣяній. НѢкогда, вошедѢ вѢ покой кѢ *Ктизибу*, и увидя, что онѢ имѢешѢ нужду вѢ деньгахѢ, положилѢ кѢ нему шихонько подѢ подушку цѢлой мѢшокѢ сѢ оными. А *КтизибѢ*, нашедѢ оныя, сказалѢ: *эту шутку свигралѢ неотмѣнно Архезилай*. ВдругорядѢ послалѢ онѢ кѢ нему еще 1000 драхмѢ, и доставилѢ ему довѣренность у *Архія* Аркадіянина, представивѢ его *Епменію*.

И поелику онѢ былѢ щедрѢ и некорыстолюбивѢ, шо первой плашилѢ дани, охотно искупалѢ изѢ рабства, помогалѢ многимѢ людямѢ и дѢлалѢ великія подаянія. НѢкшо испросилѢ у него на весьма корошкое время серебряныхѢ сосудовѢ для угощенія друзей своихѢ; и какѢ сей человекѢ былѢ бѣденѢ, шо *Архезилай* не шокмо оныхѢ мазадѢ себѢ

не требовалъ, но и не желалъ оныхъ опять у себя имѣть. Нѣкошорые думаютъ, будто бы онъ съ умыслу ему оныя ссудилъ, и что когда сей человекъ былъ бѣденъ, то онъ ему хотѣлъ подарить сіи сосуды. У него было имѣніе въ Писанѣ, съ коего доходы присылалъ къ нему *Пиладъ*, бравъ его; сверхъ того и *Епменій* присылалъ ему подарки, по чему онъ и почиталъ сего единого Государя. Многіе другіе философы ѣзжали ко Двору *Антигона*; но онъ убѣгалъ случаевъ бытъ знаемъ симъ Государемъ. Онъ имѣлъ дружбу съ *Эроклемъ*, правителемъ Мунихіи и Пиреи, а обыкновенно видался съ нимъ по праздникамъ; и хотя сей другъ совѣщивалъ ему воздасть должный долгъ *Антигону*, однако онъ не сдѣлалъ ему сего въ удовольствіе; и нѣкогда, дошедъ принужденно уже до входа Дворца *Антигонопа*, не пошелъ къ нему, но опять назадъ ворошился. По одномъ морскомъ сраженіи, когда всѣ спарались писать ушѣшительныя письма къ *Антигону*, онъ одинъ не поступилъ по ихъ примѣру; и когда былъ посланъ къ нему посломъ для пользы своего опечесства, то и шущъ не имѣлъ онъ никакого успѣха. Онъ всю жизнь свою препроводилъ въ Академіи, имѣя великое отвращеніе къ дѣламъ государственнымъ; однако иногда ѣзжалъ и въ Аѣины, а именно въ Пирею, гдѣ давалъ отвѣты на предлагаемые ему вопросы; ибо былъ другъ *Героклу*; а за сіе его нѣкошорые поносили.

Онѣ любилъ великолѣпіе, и можно сказа-
 зать, что былъ другой *Аристиппъ*; онѣ ча-
 сто бывалъ въ бесѣдѣ съ своими друзьями,
 и они взаимно другъ къ другу ходили въ го-
 спи. Онѣ не скрывалъ и того, что имѣлъ
 сообщеніе съ *Феодетой* и *Феллетрою*, слав-
 ными кокешками въ Елеи, и ошвращалъ ошъ
 себя злословіе, защищая себя изреченіями
Аристиппа. Онѣ былъ склоненъ къ любви,
 и имѣлъ шоль порочныя слабосши, что *Ари-
 стонъ*, уроженецъ оспрова Шіо, философъ
Стоической секшы, называлъ его соблазните-
 лемъ юносши, безспыднымъ вишіемъ и дерзо-
 спнымъ человекомъ. Чинимые ему на сіе
 упреки касающся до *Димитрія* при его ошѣ-
 ъздѣ въ Кирену, и *Леохара* изъ Мирлеи, такъ
 же и *Димохара* и *Пивокла*, спаршаго сына
Лакхы. Когда онѣ примѣшилъ добрыя о се-
 бѣ мнѣнія сихъ двухъ послѣднихъ, шо ска-
 залъ имъ, что онѣ на шо соглашается изъ
 нѣкошорой доспохвальной причины. А за сіе
 самое его обвиняли, будще бы онѣ ищепъ
 дружбы народа и спарается пріобрѣсть се-
 бѣ славу.

Архезилая наиболѣе поносили у *Верома*,
 философа *Перипатетической* секшы, когда сей
 созвалъ къ себѣ друзей для празднованія дня
 рожденія *Алкіона*, сына *Антигонопа*; праз-
 днесшво же ошправлялось на счешъ *Антиго-
 на*, кошорой присылалъ шуда подарки. Ког-
 да *Архезилая* спарался за сшоломъ убѣгать
 споровъ, и когда онѣ былъ вызванъ нѣкимъ
 человекомъ, по прозванію *Ариделомъ*, кошор-
 ой

рой ему предлагалъ вопросъ, вниманіе заслуживающій: по онъ отвѣщивалъ, что главнѣйшее свойство философа есть то, чтобы умѣть все дѣлать къшаши. *Тимонъ* ругается *Архезилаю* въ шомъ, что онъ имѣлъ особенной вкусъ похвалять прѣстой народъ. *Егда онъ токмо преставъ гопорить*, вѣщаешь онъ, какъ другъ расталкиваетъ толпу народа съ прапой и лѣпой стороны; на него цзирають такъ, какъ мѣлкія птицы смотрятъ на сопу: пѣтъ песь тотъ плодъ, которой онъ получаетъ изъ пріязни народной. Но, о ты, человекъ суетный! можно ли сею бездѣлицею пеличатъся?

Впрочемъ *Архезилай* былъ споль воздерженъ и споль мало высокоуменъ, что онъ совѣщивалъ ученикамъ своимъ ошъ себя ошходишь и къ другимъ приспавать учиселямъ. Когда нѣкошорой молодой человекъ съ острова *Шіо* ему извѣяснилъ, что онъ школу *Оеромія*, философа *Перипатетической* секшы, предпочищаетъ его училищу: по *Архезилай* взялъ его за руку, ошвелъ шуда, предсшавилъ его оному философу, и совѣщивалъ юношѣ, дабы онъ былъ вяшливъ. Когда нѣкшо его спросилъ, для чего великое множесство учениковъ ошаваяють своихъ учиселей и прилѣпляются къ секшѣ *Епикура*, а напросивъ шого ошъ сей послѣдней секшы никшо не ошсшаваетъ, по онъ ему ошвѣчалъ: *Для того, что людей можно дѣлать скопцами, а скопцоцъ людьми уже сдѣлать не можно.*

Когда онъ находился при смерти, то отдалъ свое имѣніе *Пилладу*, своему двоюродному брашу, въ благодарность за то, что онъ его безъ вѣдѣнія *Мерея*, старшаго своего брата, отвезъ на островъ *Шію*, а отшуда въ *Аѣины*. Онъ во всю свою жизнь не былъ женатъ; почему и дѣшей по себѣ не оставилъ. Онъ сдѣлалъ три духовныя: одну въ *Эрешри*, кошую вручилъ *Амфикриту*; другую въ *Аѣинахъ*, отдавъ ее одному изъ своихъ друзей; а третью отослалъ къ одному изъ своихъ сродниковъ, по прозванію *Омазію*, прося его, чтобы онъ хранилъ оную. Онъ написалъ также къ нему и сіе письмо:

Архезилай къ Омазію, кланяется.

„Я отдалъ свою духовную *Диогену*, кошорой тебѣ оную вручить можешь; ибо самъ часто бываю боленъ. А я принялъ сію предосторожность для того, что естли я и умру скоропостижно, то по крайней мѣрѣ себя не оставлю обиженнымъ, когда ты мнѣ шoliko знаковъ швоея любви и горячности оказывалъ. Ты мнѣ былъ всегда вѣрнѣйшимъ другомъ, пребудь и нынѣ въ разсужденіи препоручаемаго мною тебѣ залога; о семъ я тебя прошу всенижайше какъ ради моихъ старыхъ лѣшъ, такъ и по причинѣ нашего сродства. Припомъ вспомни и о томъ, съ какою довѣренностію я полагаюсь на швою честность; будь въ разсужденіи меня справедливъ, и постарайся, дабы мои дѣла по возможности въ добромъ сосшоянніи находились.

лись. Я сдѣлалъ еще двѣ другія духовныя : одну оставилъ въ Аѣинахъ у одного изъ друзей своихъ , а другая обрѣщается въ Эрешриѣ у *Амфикрита* . ,

По мнѣнію *Ермиппія* , скончался онъ отъ горячки , кошорая къ нему приспала отъ того , что много пилъ вина ; а умеръ онъ на 75 году своего возраста. Аѣиняне воздали ему большую честь , нежели другимъ философамъ. И сочинилъ на него слѣдующіе стихи :

Архезилай ! за чемъ ты толь много утѣщаешься , что и умъ свой теряешь ? Я менѣе прискорбень о твоей смерти , нежели о безчестіи , которое ты недержанностію споею Музамъ дѣлаешь .

Было еще шрое иныхъ *Архезилаевъ* : одинъ стихотворецъ древней комедіи , другой сочинитель элегій , а прешій рѣщикъ , на ко-его *Симонидъ* слѣдующую сочинилъ надпись .

Сія статуя Діаны стоитъ 200 драхмъ ; она сдѣлана художникомъ Архезилаемъ , сыномъ Аристодика , съ помощію Мичерпы .

Въ лѣтосчисленіи *Аполлодоромъ* упоминается , что *Архезилай* философъ процвѣталъ около СХХ Олимпіады .

XVIII.

Аристотель .

Аристотель Стагирита былъ сынъ *Никомаха* и *Фестіи* ; отецъ его произошелъ отъ *Никомаха* , сына *Махаона* , кошорой былъ сынъ *Эскулапія* , по свидѣтельству

Ермиппія въ его книгѣ о *Аристотелѣ*. Сей философъ долгое время жишельспововалъ при *Дворѣ Аминта*, Царя Македонскаго, коимъ онъ былъ любимъ по причинѣ его знанія Медицины. Онъ обучался у *Платона*, и въ поняшій превосходилъ всѣхъ его учениковъ. *Тимоей* Аѳинейскій въ книгѣ своей о *житіяхъ* пишешъ, что у него голосъ былъ тихой, ноги шонки, глаза не велики; что онъ ходилъ всегда въ хорошемъ одѣянїи, носилъ перстни на пальцахъ и брилъ самъ себѣ бороду. Сей же самой писашель повѣсшвуетъ, что онъ съ *Эрпилиєю*, своею наложницею, прижилъ сына, коего назвалъ *Никомахомъ*.

Онъ при жизни *Платона* ошѣвхалъ онъ сего философа, и сказываюшъ, что онъ на сей случай ему сказалъ: *Аристотель* посшупалъ со мною шакъ, какъ жеребенокъ, кошпорой брыкаешся съ своею машерію. *Ермиппій* говоришъ въ своей книгѣ о *житіяхъ*, что когда онъ со стороны Аѳинянъ былъ посланъ посломъ къ *Филиппу*, шо *Ксенократъ* во время его ошсущешвія принялъ Академію подѣ свое смощреніе, и что онъ при своемъ возвращенїи увидя, что другой занялъ его мѣсто, поѣхалъ въ *Лицію*, гдѣ и обучалъ философиі прогулкою; почему и прозванъ былъ *Перипатетикомъ*. Другіе же говоряшъ, что сіе прозваніе дано ему для шого, что *Александръ*, по выздоровленїи своемъ ошъ болѣзни, слушалъ его поученія прохаживаясь; и что напоследокъ, когда онъ увидѣлъ у себя много слушащелей, шо епяшъ принялъ
преж-

прежнюю привычку садиться, говоря въ разсужденіи преподаваемыхъ имъ наставленій, что ему стыдно молчать и позволяшь говорить *Ксенократу*. Онъ упражнялъ своихъ учениковъ въ защищеніи предложеній, и въ самое то время показывалъ имъ и риторикѣ.

Наконецъ поѣхалъ онъ въ Аѳины къ *Епнухию*, тиранну въ Ашурѣ, коему онъ былъ великой другъ и сродникъ, по маѣнію нѣкошорыхъ, женившись на его дочери, или на его племянницѣ, какъ-то между прочими говоритъ *Димитрій* въ книгахъ своихъ о *стихотворцахъ и о писателяхъ, одинакошыя имена имѣющихъ*. Онъ присовокупляешъ, что *Ермій*, родомъ изъ Вифиніи, былъ невольникомъ у *Епбулія*, и что онъ убилъ своего господина. *Аристиппъ* въ I книгѣ о *упеселеніяхъ дрепнихъ* говоритъ, что *Аристотель*, влюбившись въ наложницу *Ермію*, взялъ ее себѣ въ супружество, и шолко ее любилъ, что ей приносилъ шакія жершвы, какія Аѳиняне *Церерѣ* воздавали; а въ благодарностъ сочинилъ онъ въ честь *Ермію* похвальную оду, о кошорой ниже упомянуто будешъ.

По семъ поѣхалъ онъ въ Македонію ко Двору *Филиппа*, кошорой ошдалъ ему на воспитаніе *Александра*, и въ награжденіе за его услуги просилъ онъ Государя, дабы онъ привелъ его опечество въ шакое состояніе, въ какомъ оно прежде своего упадка находилось. И когда Государь обѣщался ему учинишь сію милостъ, то *Аристотель* издалъ въ Спагирѣ законы. Онъ сдѣ-

лалъ также, въ подражаніе *Ксенократу*, учрежденія въ своей школѣ, по коимъ одному ученику должно давашь власшь надъ прочими чрезъ цѣлыя десять лѣтъ. Напослѣдокъ разсудивъ, что довольно уже употребилъ времени на воспішаніе *Александра*, возвратился въ Аѳины, осмазавъ при немъ *Каллисѳена* Олимпійскаго, своего сродника. Сказывающъ, что сей Государь, прогнѣванный на то, что *Каллисѳенъ* ему говорилъ повелишельно и не послушалъ его, сказалъ нѣкогда ему сей стихъ: *Другъ мой! какую ты пласть себѣ надомною приспоешь? Я сомнѣпаюсь, чтобъ ты долѣе меня жилъ.* Да сіе и случилось. *Александръ*, спровѣдавъ, что *Каллисѳенъ* былъ учаспникомъ въ заговорѣ *Ермолая*, приказалъ его схващипъ и посадипъ въ желѣзную клѣшку, гдѣ онъ принужденъ былъ исправлять свои еспешвенныя нужды. Въ сей клѣшкѣ возили его повсюду, и напослѣдокъ ошдали львамъ на расперзаніе. Такимъ образомъ кончилъ онъ бѣдспвенно жизнь свою.

Аристотель непереспавалъ обучашь философіи въ Аѳинахъ чрезъ цѣлыя принащцашь лѣтъ, по прошеспвіи коихъ шайно уѣхалъ въ Халкиду для избѣжанія гоненій жреца *Епримедонта*, кошорой его обвинялъ въ небогепочипаніи; или паче гоненій *Демофила*, кошорой, по свидѣшельспву *Флпорина*, приписывалъ ему въ вину не шокмо то, что онъ сочинилъ похвальную оду на *Ермія*, о коей мы уже говорили, но что еще онъ посшавилъ въ Дельѳахъ на спшашуѣ сего шпрана слѣдующую эпишафію: *Царь*

Царь Персидскій, нарушитель законовъ, приказалъ умертвить сего челоуѣка, коего образъ здѣсь изображается. Великодушный прагъ повѣдиль бы его оружіемъ, но сей пѣроломной погубилъ его погубивъ дружбу.

Еимелій въ V книгѣ своихъ поповѣствованій говоритъ, что Аристотель умеръ отъ яду на 70 году. Онъ также говоритъ, что онъ на 30 году сдѣлался ученикомъ Платона; но онъ обманывается, пошому что Аристотель жилъ шокмо 33 года, и на 17 году началъ ходишь въ школу къ сему философу. Вотъ вышеупомянутая похвальная ода:

„О пы, шрудная и непосшижимая для смершныхъ добродѣшель, кошорая есть драгоценнѣйшее въ свѣтѣ сокровище! се для шебя, священная Дѣва, мудрые Греки сопроти-вляющся смерти, и бодрственно прешерпѣваюшъ всѣ неудобоносимые шруды! Ты наполняешь души безсмертнымъ плодомъ, и лучшимъ, нежели злашо, нежели кровныя узы и пріятности сна. Изъ любви къ шебѣ небесный Геркулесъ и дѣши Леды сносили шолико бѣдшвій; ихъ дѣянія прославляли швое могущество. Ахиллъ и Аяксъ сошли въ адскія мѣста единшвенно для шого, что горѣли желаніемъ съ шобою соединишься. Любовь къ швоимъ прелестямъ лишила также дней младенца, еще грудь сосущаго у Атарча, прославившагося великими своими дѣлами; и безсмертныя Музы, сіи дщери Минерпы, умножающія славу Юпитера и увѣнчавающія

щія искреннюю дружбу, усугубяшъ честь и швоего имени. ,,

Я сочинилъ также на *Аристотеля* стихи. *Епримедонтъ*, которой предсѣзательствуетъ при таинствахъ *Цереры*, готовится обвинить *Аристотеля* въ невогочитаннїи; но сей философъ предупреждаетъ его намѣренїя посредствомъ отрацы. И се ядъ былъ опредѣленъ для побѣжденїя несправедливыя заисти!

Флпдоринъ говоритъ въ своемъ повѣспованїи, что *Аристотель* сочинилъ прежде смерти защитительную рѣчь, въ которой онъ вѣщаетъ, что въ *Аѳинахъ* груша растетъ на грушецомъ деревѣ, а смоква на смоковницѣ (*). *Аполлдоръ* въ своемъ лѣтосчисленїи думаетъ, что онъ родился въ первой годъ *ХСІХ* Олимпїады; что ему было ошъ роду 17 лѣшъ, когда онъ сдѣлался ученикомъ *Платона*; что онъ у него жилъ до 37 лѣшъ; что тогда поѣхалъ онъ въ *Митилену* на 4 году *CVIII* Олимпїады; что когда *Платонъ* на первомъ году сея Олимпїады скончался, то онъ спправился во время правленїя *Оюфила* (**) къ *Ермію*, у коего и жилъ 3 года; что напоследокъ переѣхалъ онъ ко Двору *Филиппа* во время пра-

---

(*) Слово смоковница берется вмѣсто донощика, или зивиспливаго.

(*) Начальника въ *Аѳинахъ*. И. капел. из 3652 году ошъ созданїя міра.

правления *Пиндогота* (*), на второмъ году СХ Олимпіады, когда уже *Александр* было 1; лѣшъ; что онъ изъ Македоніи ояшь въ Аѳины переселился на второмъ году СХІ Олимпіады; что обучалъ въ Ликии шринашцашь лѣшъ, и что напоследокъ ошправился въ Хаалкиду на шрешьемъ году СХІV Олимпіады, и умеръ шамъ ошъ болѣзни на 63 году, почти въ самое шо время, когда *Демосгенъ* скончался въ правленіе *Филокла*. Сказывающъ, что *Аристотель* пришелъ въ немилость у *Александра* по шой причинѣ, что онъ ему представилъ *Каллисгена*, и что сей Государь въ его оскорбленіе увеличилъ славу *Анаксимена*, и послалъ дары *Ксенократу*. *Теохритъ*, съ острова Шіо, сдѣлалъ на него эпиграмму, о коей *Абрионтъ* упоминаешъ при описаніи жизни *Теохрита*:

Суесланный Аристотель поздигъ пустое достопамятствіе пѣ честь Ермія, ещнуха и непольника Ецбулія.

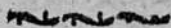
Тимонъ ругаетъ также и его знанію, называя оное *легкомысліемъ раздорщика Аристотеля*.

Вотъ каковая была жизнь сего Философа. Я присовокупляю также сюда и его духовную, сколько я могъ упомянуть оной.

„Что касается до *Аристотеля*, шо онъ разпредѣляетъ такъ. Ешъли я умру внезапно, шо *Антипатра* дѣлаю исполнишелемъ моея

(*) Такжеже начальника въ Аѳинахъ. Другіе называютъ его *Пиндоромъ*.

мою послѣднія воли, и даю ему надѣ всемѣ полную власть, и по шѣхѣ порѣ, пока *Никанорѣ* не будешь въ состояніи управляшь моимѣ имѣніемѣ. Могущѣ ему вспомошествовашь *Аристоменѣ*, *Тимархѣ*, *Иппархѣ*, да также и *Феофрастѣ*, ешьли похочешѣ; поелику сіе ему прилично какѣ въ разсужденіи моихѣ дѣшей, такѣ въ разсужденіи и *Ерпиди* и имѣнія, кое я оставляю. Когда же моя дочь достигнешѣ такихѣ лѣтъ, что ей можно будешь вышши за мужѣ, то я приказываю ее отдашь за *Никанора*. Ешьли же ей приключишя несчастіе, чего я не надѣюсь, что она умрешѣ прежде брака и бездѣшно, то я оставляю все мое имѣніе *Никанору*, кошорой пусть будешь также и господиномѣ надѣ моими рабами и надѣ всемѣ возможнымѣ. И такѣ *Никанорѣ* будешь имѣшь попеченіе о моей дочери и о моемѣ сынѣ *Никомахѣ*, такѣ чтобы они ни въ чемѣ не прешерпѣвали нужды; и онѣ сѣ ними да поскупаешѣ также, какѣ отецѣ, или бращѣ. Что ешьли и *Никанорѣ* умрешѣ, прежде нежели онѣ сочешается бракомѣ сѣ моею дочерью, или бездѣшно: то да будешь въ такомѣ случаѣ исполнено то, что онѣ похочешѣ. Ешьли же тогда *Феофрастѣ* возжелашѣ взять къ себѣ мою дочь, то онѣ вступишѣ во всѣ тѣ права, кои я даю *Никанору*; а ешьли нѣшѣ, то попечители, согласясь сѣ *Антипатромѣ*, будущѣ поскупашь сѣ моею дочерью и сѣ моимѣ сыномѣ такѣ, какѣ имѣ за благо разсудишя. Я прошу попечителей и *Никанора*, дабы они

обо мнѣ вспомнили, и припомѣ не забывали бы той любви, которую *Ерпилия* мнѣ оказывала, имѣя попеченіе обо мнѣ и о моихъ дѣлахъ. Если же послѣ моей смерти она захочетъ выйти за мужъ, то они постараются воспрепятствовать, дабы она не вышла за человека ниже моего сословія; и въ такомъ случаѣ сверхъ полученныхъ уже ею даровъ опредѣляю я ей еще одинъ серебряной шаланшъ, при служанки, если она похочетъ, кромѣ той, которую она при себѣ имѣетъ, и младаго юношу *Пиррея*. Если она возжелаетъ оспаться въ *Халкидѣ*, то ей да дася покой, лежащій близъ сада; а если она поѣдетъ въ *Спагиру*, то тамо домъ моихъ предковъ да будетъ ея жилищемъ; а попечители да постараются украсить домовыми уборами тотъ домъ, которой она себѣ избретъ для своего жительства. *Никанору* поручаю я и то, чтобы онъ *Мирмекса* отослалъ назадъ къ его родителямъ честнымъ и похвальнымъ образомъ со всемъ шѣмъ, что ему принадлежитъ. *Амбрахіѣ* дарую я вольность, и для приданого опредѣляю ей 500 драхмъ и одну служанку. Но *Фалъ* даю я сверхъ купленной рабыни, которая у ней находится, молодую невольницу и 1000 драхмъ. Что касается до *Таиха*, то я дарую ему свободу, когда моя дочь выдетъ за мужъ. Равнымъ образомъ отпускаю на волю и *Филона* и *Олимпія* съ его сыномъ; дѣши же моихъ слугъ останутся во услуженіи у моихъ наследниковъ по шѣхъ морѣ, пока они зрѣлыхъ

лыхъ лѣшъ не достигнушъ, дабы имъ тогда, смотря по заслугамъ, и вольность даровашъ можно было. Еще полагаю я на ихъ попеченіе и то, чѣобы они посшарались привешъ къ концу и посшавишъ на мѣшо спашуи, препорученныя мною *Грилліону*, и предшвляющія *Никанора*, *Проксену* и машъ *Никанора*. Пришомъ да воздвигнушъ они спашую и *Аримнесту*, кошорая ему должна служишъ достопамятшсшвѣемъ; поелику онъ умеръ бездѣшно. Также да посшавишся спашуя въ чешъ *Цереры*, моея машери, въ шаконъ мѣшъ, гдѣ за благо разсуждено будешъ. Въ мою же могилу прошу положишъ кости *Пиѳи*, какъшо она сама повелѣла; и исполнишъ учиненной мною обѣшъ для сохраненія *Никанора*, состоящій въ шомъ, чѣобы посшавишъ въ Спагирѣ живошныхъ, высѣченныхъ изъ камня, и мною *Юпитеру* и *Минерпѣ*, его избавителямъ, посвященныхъ. Они должны бышъ величиною въ 4 локшя.,, И въ семъ состояла его духовная.

Сказывающъ, чѣо у него найдено мношество глиняныхъ сосудовъ. *Лихонъ* повѣсшвуетъ, чѣо онъ мылся въ большой чашѣ, куда вливалъ шеплага масла, кошорое послѣ и продавалъ. Другіе говоряшъ, чѣо онъ привязывалъ къ желудку кошаной мѣшокъ съ нагрѣтымъ масломъ; и чѣо когда онъ сыпалъ, шо держалъ въ рукъ мѣдной шаръ надъ чашею, дабы онъ онаго пробудился, когда упадешъ въ чашу.

Отъ него имѣющся многія преизящныя изреченія. Его спросили, какую прибыль получающъ лжецы въ помѣ, что они истинну скрываютъ? Такую, вѣщаль онъ, что имъ и тогда не вѣрять, когда они болѣе не лгутъ. Ему упрекали нѣкогда въ помѣ, что онъ помоществовалъ злему человѣку: Я не смотрѣлъ на его нравы, ошвѣществовалъ онъ, но взиралъ на то, что онъ человѣкъ. Онъ безпрещанно говаривалъ своимъ друзьямъ и ученикамъ, что шѣлесной свѣщъ происходишь отъ окружающаго насъ воздуха, а душевной отъ единого шокмо изученія наукъ. Онъ выговаривалъ Аѣинянамъ въ помѣ, что они, изобрѣвши печь хлѣбы и учредивъ законы, одно употребляютъ для подкрѣпленія жизни, а другое оставляютъ. Онъ говаривалъ, что науки имѣютъ горькой корень, но плоды сладкіе; что благодѣяніе весьма скоро устарѣваетъ; что надежда есть сонъ бдящаго человѣка. Когда *Діогенъ* ему подносилъ сухую смокву, то онъ подумавъ, что естли онъ ее не приметъ, то подастъ ему случай къ оскорбленію, почему и взялъ ее, сказавъ сіе: *Діогенъ* потерялъ свою смокву купно со словомъ, кошорое онъ вѣщашъ желалъ. Но *Діогенъ* поднесъ ему еще другую, тогда *Аристотель*, взявъ ее, приброеилъ къ воздуху, какъ - то дѣлаютъ малые ребяща, и воззрѣвъ на нее, сказалъ: О великій *Діогенъ*! а потомъ ошдалъ ему оную смокву назадъ. Онъ говорилъ, что юноши имѣютъ въ шрехъ вещахъ нужду: въ разумѣ, въ воспішаніи и во управ-

жненіи. Когда ему возвѣсшили, что нѣкто честь его оскорбляешъ, то онъ сказалъ: Пускай онъ по дѣлаешъ, пускай меня и бьешъ, только бы я при шомъ дѣлѣ не случался. Онъ говаривалъ, что красота есть наубѣдительнѣйшее одобреніе; но другіе ушверждаютъ, будто бы *Диогенъ* ее такъ опредѣлялъ; а что *Аристотель* говорилъ, что красота есть даръ; *Сократъ* же, что она есть недолговременное тиранство, *Беофрастъ* называлъ ее нѣмымъ обманомъ, *Беохритъ* злымъ добромъ, а *Карнеадъ* Королевою, несимѣющею спражей.

Нѣкогда спросили *Аристотеля*, какое различіе между ученымъ и неученымъ человекомъ? Такое, сказалъ онъ, какое между живымъ и мертвымъ человекомъ. Онъ говаривалъ, что ученіе служитъ украшеніемъ въ щасіи и ушъшеніемъ въ нещасіи, такъ что тѣ родители, кои обучаютъ своихъ дѣтей, болѣе похвалы заслуживаютъ, нежели тѣ, кои имъ только жизнь даровали. Нѣкто величался тѣмъ, что онъ рожденъ въ большемъ городѣ. На сіе сказалъ онъ, что на шо смотрѣшь не надобно; но что должно взирашь на шо, дабы учинишься достойнымъ почтеннаго своего опечесства. Его спросили, что есть другъ? Другъ, опвѣчалъ онъ, есть душа, два шѣлеса оживляющая. Онъ говорилъ, что есть люди шоль скупые, что они будто бы вѣчно жить надѣются, почему и берегутъ свое имѣніе, и что другіе шоль расшочисельные и небережливые, какъ будто бы они на каждую минушу смерти ожидаютъ.

Когда

Когда нѣкто его спросилъ, для чего чело-
вѣкъ охотно пребываетъ долгое время въ бе-
сѣдѣ пригожихъ особѣ, то онъ отвѣчалъ: Сей
вопросъ приличенъ ослѣпленному чело-
вѣку. Когда же его спросили, какую пользу изъ
философіи получить можно, то онъ сказалъ:
Такую, чшобы дѣлашь добровольно то, что
другіе изъ опасенія къ законамъ дѣлають.
Каковы должны бышь ученики, чшобы полу-
чали успѣхъ въ ученіи, спросили его. Они
должны, отвѣчалъ онъ, стараться превзой-
ти тѣхъ, кои большіе оказали успѣхи, и не
смотрѣшь на тѣхъ, кои мало успѣвають.

Нѣкошорой чело-
вѣкъ говорливой и без-
смыдной спросилъ его, не наскучилъ ли онъ
ему своими разговорами? Я васъ увѣряю,
отвѣщивовалъ онъ ему на то, что я ва-
шихъ рѣчей совсѣмъ не слушалъ. Когда его
упрекали за то, что онъ оказалъ милость
злому чело-
вѣку, то онъ сказалъ: Я меньше
взиралъ на чело-
вѣка, а болѣе смотрѣлъ на
чело-
вѣчество. Его спросили, какъ намъ съ
друзьями поступать должно? Такъ, отвѣ-
чалъ онъ, какъ мы хотимъ, чшобы они съ
нами поступали. Правосудіе называлъ онъ
душевною добродѣтелію, заставляющею насъ
поступать со всякимъ такъ, какъ онъ заслу-
живаешь, и говорилъ, что ученіе есть вождь,
ведущій насъ благополучно къ старости. *Фаво-
ринъ* въ 10 книгъ своихъ записокъ говоритъ,
что онъ часто произносилъ сіи слова, нахо-
дящіяся въ его нравоучительной философіи:

Любезные друзья! нѣшѣ на свѣшѣ настоящихъ друзей.

Его сочиненій, коихъ роспись показала бы обширный умъ сего великаго мужа, найдися великое множество и разныхъ родовъ; а между прочимъ сочинилъ онѣ также и поэму, которая начинается: *Спященный толкочатель боговъ, о ты, который издала достигашь* (*). И одну элегію, кося начальныя слова сущь: *Ты дочь наукамъ изученой матери!* Въ его сочиненіяхъ счислается 449270 стиховъ.

Онѣ раздѣлялъ философію на двѣ части: на есорешическую и практическую, заключаая въ послѣдней нравоучительную и гражданскую науку; а въ сей гражданской наукѣ полагалъ онѣ еще и то, что касается до порядка въ публичномъ и домашнемъ житіи. Къ есорешической философіи причислялъ онѣ Физику и Логику, и сію послѣднюю полагалъ не какъ часть философіи, но какъ удобнѣйшее средство, помощію коего совершенное въ ней познаніе пріобрѣсшь можно. Въ Логикѣ разсуждаешъ онѣ о двухъ предметахъ: о истиннѣ и о правдоподобіи. Къ правдоподобію причисляешъ онѣ Діалектику и Риторикѣ, а къ истиннѣ рѣшеніе и философію, не покидая ничего того, что касается до изобрѣшенія, до разсудка и до употребленія. Чувства полагаешъ онѣ судьями истинны въ разсужденіи дѣйсвѣй

(*) Поелику сей шишулъ приличенъ *Аполлону*, то думать надобно, что онѣ сочинилъ на него *имнѣ*, или похвальную оду.

спвій воображенія, а разумнїя въ разсужденїи вещи, касающихся до народнаго порядка, до частнаго управленія и до законовъ. Онъ полагаешъ одинъ нокмо конецъ блаженства, состоящій въ наслажденїи добродѣшелою въ совершенной жизни. Совершенство же щасшїя заключаешъ онъ въ шрехъ родахъ добра, а именно: въ душевномъ, къ коему причисляешъ мудрость въ вещахъ нужныхъ, благоразумїе въ вещахъ случайныхъ, искусство въ дѣлопроизводствѣ, и шому подобное; въ шѣлесномъ, относя къ оному, здравїе, силу, красоту и все прочее къ сему принадлежащее; и наконецъ въ наружномъ, какъ-шо въ богашствѣ, знапности, славѣ и прочихъ подобныхъ вещахъ. Онъ говорилъ, что добродѣшель не можешъ одина сдѣлашь челоука щасшливымъ, но что нужно, дабы шѣлесное и внѣшнее добро съ оною соединились, шакъ что и мудрой челоукъ почишаешся нещаснымъ, ешлы онъ шрудами бываешъ угнѣшаемъ, или когда находишся въ бѣдноши, или въ другомъ какомъ нещасшїи. Напрошивъ шого ушверждалъ, что порокъ можешъ самъ по себѣ сдѣлашь челоука нещаснымъ, хошя бы онъ и во всѣхъ вещахъ имѣлъ изобилїе. Онъ думалъ, что добродѣтели не сопряжены вмѣшѣ шакъ, чтобы одна за другою послѣдовала; но что можешъ случишся, что разумной, или праведной челоукъ бываешъ невоздерженъ и неумѣренъ; и говорилъ, что мудрецъ не совсѣмъ избѣшъ ошъ спрасшей, но что онъ шолько спрасши умѣряешъ. Дружештво называлъ онъ равенствомъ

снвомъ взаимныя благосклонности, и считалъ оныя три рода: дружбу родства, любовь и дружбу гостепріимства; ибо онъ двоякую полагалъ любовь, говоря, что кромъ той, кошорая состоить въ чувстввахъ, есть еще и другая, кошорую внушаетъ философія. Онъ думалъ, что мудрецъ можеть любить, вступать въ опправление публичныхъ должностей, женишься и жишь при Дворѣ Государей. Изъ трехъ жизней, кошорыя онъ называлъ умщвенною, дѣяшельною и увеселишельною, первую предпочиталъ всѣмъ прочимъ. Науки всѣ вообще почиталъ онъ полезными для снисканія добродѣтели, а въ изученіи Физики отходилъ онъ всегда къ причинамъ; почему спарается и въ малѣйшихъ вещахъ изыскаетъ причину, и сему должно приписать множество комментарій, сочиненныхъ имъ о Физикѣ.

Аристотель, равно какъ и *Платонъ*, опредѣлялъ Бога невещественнымъ Существомъ. Онъ говорилъ также, что Богъ неподвиженъ. Что касается до земныхъ вещей, то онъ утверждалъ, что онъ бывающъ управляемы нѣкошорымъ сокровеннымъ сходствомъ, кошорое онъ имѣющъ съ небесными вещами. И при томъ сверхъ извѣстныхъ четырехъ стихій полагалъ онъ еще пятую, изъ кошорой, какъ - то онъ говорилъ, состоятъ небесныя шѣла, и кося движеніе опмѣнно опъ движенія другихъ стихій; ибо оно бываетъ круговое.

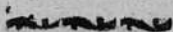
Аристотель пространно объясняетъ и многія другія вещи, кои здѣсь предлагають невѣ-

вмѣ-

вмѣстнѣ; поелику онѣ былѣ чрезмѣрно трудолюбивѣ и остроуменѣ, какѣ - что явствуетъ изъ росписи его сочиненій, коихѣ число почти до чешырехѣ сотѣ простирается, и изъ коихѣ ни единое другимѣ сочинителямѣ не приписывается. На его имя издающся еще многія другія писанія и изреченія, наполненныя остроумія и извѣстныя намѣ изъ преданія.

Всѣхѣ было восемь *Аристотелевъ*: первой шѣ, коего мы жизнь шеперь описывали; другой правитель Аѣнской республики; шѣ сего имѣющся весьма изрядныя судебныя рѣчи. Трешій писалѣ о *Илиадѣ* изъ Омира; чешвершой былѣ вишій вѣ Сициліи, писалѣ кришику на похвальную оду *Исократа*; пяшой сродникѣ *Есхина*, ученика *Сократа*, имѣлѣ прозваніе *Мива*; шешшой родомѣ изъ *Кирены*, писалѣ о сшихотворномѣ искусствѣ; седьмой былѣ наставникѣ вѣ ученіяхѣ, касающихся до упражненія шѣла, и *Аристоксенѣ* говоритѣ о немѣ при описаніи жизни *Платона*; осьмой былѣ грамматикѣ не весьма славной, шѣ коего имѣется одно сочиненіе о наеоназмахѣ, или излишностяхѣ вѣ рѣчахѣ.

Аристотель Стагирита имѣлѣ много учениковѣ, но славнѣйшій изъ оныхѣ былѣ *Феофрастѣ*.

XIX.

Д А Н И И Л Ъ

по рцѣ льпиномѣ,

въ шести пѣсняхъ,

сочиненіе

Фридриха Карла Фонъ - Мозера.

Воспой, богодухновенная Муза! праотца усердныхъ отечества сыновъ, колико суещѣріе и нѣблагодарность, одушевляемы записію позстѣютъ на него избывшаго дѣлами разума преисполненнаго мудрости и вѣры, въ лѣпотѣ чистѣйшей сощѣсти горячайшаго молитвенника Во рцѣ смертномѣ вздыхаетъ благочестивѣйшая душа; Ангелы охраняютъ его жизнь; Государь сталъ его избавителемъ; мщеніе поражаетъ прагопѣ. Спященные лики добродѣтели! воскликните въ радостныхъ пѣсняхъ пысочайшее торжество прапедника!

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Се былъ Даніилъ избраннѣйшій, копорый въ прекраснѣйшій лѣшній день прохаживался въ Царскомъ Вавилонскомъ вершоградѣ. Небо было ясно, яко самая непорочность; воздухъ, яко душа его, чистъ; воню благоуханій испущали высокіе кедры и низкорастущіе кипарисы; соловей воспѣвалъ ушреннюю пѣснь; Феба крошкіе лучи проникали уже сквозь густую тѣнь пресшарѣлыхъ цаль-

пальмовѣ; тамо унылый лебедь между шумящихъ водомешовѣ плавалѣ; тамо испещренный попугай клевалѣ сочныя почки финика и колибриша; вся природа въ величїи своемѣ взирала на него.

Обонѣ полѣ езера, копорымѣ неисчерпаемый *Евфратъ* удобрялѣ Царскїе верхограды, шествовалѣ *Данїилѣ* между испещренныхъ цвѣтшиковѣ, копорые величїемѣ несчетныхъ красотѣ, райской красотѣ уподобляясь, блисшали въ полномѣ сїяніи солнца. Оно, взирая на него, видишѣ въ немѣ угодника Творца своего, и младый свой блескѣ испускаешѣ на сребровидныя власы сего почтеннаго спарца. Вся шварь возопила ему: *Всякое дыханїе да хвалитѣ Господа!*

Но мрачныя мысли ошягощали *Данїилоу* духѣ, привыкшїй хвалу Всевышнему пѣши. Краснѣйшїй день былѣ для него мраченѣ, какѣ будшо бы кровь, коея сѣра, чувствующая вдали громѣ, зажигалась во внутренностяхѣ, производила въ оныхъ искры глубокїя задумчивости; онѣ спѣшилѣ къ спросенїю слоноватаго двора, вблизи баней стоящаго, ожидая Царскаго пришесшвїя.

Удвоеная свои стопы, находилса онѣ вблизи львиной пещеры, гдѣ царя звѣрей слышанѣ былѣ свирѣпый ревѣ. *Данїилѣ* спѣшилѣ, но хладный потѣ разливаешся по его членамѣ; чувствуетѣ слабое бїенїе крови въ удрученномѣ своемѣ сердцѣ; необычныя печальныя предчувшвованїя овладѣли великою его душею.

Сгибая руки, возводя очи горѣ, шеряещѣ гласѣ; слышны шолько одни въздыханія, -- долгое шерзающее его молчаніе -- единое сокрушеніе! источникѣ слезѣ горестшей омывалѣ ланишы его. Онѣ спѣшилѣ.

Повергшись на омоченную слезами землю, дыхая сѣ шомношю, ишпоргались шокмо изѣ ушѣ прерывающіяся слова: Какая скорбѣ! Боже мой! -- ошцевѣ моихѣ Боже! какая шуча! какая печаль шерзаешѣ мою душу! Кѣ Тебѣ, кѣ Тебѣ вопію изѣ глубины, Господи! Ты Богѣ сердца моего! Ты Богѣ Твоего народа! Доколѣ пребуду еще во узахѣ плоши! доколѣ еще въздыхаши мнѣ вѣ злочешивомѣ семѣ народѣ! Удалился онѣ ошѣ Тебя, и впредѣ едва когда либо олшарямѣ Твоимѣ покланяшися будешѣ! -- Суевѣрная шпраша -- сласшюлюбивый Дворѣ -- иновѣрный Царѣ -- коварные священнослужители -- о Боже! не шщепна печаль души моея: можешѣ бышь Ты избавиши. --

Даниилѣ узрѣлѣ Государя, поспѣшными шпопами низходящаго сѣ высотѣ великолѣпнаго зданія, которое предки почитали чудомѣ своего вѣка. Пріобыкши званіе свое предпочиташѣ собшвеннымѣ своимѣ нуждамѣ, ушодялѣ онѣ шекущія еще свои слезы, спѣшилѣ на встрѣчу Государю, и налѣ предѣ нимѣ.

Мужешшвенное сердце побѣдоноснаго сего Царя было по природѣ ко дружелюбію преклонно; вѣ геройской его душѣ еще не зашущены швойшсва крошчайшаго и неразрывнаго межѣ

ими согласія. Старость, которой не насыщали уже ни прелести умерщвленные чувствственности, ниже слава безъ труда одержанныхъ побѣдъ, предоставила зрѣлому духу еще одно и достойнѣйшее желаніе, чтобъ, приобрьшя оружіемъ вѣнецъ, приобрьсть довѣренностию и друга.

Даніиль, мудрѣйшій изъ премудрыхъ, дважды извлекаемъ и дважды ввергаемъ былъ въ необитаемую мрачность пещицы. Съ по-ликимъ презрѣніемъ отвергнувъ нѣкто изъ легкомысленныхъ неискущенную опытомъ дрсву, и бросилъ во глубину; но уничтоженная оная дрсва по тысящнолѣшномъ пребываніи рукою искуснѣйшаго испыщателя естества, паки обрѣшена, и явилась драгоцѣннымъ камнемъ, который сіяетъ въ вѣнецъ Шаха *Аппанта*. Наконецъ открылся *Дарію*, ибо онъ достоинъ былъ *Даніила*, рѣшишельный шопъ часъ, никогда непредчувствуемая, всегда желанная и едва либо ожидаемая минуша, дабы прежде совершенія еще славнаго его печенія жизни наслаждашися покоемъ и тишиною въ объятіяхъ любимѣйшаго друга. Душа его чувствовала тогда сильныя никогда еще неслыханныя дѣйствія, когда *Даніиловъ* духъ впервые приближался къ ней съ равною силою *Илектра*.

Тако герои познаютьъ героевъ. Еще видѣлъ *Дарій* въ очахъ его крѣпкую и невещшаемую силу, коего онъ исполковалъ *Напуходочосу* скопское его состояніе, а *Мени* и *Фехель* въ сладострашніи погруженному *Валтасару*.
Истин-

Истинна была въ отвѣсахъ его, премудрость открывалась въ словахъ его, Божественный свѣтъ оживошворялъ каждую его рѣчь. *Дарій* сыскалъ въ немъ честнаго человѣка и себѣ друга; принялъ скорое намѣреніе, какъ побѣдитель, и повелѣлъ властительнымъ образомъ, какъ Государь, чшобъ *Даніиль* впредѣ былъ близъ Монарха; и въ такихъ лѣсахъ, кои покоя и облегченія требовали, принужденъ онъ былъ паки воспринять на рамена свои бремя половины государства.

Но сколь ни дорого стоить преимущество бытъ другомъ Царей, шотъ, который научился носить много, нынѣ все долженъ былъ на себя подъяти. Наикратчайшей лѣшней ночи печеніе весьма медленно Государю казалось, когда онъ, наскучившись шудами правленія, помышлялъ наигящее свое попеченіе вложить въ сердце избраннаго *Даніила*.

Уже, возложъ побѣдоносную руку на рамена вѣрнѣйшаго и достойнѣйшаго своего раба, обшекъ онъ *Семирамидину Аркадію*, какъ въ лицѣ *Даніилопомъ* увидѣлъ премѣну, знаменованія преисполненную: истинна и глубокое посшоянство сіяли въ быспрозришельномъ его окѣ, и орошенныя слезами ланишы пламенѣли, какъ рубины, окружающіе огненный бриліантъ.

Да будешъ слово мое непреложно, рекъ онъ; воззри на меня, и въ очахъ моихъ испышай смущенныя очи швои; поздно возсіялъ нынѣ для меня день сей, да повѣдаю шобъ, чшо любовь моя къ шобѣ совершенна.

Поистиннѣ не должнобъ было рабу швоему явишися предѣ шобою печальнымѣ, ошвѣшшвовалѣ *Даніилѣ*, коль лице швое оживляетѣ его! но черныя облака покрывающѣ вечерѣ дней моихѣ. Однако да не удалишся отѣ тебя радость никогда! да благо тебѣ будешѣ во вѣки!

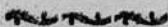
Ты, пресѣкѣ сѣ прискорбіемѣ рѣчь его *Дарій*, не долженѣ мнѣ шакѣ ошвѣшшшвовати, какѣ *Ралефѣ*; я не шакѣ сѣ шобою бесѣдую, какѣ сѣ Персами. Ты вчера былѣ свѣшшлостію подобенѣ солнцу о полудни, нынѣ не шребую отѣ тебя желаній, но сѣ важностію имѣю вѣщаши тебѣ. -- Уже девять мѣсяцовѣ миновало, какѣ я принялѣ правленіе сего государшва; но не взирая на шо, ешшли бы я прежде сего вѣдалѣ злобный нравѣ сего народа, шо Мидія моя пребыла бы для меня довольно велика. Никогда не могу безѣ презрѣнія смотрѣшѣ на шѣхѣ, коихѣ покорилѣ я спящихѣ; никогда не будущѣ мнѣ вѣрны шѣ, кои самимѣ себѣ и своему ошечеству были не вѣрны. Я ихѣ возвысилѣ; се предстояшѣ они, измѣнники! Малодушіе ихѣ шребовало отѣ меня сего мздовоздаянія; но навсегда они пребудущѣ шаковы, каковы и нынѣ сущѣ. Сѣ раболѣпшвомѣ наклоняющѣ они предо мною свою выю, однако вѣ сердцахѣ ихѣ владычествуетѣ неблагодарность, шакѣ какѣ коварштво вѣ лицѣ ихѣ. Я отѣ нихѣ безопасенѣ единшвенно чрезѣ шрахѣ ихѣ, они же ненасышныя никогда не прешающѣ шребовашѣ; **хотя и сами знающѣ, сколь мало они заслу-**

жиѣ

живаюшѣ, но шребуюшѣ однакожѣ награжденія, по обычаю Персовѣ, какѣ бы за должность. Называюшѣ меня жеспокимѣ для того, что не подражаю злобному ихѣ обычаю; поносяшѣ меня сребролюбивымѣ за то шолько, что не раздѣляю сѣ ними моего царства; предлежишѣ мнѣ непрестанно бояшѣся, чтобѣ они и со мною не поступили шакѣ; какѣ сѣ *Валтасаромѣ*. Несносно мнѣ, *Данииле!* весьма несносно мнѣ быши Царемѣ надѣ измѣнниками; никогда не могу обязашѣ сѣбѣ сихѣ неблагодарныхѣ, спыжуся владычествовашѣ надѣ развратнымѣ и легкомысленнымѣ народомѣ. Дни мои сокращаюшѣся, и я справедливымѣ признаю за мои побѣды бышѣ по крайней мѣрѣ награжденну покоемѣ, котораго шребуешѣ моя спаросѣть и понесенныя мною шяжесши. Не хочу препровождашѣ время вѣ женской праздности, ниже помрачашѣ пьяншвомѣ ума моего; но желаю шолько уштранишѣся ошѣ несмысленнаго *Елака* и измѣнника *Напапа*; шану упражняшѣся вѣ чшеніи повѣшшвованій о побѣдишеляхѣ, и ихѣ дѣламѣ сообразовашѣся своими. Вѣ сихѣ верпоградахѣ желаю веселишѣся красошами природы, и ежечасно буду благодаришѣ боговѣ, кои чуднымѣ образомѣ избавили меня ошѣ шяжчайшаго бѣдшвія.

Первѣйшая моя минуша, *Данииле!* вѣ то время, когда Вавилонѣ былѣ мнѣ увеселеніемѣ; первѣйшая минуша была ша, вѣ которую узрѣлѣ я шебя. Душа моя обѣщала мнѣ сыскашѣ то самое, что вѣрность

твоя доселѣ мнѣ подшверждала. Я, часто прельщаемый, когда легко вѣрилъ первымъ побужденіямъ склонности, никогда не открывалъ еще себѣ, сколь сильныя движенія объяли меня, когда ты, впервые опѣв меня будучи воспреобанъ, на многіе мои запросы опвѣщшвовалъ нѣгдѣ. Съ великою довѣренностію препоручилъ я себѣ правленіе южныхъ провинцій; ты превзошелъ еще мою надежду; никогда не доходили ко мнѣ опшуду жалобы; и естли бы я шолько могъ ревновать своему рабу, шо сіе было бы тогда наипаче, когда я слышу, сколь безмѣрно любишь себя народѣ. Ты никогда еще не просилъ опѣв меня ничего; ты содѣлалъ мнѣ шрудѣ воспріять шо, чѣмъ другіе едва бы были довольны. Вѣрность швоя прогаешь меня: ты шощѣ, о комъ я повѣрить могу, что служишь мнѣ опѣв чистаго сердца. Ты видишь на мнѣ сіе одежды благолѣпіе, а я чувствую шяжестъ онаго; я знаю швою спарость, но вѣдаю и швои силы, и шо, что имѣешь духъ Божественный; шо себѣ легко естъ, что для другихъ было бы несносно: для того хочу посшавить себя вѣ царствѣ моемъ первымъ изъ всѣхъ моихъ чиновачальниковъ, и обрѣсти опраду дней моихъ вѣ шомѣ, что ты будешь одинъ, коого ушпамн спанешѣ вѣщаши народѣ ко мнѣ и я къ народу.

Даніиль съ благоговѣніемъ внималъ рѣчи Царевой; но горячіе вздохи испоргались изъ удрученной его души. Онъ, шествуя во все-

всегдашнемъ присутствіи Божіемъ, возсылалъ каждое Царево слово къ Богу отцевъ своихъ. Повсечасно желалъ онъ лучше имѣть себѣ Царемъ *Давыда*, или *Соломона*; но въ непрестанномъ посвященіи своихъ желаній волѣ Божіей, будучи обыкновенно водимъ десницею Провидѣнія, смотрѣлъ паче на свою должность, нежели на господина, который оную препоручилъ ему, и въ самымъ пираннахъ (изъ числа коихъ *Дарій* не былъ) почиталъ образъ Всевышняго. Воспомявая великіе примѣры своея церкви, воздыхалъ онъ и тогда еще съ горячностію вѣры, основывающеюся на всемогуществѣ Божіемъ. Ты, который изъ пастырей овчихъ избралъ *Давыда*, мужа по сердцу Твоему, главою народа Твоего, Господи! здѣсь нѣшъ ни *Самуила*, ни *Елея*. Но Ты-то Тотъ, Ты превѣчный Богъ своего народа, свѣшъ Твой да не удалится отъ меня въ часъ сей! Твоя воля да будетъ моею волею, когда я имя Твое прославить и плѣнному Твоему народу послужить долженъ! Господи! се рабъ Твой есмь; никогда не пошребую знаменій и чудесъ для познанія воли Твоей. Но нещестно Ты проникаеши ушрбю мою, дерзаю молишь Тебя, Господи! дерзаю молишь Тебя: избави меня отъ печали сердца моего, да паче уразумѣю хотѣнія Твоя; ибо какъ мнѣ сквозь облака взирашь на солнце, и какъ мнѣ бышь мирну въ спремленіи бурь?

Не всуе, Царю! рекъ *Даніиль*, позналъ ты смященной зракъ въ очахъ моихъ, смущеніе

щеніе въ сердцѣ моемъ ; ибо предчувствія мои, кои всегда были справедливы , то вѣщали мнѣ . Да не возспанешъ во мнѣ когда либо помыслъ , уничижающій твои милости ; достоинство оныхъ состоитъ уже во словахъ твоихъ . Но какъ поистиннѣ Государю моему пошребно благоденствіе , такъ напрошивъ того не довлѣетъ живу бышь рабу твоему , да не содѣлается въ рукѣ его твое злощасіе . Ты хочешь возвеличить меня для униженія самаго себя ; ты хочешь дашь мнѣ власть , да будешь самъ безвластенъ ; ты устремляешь желаніе твое къ покою твоему , но самъ ты повѣдалъ мнѣ : не имѣшь никогда покоя , есть то жребій Царей . Если Мидія для великости духа твоего довольно просшранна была , такъ почто жизнь твою подвергалъ шоликимъ опасностямъ для того единственно , чшобъ получишь вѣнецъ , кошорымъ ты шеперь гнушаешься ? Неблагодарность , любосшжаніе и рабской нравъ не однимъ Персамъ свойственны , но сія есть , какъ повѣствуетъ *Астиагъ* , природа почти всѣхъ придворныхъ . Ты хочешь удалиться отъ невѣждъ и предашелей : имъ ничто не будешь пріятнѣе сего ; ошдали ихъ отъ себя , то станушъ они признавать , что ты Царь еси . Ты намѣреніе имѣешь повелѣть чинашь предъ шобою повѣсти о дѣлахъ побѣдителей , но ты самъ побѣдишь еси ; шворишь дѣла есть славнѣе , нежели слышашъ объ нихъ . Справедливо жалуешься на легкомысленный народъ , однако и всегда ты жаловался на своенравіе Мидянъ . Легкомысленны суть Пер-

сы; въ легкомыслии они *Напуходоносора* низринули въ скопское соснояніе, а *Валтасара* среди игры и веселія убили; но ихъ легкомысліе шебѣ ихъ подвергнуло; шакѣ не лучше ли легкомысліе, нежели злоба? Еще дѣпскія и несовершенныя разсужденія имѣешъ сей народѣ, какѣ же можно возлюбить имѣ шолікія новоспи? Твоей шолько мудроспи предоспавлено по нынѣ было приведеніе ихъ поняшія въ надлежащій порядокѣ и исправленіе ихъ нравовѣ; шы народѣ свой сдѣлаешъ благополучнымѣ и мудрымѣ, еспшли легкомысліе Персовѣ сѣ поспоянною важностію Мидянѣ, и воинскую суровость Мидянѣ сѣ роскошнымѣ житіемѣ Персовѣ соединишь будешъ въ соснояніи. Долговременно будешъ для шебя процвѣшашъ сіи сады, и безпрерывно новыя роды пшицѣ будешъ воспѣвашъ шебѣ, возбуждая кѣ хваленію всевышняго Зиждипеля; но сіе единообразное зрѣлище, сіе повсядневное пѣніе никогда не наполнишь проспранства шрудолюбиваго швоего духа. Да властвуетъ другой надѣ цѣвшами и живошными, *Дарій* да будешъ Царемѣ человѣковѣ! Еспшли бы радость могла еще подѣйспвовашъ въ преспарѣлыхѣ моихѣ жилахѣ, шо поиспиннѣ хладѣющая уже кровь сія должна бы шещи въ горячемѣ и радосшномѣ спремленіи, когда Царь мой и повелишель сполько ободряешъ меня свидѣтельспвоаніемѣ своимѣ о моей вѣрноспи и безкорыстіи. Однако величайшую невѣрность явилѣ бы я шебѣ, о Царь! еспшли бы изѣ руки швоей принялѣ шу честь, кошорая одному

нѡму шебѣ приличествуетъ; съ благодарно-
стію подѣ новыя бремена наклонилъ бы я
выю свою, отѣ угнѣшенія множайшихъ лѣшѣ
уже согбенную; но шажести, мною у шебя
ошѣмлемыя, были бы шоль многочисленныя
камни, кои бы я похищаль изѣ швоего вѣнца.

Вѣ самой юности пришелъ я изѣ спра-
ны опцевѣ моихъ вѣ сіе царство познашь
его обычаи и законы; именишую часть наро-
да швоего ввѣрилъ шы смѡренію моему и
покровительству: и шакѣ первѣйшее изѣ всѣхъ
моихъ попеченій было шо, дабы премудрѡсть
избранія швоего доказашъ непорочнымъ моимъ
жишіемъ; приносимое миѣ благодареніе при-
писываль я шебѣ и швоему крошкѡму и мило-
сердѡму правленію; однако и о шѡмѣ памя-
шоваль, что я есмь пришлецѣ сея земли, и
вѣ вѣкѣ да будешѣ ошдалено отѣ меня слы-
шашъ сіе: „*Дарій*, покоривѣ Персію, вручилъ
нѣкому иноплеменнику царство свое, а себѣ
избраль покой. „ Какѣ бы я дерзнулъ похи-
шить чешѣ моего Государя! Однако охѡшно
желаю Персамъ и Мидянамъ предшествовать
примѣромъ покорности и преданности. Мы
есмы земля швоя, и ревностно желаемъ про-
изводишь и живность и влагу для продолже-
нія швоихъ дней; шы же одинъ шокмо пре-
буди намъ древомъ, подѣ коего просшранною
и мирною шѣнію народѣ швой покоишися бу-
дешѣ. Тысяща рукъ совокупились бы для по-
губленія меня, ешляли бы пожелаль я бышь
древомъ, едва будучи вѣшвію онаго. Ешляли
жизнь раба швоего снискала цѣну вѣ очакѣ

твоихъ, що испреби, о Царю! помышленіе, которое было бы для меня смертоноснымъ прежде твоего опредѣленія.

Уже *Дарій* возложилъ руку на украшеніе главы своея, готовясь кляшися богами, что милость его къ нему будетъ безъ конца, и никто не дерзнетъ вредить ему, какъ *Даніиль*, приклоня колѣна свои, молилъ его не дѣлать никакой кляшвы, которую соблюсти можеть быть выше силъ его будетъ. И самые наилучшіе изъ Государей, вѣщаль онъ, при сщеченіи необыкновенныхъ обстоятельствъ въ шоропливости приносили на жертву самыхъ вѣрнѣйшихъ своихъ слугъ: во Дворахъ не поставляюща на злыхъ навѣшны, въ садахъ не срывающа злосмрадны цвѣты, смертельная стрѣла охошника устремляется только на храбраго льва и красиваго леопарда; во глубокихъ нѣдрахъ земли съ великимъ трудомъ ищутъ однихъ адамантовъ драгоценныхъ. Еслили оставишь меня, Царю! во множествѣ людей, що солнце твоихъ благошворностей будетъ согрѣвать меня; но оно опалишь меня, когда взоры твои вмѣстѣ соединенные на меня одного обратишь.

Возшедшу уже солнцу на высоту небесную, *Дарій* возвращался въ свои чертоги, и опложилъ на слѣдующій день бесѣдою своею лучше уговорить *Даніила*.

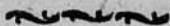
Издалеча смотрѣли знашнѣйшіе Двора на Царя, долго и дружески бесѣдующаго. Вошъ идетъ онъ, вѣщаль *Напанъ* очами пламенѣющими опъ ревнованія и зависти; вошъ идетъ
Иудея-

Иудеянинъ ! скоро и мы принуждены будемъ сдѣ-
 латься Иудеями для заслуженія Царской милости.
 Долго шерзали они брады свои и шепшали въ се-
 бѣ слова кипящей злобы , какъ *Едомъ* , сынъ
Напца , Царевъ оруженосецъ , съ шоропливо-
 стію пришекъ къ ошцу своему : Тамъ стоялъ я ,
 рекъ онъ , позади одного толстаго кипариса ;
 медленно Царь шествовалъ мимо меня , и я при-
 лѣжно внималъ словамъ его : онъ не видѣлъ
 меня ; но , ошче , о ! лучше бы мнѣ никогда бы-
 ло не слышати гласа сего : онъ глашалъ имя
 швое , онъ поносилъ себя измѣнникомъ и из-
 далеча слушалъ я о испроверженіи . . . .

Кровь моя , рекъ *Напцъ* , да будетъ на
 душѣ швоей , чадо , ештли несправедливо по-
 вѣдаешь о рѣчи Царевой . Буди тако , вопіетъ
Едомъ ; душу мою да испоргнетъ рука швоя ,
 ештли не истинну вѣщаю тебѣ .

Внемлите , знаменитые Персы , взываетъ
Напцъ ; внемлите награду за вашу вѣрность !
 Царь нарицаетъ насъ измѣнниками ; внемлите
 изъ устъ сего опрока , истинну повѣдающаго ;
 ухо его слышало сіе изъ устъ Царевыхъ ; уже
 мечь его обнаженъ на насъ , уже говорилъ онъ
 объ опроверженіи . Сии минушы драгоцѣнны :
 или намъ , или шому нечестивому Иудеянину
 подобаетъ умерети . Одна ешь всѣхъ насъ
 жизнь , одно шокмо ошасется для насъ спасе-
 ніе ; сей пришлецъ ешь шопъ , кошорый по-
 хищаетъ ошъ насъ милость Цареву , кошорый
 судитъ о всѣхъ нашихъ дѣлахъ . При *Вал-*
тасарѣ уже своими прокляшыми сновидѣнія-
 ми и предзнаменованіями привелъ бы онъ

насѢ ко краю гибели, есѣли бы мы по нуждѢ не сошворили добра, и Царя, вѢ винѢ пошопленнаго, вѢ началѢ не умершвили. Мы никогда не можемѢ надѢяться на Царя, никогда не будемѢ для самихѢ себя безопасны, доколѢ не испребимѢ сего сновидца, кошорый игралѢ надѢ нами шoliko чудныхѢ превращеній.

Такo месѣ возжигалась вѢ черномѢ духѢ низпадшихѢ ангеловѢ; сѢ шolikoю жадностію ожидали приговора *Велзепулота* демоны низшихѢ чиновѢ, когда они, движимы адскими побужденіями, совѣщавали о прельщеніи перваго человекѢ.

Буди шако, далѢ *ТомарѢ* знакѢ; первое предпріятіе есѣ здѢсь наилучшее: не увидишѢ онѢ уже заходящаго солнца; *РешіерѢ*, вѢрнѢйшій мой рабѢ, сего самаго дня да убіетѢ его.

Не сошвори сего, возразилѢ *Малека*, чшобѢ ПерсѢ жизнь свою подвергнулѢ опасности за жизнь сего Іудеянина: шысяща непредвидимыхѢ случаевѢ могутѢ швое предпріятіе открышѢ, или уничтожишѢ. ДолженѢ умрети шотѢ, кошорый поноситѢ насѢ предѢ ЦаремѢ измѢнниками; но надобно, чшобѢ шo былѢ Царь самѢ, кошорый его погубишѢ. Тогда - шo мы будемѢ безопасны; шoгда - шo исчезнетѢ во иноплеменникахѢ желаніе клеветашѢ на насѢ и надѢ нами владычешствовашѢ.

Чшо намѢрены мы сдѢлашѢ, примолвилѢ *ЕлакѢ*, да будешѢ сего же самаго дня сдѢлавно. СовѣшѢ швой, *Малека*, кажешся мнѢ гораздо надежнѢе, нежели *ТомарошѢ*. Царь да будешѢ самѢ ошмщевашій ему за насѢ;

тогда ужасъ нападешь на Иудеевъ, ужасъ на народы, никто не будешь намъ сопрошивляшься, ни одинъ не ошважись паки похишишь отъ насъ довѣренность Цареву. Не трудны мнѣ кажутся средства низринуть его. Ты, находясь въ службѣ государства долговременнѣе, нежели я, вѣдаешь совершенно начало благополучія сего чужестранца. Не былъ ли онъ уже во время *Напуходоносора* правителемъ надъ сокровищами государственныхными? Откуда произшелъ великолѣпный сей домъ? Откуда сіи сады достались плѣннику? Не отъ престола ли онъ ихъ похитилъ? Неслыханное и Персидскимъ правамъ противное дѣло, поставишь чуждаго надъ цѣлыми провинціями! Не напрасно онъ, царствовавшу *Валтасару*, отверженъ былъ отъ Двора. О естли бы онъ и во вѣкъ живымъ не ошался отъ того дня! Сколь много причинилъ намъ труда онъ, конечно не иной кто! Сколь сильно огорчалъ онъ насъ тогда, когда мы просили у Царя 500 сиклевъ! Безпрестанно представлялъ онъ о ненарушимости правъ всенародныхъ, о вольностяхъ подданныхъ, коихъ наущалъ онъ вшайнѣ просить Царя о облегченіи податей. Корыстолюбіе ли то, или безуміе было, но подданный долженъ вѣдать, что онъ рабъ естъ. Онъ помышлялъ наипаче ласкашествомъ вниши въ любовь народа, и тѣмъ получишь державу государства. Конечно, *Малека*, представлениемъ сихъ причинъ благоуспѣшно учинимъ мы измѣнникомъ того, который дерзнулъ насъ шаковыми представить.

Рапелъ, старый коварный злодѣй, выслушавъ рѣчь *Елакопу* съ молчаніемъ, возопилъ: О Персы! вы копаете другимъ ровъ, но сами въ него ввержены будете. Все предлагается *Елакомъ* не поколеблетъ Царя; если только послушаетъ онъ нашего супостата, то мы погибли, а онъ спасется. Мы должны доказатьъ то, чѣмъ его упрекаемъ; если только докажемъ одно что, то прошивъ насъ онъ докажетъ въ десять разъ болѣе. Наша польза требуетъ не открывать никогда Царю очей: что онъ доселѣ дѣлалъ, въ томъ имѣлъ онъ власть по Царскимъ повелѣніямъ; домъ его что значить противу нашихъ? А сверхъ того домъ шопъ получилъ онъ въ даръ отъ самаго Царя. А буде въ шомъ сомнѣваться спанемъ, то и сами лишимся всего своего имѣнія. Онъ представленіями своими защищалъ народъ, для чегожъ мы хотимъ подвергнуться гнѣву народа и Государя? Его любилъ народъ, коему онъ ласкашельствовалъ; и легко могло бы обратиться на насъ то, что мы ему приготавливаемъ. Я бы давно уже охотно желалъ и окомъ моимъ убить его; я уже часто умерщвлялъ его мыслями, и нынѣ довольно имѣю ошважности самъ возложить на него руку. Но онъ, Іудеянинъ, имѣетъ союзъ со звѣздами: никто еще не имѣлъ щастливаго успѣха въ своемъ намѣреніи, ктѣ только помышлялъ лишить его живоша. *Сапа*, священникъ Солнца, повѣдалъ мнѣ въ Елвиранѣ, что онъ есть чародѣй и знаетъ искусство

сдѣлашь себя невидимымъ. Повѣрьше мнѣ, Персы, чшобъ намъ избавишься ошъ него, одно оспаешя средство, состоящее въ слѣдующемъ: надобно пощипься ошвлещи его ошъ Бога его. Сей спарый иновѣрѣ не спанешъ покланяшья нашимъ богамъ; принудишь же его къ шому силою, былъ бы шо пущь къ избавленію его. Я видѣлъ, какъ *Напуходоносоръ* повелѣлъ брашю его ввергнушь въ пещь огненную; они молишвами своими спаслися невредимы. Надлежитъ ошбьяшь ошъ него молишвы; ибо доколѣ Іудеянинъ пребудетъ въ моленіи, дошолѣ, по мнѣнію сего народа, непобѣдимъ оспанешя.

Съ радосшнымъ плескомъ злочестивое сонмище приняло совѣшъ *Рапалоиъ*. Возгордившись симъ предпріяшесмъ своимъ, и дерзко ошваживаясь къ исполненію онаго, самъ принялъ на себя шрудъ учинишь о семъ предложеніе Царю.

Еще змѣй, искусившій *Епу*, не являлся на землѣ, цѣлое царшво шьмы признало видѣ его съ сашаническою радосшю, какъ *Рапалъ* вошелъ въ Царскіе чершogi.

Высокій испонченный шрупъ, въ коемъ менасышныя роскоши оспавили шолько нѣкоторую шѣнь человѣческаго образа; малыя впадшія очи, изсохшія ланишы, червленная брада, лживая, какъ самое его сердце, всѣ его поступки, покрывающіяся двуобразнымъ ласкашельствомъ, пресмыкающіеся взоры; пещъ шо былъ въ крайнѣшемъ униженіи, хищный звѣрь по всѣмъ движеніямъ мрачныя своя души.

Царю ! рекъ онъ , во вѣки живи ! Сей день да будешь прекраснѣйшій въ швоей жизни ; яко побѣдитель еси ты Царь сихъ великихъ государствъ ; по изящнѣйшимъ же своимъ дарованіямъ достоинъ быши и обладаешь всѣхъ сердець всего швоего народа. Щасливо есть швое царство подъ скиптромъ наипремудрѣйшаго изъ всѣхъ смертныхъ ; не доспашъ словъ намъ , швоимъ рабамъ , изъявишь нашу преданность ; однако сіи наши недоспашки языка должна замѣнять самымъ дѣломъ наша вѣрность. Твои князи , вельможи , совѣшники и чиновачальники , здѣсь собранные , меня избрали возвѣсшишь тебѣ величайшій знакъ ихъ покорности. Мы чрезъ долговременные опыты , зная обычаи сея страны , примѣшили , что Персы лучше спрахомъ , нежели крошостью управляются. Врожденное имъ легкомысліе , безпокойный и къ премѣнамъ преклонный духъ шребуешь всегда шаковыя предосторожности. Одинъ шочію гласъ , ко-го всѣ послушаютъ , да возгремишь во всемъ царствѣ ; въ тебѣ шокмо , Царю ! долженъ бышь прешоль всѣхъ усшавовъ и испочникъ всѣхъ милосшей ; мы же , первѣйшіе изъ швоихъ рабовъ , первѣйшіе будемъ въ повиненіи и вѣрности. Да угодна тебѣ будетъ , Царю ! сія жершва подданнической покорности , которую мы приносимъ именовъ всѣхъ швоихъ рабовъ ; да сошворимъ предъ лицемъ всего народа досшойнымъ шо , что ты всѣмъ спра-намъ швоея державы вѣщаши благоволилъ сіе велѣніе : что кшо въ шридешать дней какому

либе

либо Богу, или человекѣку будешъ молишия, кромѣ тебя, Царю, одного, да вверженъ будешъ въ ровъ левскѣ. Сіе естъ писаніе повелѣнія; да будешъ шокмо угодно тебѣ подшвердишь оное.

Единодушно, какѣ шѣни ношныя, по данному отъ *Рапала* знаку пришекли съ, поспѣшностію *Елакѣ*, *Томарѣ* и *Напалѣ* и умоляли Царя. По примѣру бывшихъ во всѣ времена льсещовѣ мыслилѣ и дѣлалѣ сей мерзскій сонмъ: пресмыкающійся гласѣ нѣколикихъ измѣнниковѣ назывался здѣсь словомѣ цѣлаго государства; варварская ихѣ къ убійству склонность честію престола, ихѣ любоспяжаніе вѣрностію къ Царю, шерзаніе ихѣ совѣсти униженнымѣ подобоспращіемѣ, жадность ихѣ къ пролишію крови вѣрноподданническою должностію. Коварно взирали на него сіи единомышленники; они не касались его любокорыстіемѣ и сребролюбіемѣ, не прельщали его дарами и сокровищами: они посшавляли на него сѣши, коими одни герои уловляющся. Сіи супъ: польза честіи, высочество престола, уваженіе имени, повиновеніе цѣлаго государства, спрогость величешва, истинный страхѣ въ новопокоренной спранѣ, поправленіе общешвеннаго состоянія, приведеніе въ безопасность отъ всѣхъ случаевѣ, не винный опытѣ, кошорый вредитѣ однимѣ непокоривымѣ; помышленія, намѣренія, кои самыя усшремляющся на мысль *Даніила*; подобоспращныя униженія шѣхѣ, коимѣ не довѣряшъ предшояшѣ шысящи причинѣ; почшеніе,

ніе, которе хоша и велико, шолько нежела- шельно; важныя разсужденія, ведушія къ неизвѣснѣмъ предѣламъ, гдѣ челоуѣколюбѣць ошѣ героя и князь ошѣ Государя ошличаетсѣя.

Они ожидають, злобныя свои взоры вперя въ лице Царѣво, усугубленное въ помышленія; онѣ возноситея духомъ по причинѣ оказаннаго смиренія ошѣ лицемѣровѣ. О естѣ ли бы въ вѣкъ не являласѣ та пагубная минуша! Онѣ обольщаетсѣя, и къ шому писа- нію прилагаетѣя руку.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Еще *Даниль* былѣ во Дворѣ, какѣ легко- мысленный *Рапаль*, восхищасѣя злочестивою радостію, спѣшилѣ о повелѣніи Царѣвомъ впервые возвѣсшиси ему.

Какѣ грозными во снѣ привидѣніями уштрашеннѣ челоуѣкъ нечаянно на свѣшѣ взирая, пробуждаетсѣя: шакѣ ошрымъ взорамъ *Данилопымъ* предсшавиласѣя вся вели- кость его печали. Но какѣ военачальникѣ, которой всегда гошовѣ къ побѣдѣ, или къ смер- ши, при возвѣщеніи нешрїательскаго нападѣнія укрываетсѣя ошѣ проникающихѣ очей вѣролом- наго измѣнника: шакѣ и другѣ Господень взи- растѣ на сего невольника сѣ благородною хо- лодностію.

Онѣ молчитѣя. . . . Тако праведникѣ на- казываетѣя предашелей. Онѣ молчитѣя. . . . однако шокмо при *Рапаль* и его сонмищѣ.

Око Всевидящаго видѣло, ухо Всевѣдуща- го слышало сильныя движенія, въ коихѣ ду- ша

ша *Даніилопа* располагала свое намѣреніе. Еще пламенѣлся языкъ его опъ огня олшарева, коимъ прикоснулся къ нему Херувимъ; еще духъ его пылалъ ревностію къ почитанію Бога! . . . .

Онъ спѣшилъ тогда къ *Дарію* обличить невѣрнаго Царя; спалъ среди Двора, и клялъ хулишелей Всемогущаго, спараяся побудить брашій своихъ сколько возможно защишить вѣру. Ахъ! нѣтъ! онъ молчитъ. . . . онъ, копорый и неправедныя велѣнія исполнялъ великодушно. . . . Молчитъ, извѣдавъ въ долгомъ печеніи жестокихъ искушеній, что шерпѣніе и молчаніе часно бывають лучшее редство, нежели сопротивленіе и прѣшивоборствованіе. Чего мы никогда не открываемъ неприятелю, то самое исповѣдуемъ предъ Богомъ шѣмъ съ вѣщщею смѣлостію.

Занимаясь Богомъ своимъ, спѣшитъ онъ въ безмолвіи проліяшь предъ Нимъ молишвы.

Гдѣ молишься свяшый, шамо ешь и храмъ. Вздохи, посылаемые къ *Салиму*, возвышенный вопль о свободѣ народа Господня; моленія, полны горячности; пѣнія, исполненны плачевныя надежды, *Давидскіе* гласы, псалмы *Юассафоны*, благодарныя слезы за услышанную молишву, высочайшія вдохновенія, небсныя видѣнія, ошкровенія Мессіины, въ вершоградѣ сего вельможи споящую храмину давно уже посвятили во свяшилище.

Предъ однимъ Вездѣсущимъ изъ глубины вѣры проливались сильныя моленія. . . . Се проспертъ предъ Тобою, Господи! азъ со-

зданіе и рабъ Твой. . . . Бѣдствіе было еще въ сей день моимъ пѣніемъ, слезы моею молитвою. . . . Ты вѣси пайная. Ты единъ предвидишь печеніе нынѣшняго дня, знаменнѣйшаго въ моей жизни. Такъ ли и въ самой вещи? . . . Но нѣшъ, Господи! довлѣешь для меня, что Ты оное вѣси. Твоя естъ власшь и Твоя чесшь, въ Тебѣ одномъ состоишъ наша помощь. Ты еси крѣпость живоша моего, кого убоюся? . . . Сердце мое приемлетъ Тебя въ словесѣхъ Твоихъ, съ непоколебимымъ упованіемъ вѣра моя основывается на власпи Твоей, на Твоихъ обѣщаніяхъ ушверждается душа моя. . . . Ты Богъ опцевъ моихъ, Ты истинный Богъ Твоего народа, Ты единственное наше защищеніе! . . . Ты чудесно руководствовалъ меня отъ самой юности моей; Твое покровительство будешь чудесно, а помощь Твоя будешь славна. . . . Но, Господи! они шакъ опредѣлили, Ты имъ шакъ позволилъ. . . . Сіе да будешь дѣло Твое. . . . Ты можешь и будешь защищать имя Твое. . . . О! да будешь шокмо воля Твоя! да прославишя имя Твое! какъ самъ, Господи, хочещи и какъ уславилъ своею премудросшію. . . . Предчувствіемъ исполненна душа моя вѣщаетъ мнѣ: не долго уже буду покланяшися Тебѣ на мѣстѣ семъ. Да будешь воля Твоя! Ты единъ, Ты превѣчный Господь живоша моего: Тебѣ да будешь онъ въ жершву. . . . Ты собралъ кости рабовъ Твоихъ на Божественной спражѣ, послѣднее издыханіе мое еще да исповѣшь имя Твое, и шо, что Ты

единъ

единъ Богъ надъ всѣми боги. . . . Ешьли и нынѣ благоволишь избавиши дни мои изъ руки враговъ моихъ, по сіе легко ешь Тебѣ всесильному; буде же смершь моя должна возвѣспиши о имени Твоемъ, по желаю, чшобы могъ я Тебѣ ошдашь шысящу жизнью, Тебѣ, Богу сердца моего. Кровь моя, по подобію крови *Апелепой*, възидешъ къ Тебѣ въ сладкомъ благоуханіи; да не воспребуешъ она у Тебя мщенія прошиву Царя; просвѣши его, Господи! ниже прошиву враговъ моихъ; обрати ихъ и проси имъ: они не вѣдаюшъ Тебя. . . . Ты шокмо единъ, Господи! буди чрезъ жизнь и смершь мою хваленъ и препрославленъ. . . .

Въ шысящу лѣтѣ послѣ сего шако ходилъ Агнецъ Божій, кошорый закланъ былъ ошъ начала міра; шако Мессія, коего Пророкомъ удостоиоился бышь *Даніиль*, ходилъ изъ Іерусалимскаго мяшежа въ безмолвіе масличнаго вершограда, дабы въ день искупительнаго своего спраданія въ послѣдній разъ мысленно бесѣдовашъ съ Ошцемъ небесъ о великомъ дѣлѣ нашего усыновленія.

Но какъ *Іуда* предашель шайно назиралъ спасительные слѣды своего Господа и Учишеля, шако нечешивый сонмъ *Рапалоцъ* уловлялъ въ молишвѣ праведнаго.

Они приклоняюшъ ушеса, внегда бесѣдоваши ему со Всемогушимъ. . . . они слушаюшъ. . . . шрепеща. . . . Божешвенныхъ истиннѣ ушты человѣческими произносимыхъ. . . . Ужасаюшся. . . . сильныя моленія разяшъ

зяшѣ ихѣ совѣсшѣ, . . . удаляющся. . . .
 Тако бѣжшѣ змѣй, уклоняся отѣ молніи и
 отѣ грома, предвозвѣстникомѣ наступающей
 грозы.

Вѣ домѣ предашелей приносяшѣ они
 вѣсшѣ: онѣ молишся! . . . мы то сами слы-
 шали. . . . онѣ вѣ слухѣ молишся Богу.

Елакѣ, орошенѣ хладнымѣ смершельнымѣ
 пошомѣ, повшоряетѣ по самое, боязненно
 вѣщая дрожащими устами: онѣ молишся. . . .
 мы неминуемо погибнемѣ. . . . Какѣ можешѣ
 пощадишѣ насѣ шомѣ, кошорый не соблю-
 даешѣ самага повелѣнія Царева?

И шакѣ должно, прерываешѣ *Рапалѣ*
 рѣчь, запѣнившисѣ отѣ ярости, должно од-
 ному умрети, или Іудеянину, или Царю!
 Дерзайше, мужи! весьма мало остаешся намѣ
 уже часовѣ: великой мы подвержены опасно-
 сти; воспріимемѣ швердое и безбоязненное на-
 мѣреніе. Іудеянинѣ зналѣ повелѣніе, ибо я
 самѣ обѣ ономѣ повѣдалѣ ему; онѣ не можешѣ
 передо мною вѣ шомѣ опрещисѣ. Одно толь-
 ко навлекаешѣ сомнѣніе, не освободилѣ ли
 его самѣ Государь отѣ повиновенія оному?
 Все дѣло вѣ шомѣ только сосшоисѣ, чшобѣ
 узнашѣ мысли Царевы. Мы воспоржешшвуемѣ,
 ешшли Царь не разрѣшилѣ его отѣ своего по-
 велѣнія, и *Даниилѣ* долженѣ умрети, ешшли
Дарій царшшовашѣ желаетѣ. Вѣ прошивномѣ
 случаѣ и самѣ Царь не избѣгнетѣ смерши,
 ешшли онѣ пошралѣ нашу вѣру и собшшвен-
 ное свое слово. . . . Да будешѣ смершѣ вѣ
 очахѣ моихѣ и смершѣ вѣ рукѣ моей. . . .

она вонзишь кинжалъ въ сердце его, ешьли любовь къ плѣнному рабу ешь наградою нашей вѣрности. . . . Да исчезнешъ дума моя, ешьли я сей день не свершу мести моей! Послушайте, мужи! да клянешся мнѣ въ шомъ брадою своею всякъ изъ насъ, кого оживошворяешъ еще кровь Персидская.

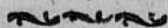
Пылая ошъ ярости, клянешся сонмъ: да умрешъ Іудеянинъ, или Государь!

Связаны союзомъ адскаго единодушія, влекушся во Дворъ, сопровождаемы вооруженными невольниками, коихъ они всегда содержали въ гошовности въ преддверіи Царскихъ чершоговъ.

Движимы вдохновеніями діавола, кошорый спросилъ прамашерь челошѣковъ: *что яко рече Богъ?* являющся они предъ Царемъ. . . . однако во смиреніи, съ коимъ они не задолго предъ симъ предавали ему собственную свою жизнь. . . . Ахъ нѣшъ! ихъ коварштво была люшосшь, моленіе ихъ состояло въ оружіи *Рапаль*, орудіе гибели, просшираешъ рѣчь: Царю! не шы ли самъ подписалъ повелѣніе, дабы всякъ, кшо попроситъ у какого либо Бога, или челошѣка, до шридешаши дней, кромъ шебя одного, вверженъ былъ въ ровъ левскъ?

Ишшинно слово, рекъ невѣдушъ сѣшей *Дарій*, и заповѣдь сія не мимо идешъ ни по какимъ Мидійскимъ, ниже Персидскимъ законамъ.

Буди тако! вопіешъ сонмъ народа: шю *Даниль* ешь преступникъ. Тощъ, кошорато
Часть V. С шшъ

шы любишь; первый естъ измѣнникъ во шво-
емъ государствѣ. Онъ-шо естъ плѣнникъ отъ
сыновъ Іудиныхъ, презирающій себя и швои
заповѣди, моляйся, при крашы въ день мо-
ляйся; мы видѣли его.

Увы! плѣнникъ . . . . шакъ говоришь
яросшь, одушевляема завистію, забывающая
достоинства знашнѣйшихъ Двора, съ люпо-
сшію насшупающая на возлюбленника Царева,
неисшво гоня друга его народа. Обвинишель
естъ самъ и судія. Тако шигръ обвиняешъ
агнца; шако злочеспивые судяшъ праведнаго.

О сколь позднее раскаяніе, съ коимъ *Да-
рій* познаешъ безразсудное свое опредѣленіе!
Клянешъ злобу своихъ совѣшниковъ, и о по-
шерѣ своего друга содрогаешся.

Даніилъ, ошвѣшсшвуешъ онъ имъ взо-
рами, преисполненными уныніемъ и внушрен-
нимъ посрамленіемъ, *Даніилъ* преступникъ?
Никакъ . . . . я не обрѣшаю въ моемъ госу-
дарствѣ ни одного шоль вѣрнаго мужа . . . .
Какъ могъ презрѣшь мои повелѣнія шощъ,
кошорый въ послушаніи показывалъ всѣмъ
прочимъ примѣръ? Имѣешъ онъ соперниковъ
пошому, что я его люблю; однако я по вла-
сти Царской знаю, какъ его защишишь, и
сдѣлаю, что никшо впредь не дерзнешъ по-
носишь шого, о безпорочности кошораго я
совершенно увѣренъ.

Непорочность! . . . . возражаешъ люшѣй-
шій *Рапалъ*: шакъ для Іудеянина весь на-
родъ швой долженъ во лжѣ ошашься? Мы
видѣли, и еще съ нами шшо, что онъ молил-

ея своему Богу, при крапш въ сей день молился.

Молился! . . . Но не лучше ли молишь-ся, нежели клеветашь?

Клеветашь! . . . развѣ вѣрность и повиненіе клеветашю у себя называюшся? Какъ можно япредь повиновашся швоимъ законамъ, когда ты самъ оныя унишожашь?

Тотъ, кто установляетъ законъ, силенъ изъяснить, кого оный обязываетъ.

Естьли ты разрѣшаешь одного, то разрѣшаешь и всѣхъ насъ; естьли одно изъ швоихъ повелѣній не имѣетъ дѣйствія, то и всѣ швои законы будутъ недѣйствительны.

Что до насъ касаешся, мы вѣчно пребудемъ тебѣ вѣрны, сколь бы ты мало ни уважалъ нашу къ тебѣ вѣрность. Но за народъ мы тебѣ оповѣшшвовашь не можемъ. Уже всему Вавилону вѣдомо, коль безсмыдно сей невольникъ нарушилъ швою заповѣдь. Естьли ты сего иноплеменника оставишь безъ наказанія, то сіе прошивоборшвуешь швоей чести, уваженію швого слова, спокойствію государства, повиненію народа и собственн-ной, принуждены реши сѣ прискорбіемъ, швоей безопасности. . . . Уже во Дворѣ предшояшъ тысящи, ожидающія швого рѣшенія, коихъ стремленіе едва мы могли удержашь моленіемъ и предшавленіемъ швого правосудія, не допустивъ ихъ въ чертоги. . . .

О какіе вы сильные мужи! ласкашшсшвуя возвышаше вы меня прежде богомъ, а пошомъ доводише меня до шого, чтошбъ я

моєю жизнію жертвовалъ вашимъ прошеніямъ. О нѣшъ! се *Дарій* покажетъ вамъ, что онъ Государь; сей мечъ при бедрахъ моихъ докажетъ, что онъ вашъ побѣдитель.

Дарій, нѣжнымъ гнѣвомъ побуждаемый, спѣшишь ко дверямъ чертога назначишь мзду наглымъ мятежникамъ, какъ шайно ушедшій *Малека*, съ поспѣшностію идушь къ нему на встрѣчу, возвѣщаешъ крамолу во Дворѣ, мятежъ въ чертогахъ и смяшеніе во градѣ.

Дарій, имѣющій болѣе искусства во сраженіяхъ прошивъ воиновъ, нежели въ защищеніи себя отъ жала змѣягаго, впрешіе обольщаешся отъ льстивыхъ злодѣевъ.

Въ смяшеніи шерзающихъ мыслей, сражался между неповинностію и злобою, ужасаяся всякаго приговора при наступающей сей опасности. *Даниль*, помыслилъ онъ наконецъ самъ въ себѣ, конечно не познастъ шого предъ своими врагами; и естли шолько онъ въ шомъ опречется, шо могу я его избавишь безъ нарушенія своего величества. . . . Бышь по сему, говоришь *Дарій*; но я никого судишь не шану, не выслушавъ его. Приведите же его сюда; когда онъ виновенъ, шо смертъ будешъ ему воздаяніемъ.

Отступи прочь, бранный человекъ! шы приближаешся ко мрачнымъ глубинамъ. . . . неизбясимы и непосшжимы сіи пуши. . . . Вѣчныя ушавы истинны зависяшь отъ коварства нѣколикихъ злодѣевъ! . . . Жизнь почтеннѣйшаго мужа волнуешь какъ воду вымыщленными узаконеніями! . . . Священные со-

союзы законовъ сдѣлалися оковами . . . . Для кого? Для праведника! . . . . Спокойствіе государства спало сожигательнымъ спрупомъ премудраго! лещь говоришь о правдѣ, злоба возснаетъ прошиву обычая! . . . . Несчастенъ шомъ, кто полагаетъся на милосши легковѣрныхъ Князей! Корысть ихъ гордыни всегда превышаетъ пользу непорочности; наивѣрнѣйшій изъ всѣхъ сдѣлался жершвою ихъ корышполюбія . . . . Гдѣ слова, гдѣ кляшвы о продолженіи непреложной къ нему милосши? Гдѣ увѣреніе о непорочнѣйшей искренности? Гдѣ сердце, преисполненное благосклонностию и довѣренностию? Гдѣ благодарность за наивѣрнѣйшія услуги? . . . . О развращность! О неблагодарность! О добродѣшель! одно ли ты пустое имя? О благочестіе! уже не защищаешь и ты своихъ почишателей? Гдѣ шеперь 70 пошерянныхъ лѣшъ, кои испощены были во швоемъ служеніи? Гдѣ тысящи изліянныхъ слезъ? Не услышаны были горячайшія молишвы . . . . не правы сушь опредѣленія Того . . . .

Умолкни дерзкой сѣ швоими ропшаніями! . . . . Ты не правъ; безумны швои жалобы. Одна вѣра на Всемогущество можетъ пронидать вѣ бездны, и досшигать вышшъ, кои брешному швоему оку несозерцаемы и непроницаемы пребудушь. Ты зришь злощасліе шамъ, гдѣ милосердый Промысль; . . . слѣпой случай шамъ, гдѣ высочайшая Премудрость; . . . опасность и смерть шамъ, гдѣ живомъ я слава Божія присуществуюшь.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Даніиль, насыпившись Божескихъ утѣшеній, едва вышелъ изъ лѣпней своей храмы, какъ *Сипа* и *Фирсанъ* повѣдали ему, чѣмъ онъ немедленно шествовалъ къ Царю. Хотя они и не имѣли обстоятельнаго свѣдѣнія о томъ, что приключилось въ Царскихъ чертогахъ, однако изъ словъ и приутовленій довольно уразумѣли о наступающемъ бѣдствіи, о скорой и великой опасности *Даніиловой*.

Фирсанъ, коимъ чрезъ скромность и молчаливость состарѣлся при Дворѣ, хотя и не имѣлъ склонности самъ благошворить, ненавидѣлъ однакожъ и воздыхалъ о всякомъ злѣ. Онъ, почтеніемъ и жалостію движимый, рекъ *Даніилу* вшайнѣ, дабы онъ спасался бѣгомъ. Сей совѣтъ, сказавъ съ кротостію герой духовный, угоденъ бы былъ для другихъ; шолько вѣдай *Фирсанъ*, никогда не скрывается мужъ непороченъ, и уповаѣя на Бога не уклонися во вѣкъ.

А ты, священная Муза! живыми сердца прогающими чертами изъяви, какъ шествовалъ на смерть праведникъ. Онъ всупилъ на пороги Царскихъ чертоговъ, и . . . вдругъ низнадаешъ отъ очей его покровъ боязни человѣческой; онъ являешся Ангеломъ въ земномъ одѣянніи; онъ сшалъ Богомъ преисполненный. Духъ его, воспламеняся священнымъ воспоргомъ, просіяваешъ, сердце его исполняешся тайнымъ хваленіемъ, душа его упо-

упованіемъ , припязашельною нѣкоею силою
ошѣ важныхъ опкровеній вѣры и незыблемой
надежды храмина пріобрѣтаешѣ новую кра-
соту для доспойнѣйшей жершвы высочайшаго
Величешва ; благоуханіе шечешѣ вѣ его чле-
ны , очи просвѣщающся и изошряющся для
узрѣнія дня вѣчношп ; величіе Пророка ясно
изображаешся , все лице сіяешѣ вѣ славѣ чи-
сшѣйшей и радощп преисполненныя совѣшп ;
никакой уже спрахѣ не понуждаешѣ къ сер-
цу крови , кошорая напрошивѣ шого , по при-
чинѣ радощныхѣ чувствій , свободнѣе проше-
кая вѣ сосудахѣ , разширяешѣ оные такѣ ,
что младенческой весенній румянецѣ укра-
шаешѣ ланшпы почшеннаго спарца . Внутрен-
нимѣ движеніемѣ оживляемый , скорыми спо-
нами преходшѣ онѣ всѣ чершогп , наполнен-
ные коварными вельможами . Взорами , распво-
ренными величіемѣ , коимѣ духѣ высочайшаго
чинѣ ошличаешѣ себя ошѣ земнородныхѣ че-
ловѣковѣ , привѣшпствуешѣ ихѣ сей благород-
ный человѣколюбешѣ ; однако они , какѣ свѣ-
шлѣйшими солнечными лучами поражены бу-
дучи , пошупляющѣ льспивыя свои очи , ожи-
дая сами вѣ празднои своей душѣ одного при-
говора : покланяшся ли имѣ вѣ сіи минушы
рабу Вышшняго , или злословишѣ онаго должно?

Дверь опшверзаешся , дверь Царскихѣ чер-
шоговѣ . — О позорѣ ! о *Дарій* ! Я . . . я . . .
я , началѣ говоришѣ Государь , запинаяся ошѣ
посрамленія и сѣ принужденною спротощію ;
я повелѣлѣ призваши шебя . . . . Се предшо-
шлѣ мужи . . . Не шако ли было , продолжалѣ

онъ рѣчь пламенѣющимися глазами, какъ вы обвиняли его: ты пресступилъ повелѣніе, заповѣдающее никому ничего не просить отъ какого либо Бога, вѣщалъ онъ къ *Данилу*, помавая на него очами; сіи обвиняютъ тебя, будшо ты молился Богу своему. Повѣдай, да уразумѣю, кому яши вѣру?

Присшупите вы, мудрые въ совѣсахъ! Кто здѣсь совѣшуетъ наимудрѣйшему? Какъ соединяется служеніе Богу съ служеніемъ чело-вѣку? Почитаніе правды съ сохраненіемъ самаго себя? Должности совѣсти съ должно-стями подданнаго? Прощеніе о прощеніи, обѣщаніе болѣе шого впредь не дѣлать, могло бы здѣсь наипаче потребовано бытъ благоразуміемъ и предосторожностію; ибо чрезъ то извѣявлено бы было новое доказа-тельство покоренія и вѣрности къ добро-вному, но нынѣ злыми совѣсами прель-щенному Царю. Сколь легко у великихъ му-жей коварствомъ испоргаются неправедныя велѣнія! По справедливости должно приписы-вать то ихъ слабости. Однако подданному вѣрному рабу всегда прилично господина, коего онъ любитъ, всевѣрно извинять. Безъ всякаго сомнѣнія оное повелѣніе испрошено было у Царя коварствомъ, и основано было на кровожадныхъ незаконныхъ намѣреніяхъ. . . . Преданность и . . . вишь послѣ сего можно о семъ втайнѣ съ Царемъ извѣясниться, . . . по-дающъ ему средство честнаго мужа, а паче его друга, ему наиусерднѣйшаго и любимѣй-шаго, избавити, не подвергая опасности его

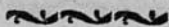
слова, чести, покоя, государства и общественного его спокойствия. . . . Сии разсуждая, конечно казались безгрѣшными совѣстному *Даниилу*. . . . И такъ можно ли по почести за малодушіе и за невѣрность къ Богу? Ошрещися, единожды шокмо ошрещися. . . . Вишь Богъ взираетъ на сердце, и судитъ дѣла шокмо по намѣреніямъ чловѣковъ. . . . Какую имѣютъ люди, а паче невѣрные, нужду вѣдашь, что по заключеніи дверей происходило между Богомъ и *Данииломъ*. . . . Обоюдная рѣчь, хитрый ошвѣтъ, копорый ни ушверждаетъ, ни опровергаетъ; ошверженіе доносишелей и ихъ свидѣтелей подаетъ по крайней мѣрѣ случай ошложитъ дѣло на далѣе, а между тѣмъ можно и другія обрѣсти средства. . . . Да развѣ не возможно шворишь зла съ тѣмъ, чшобъ спосдѣшешвовашь благому? Поношеніе ошвратишь, удовольствію и побѣдѣ враговъ истинны препяшшвовашь; сіе шо способствуетъ къ прославленію Творца гораздо болѣе, нежели ненужныя и на неналежащемъ мѣстѣ извѣявленные признанія. . . . Язва сія не къ одному ему просшираетъ; она касаетъ и всего народа плѣнныхъ Іудеевъ, кои чрезъ сіе лишаются при Дворѣ своего ходашая и покровителя. И такъ легчайшій естъ грѣхъ однажды солгашь одному, нежели засшавишь согрѣшишь и пролишь кровь неповинную. . . . Не по всему сходшшвовало съ разумомъ молишься шшоль громко, что и другіе могли шш слышашь; въ семъ соблазвѣ самъ онъ виновенъ; естъ вели-

кое различіе между уединеннымъ благоговѣніемъ плѣнника, и вольностію общенароднаго богослуженія. . . . зане и прочіе Божіе мужи въ подобныхъ сему случаяхъ опрекались, и не токмо опрекались, но и явно оппадали отъ Господа Бога своего, и не взирая на шо, обрѣли однакожъ у Него прощеніе. —

Сіи помышленія важны, а можешъ бышь и неоспоримы у всякаго добросердаго просполюдима, движимаго паче всего похвальнымъ закономъ о соблюденіи самаго себя. Но необычайные люди имѣюшъ и чрезвычайныя должности, коихъ намѣренія и предопредѣленія не постигаешъ ни орлиное око героя, ниже зришельное стекло слѣпаго *Пансофа*, ниже пронцапельная мудросшь хипраго придворнаго вельможи. Все сіе не можешъ инако почшено бышь, какъ явленіями споль неполученнаго, сколь невозможнаго совершенства, или иногда и злощасною мечшою. Но праведникъ живешъ по вѣрѣ своей.

Сіе ешь право естешвенныхъ вышшаго чина умовъ; право новыя природы, происшедшее отъ долговременнаго благоговѣнія, глубочайшаго поврежденія собственныхъ знаній и намѣреній, опреченія отъ своего хошѣнія, предая свое благосостояніе, или злощасіе во лѣ Божіей, и безпредѣльнаго погранія чловѣческихъ повѣствованій, нечувспвишельности къ славѣ и безславію, безпечальности о всѣхъ слѣдствіяхъ, дѣлая токмо шо, что должно, и слѣдуя непрешкновенно одному сему мнѣнію: Господи! буде я токмо Тебя имѣю,

имѣю, шо не спрашиваю ни о небѣ, ни о землѣ.

Вѣ сей вѣрѣ, кошорая придавала сіяніе и спочность *Данилопымъ* дѣламъ; вѣ сей высочайшей простотѣ духа, прилѣпившагося къ одной истиннѣ; вѣ семъ чувствіи гласа превѣчнаго Творца, къ слушанію кошорого шоліко пріобыкло ухо сего Пророка, даешъ онѣ несомнишельное изъясненіе: я всѣмъ швоимъ велѣніямъ покоренъ былъ, Царю! кромѣ одного, кошорое на шо шолько учинено, дабы ошпоргнушь меня отъ Бога моего. Вѣрно сихъ мужей слово, о мнѣ изреченное: я молился. Чшо для шѣла пища, шо самое для души моей молишва. И шако, Царю и Господи мой! не пожелаешъ, чшобѣ я изнемогъ вѣ спаросши моей.

Дарій слыша оцѣпенѣваешъ . . . . Сражаяся внушрь себя вѣ одномъ мгновеніи съ неповинностію и гордынею, немогушъ болѣе сносить шоржеспвующаго взора праведнаго, порываешся, обращаешся . . . . вдругъ . . . и паки отвращаешся отъ друга своего, предшавленнаго на жертву . . . . Приговорѣ! . . . о! сіе да рекушъ лвы . . . . Неисшова яросшь вѣ шакомъ случаѣ всегда скоропоспижна. Не даюшъ уже здѣсь ни малѣйшаго времени Царю очувшшовавшьяся и Іудеянину изъяснишься вѣ дѣлѣ своемъ, и шѣмъ оправдаешъ себя. Какъ порывистая буря сокрушаешъ вершину возвышеннаго кедра, шако они нагло нападаюшъ на него и лишяюшъ его всѣхъ знаковъ его

достоинства. Общество . . . . увы! смерть
есть . . . . общество отъ міра сего.

Какъ агнецъ отъ волковъ веденъ бываетъ
на мѣсто убіенія, шако влекутъ злодѣи и
Даніила побоковой лѣспницѣ возвѣриной вершо
градъ.

Въ сихъ преважныхъ мгновеніяхъ *Даніиль*
занимался однимъ Богомъ и другимъ, къ ко-
ему усремлялася душа его, въ коей восхо-
дили моленія, горячнсти преисполненныя; не-
бесныя утѣшенія лилися, какъ балсамъ отъ
Гилеада, въ его сердце, крѣпко на Господа
уважающее. Въ сей тишинѣ, въ сей чиспѣй-
шей духа свѣтлости, въ сей неколеблемой вѣ-
рѣ идетъ онъ въ ровъ смертный.

Слѣши! друже Царю, слѣши . . . еще
есть время избавить его. Я зрю тебя при-
бѣгающаго . . . . Уже воспрянулъ паки въ ше-
бѣ великій швой духъ; уже ты чувствуешь,
уже слѣдуешь сильнымъ движеніямъ совѣ-
сти; . . . никакъ не осквернишь *Дарій* сво-
его геройскаго вѣнца кровію праведника, чрезъ
смерть вѣрнаго не пріуготовишь самому себѣ
яму. Погрѣшишь есть дѣло человѣческое, а
погрѣшности свои исправитъ есть дѣло Цар-
ское. Ты усугубляешь стопы свои . . . се
ужасная оная пещера; еще *Даніиль* стоить
при самомъ ошверстїи оныя.

Ты вѣщаеши: *Даріе!* . . . о! рцы слова
милости, свободы и живоша! . . . Ты вѣща-
еши: швой Богъ, коему служиши непрестанно,
шотъ да поможетъ тебѣ! . . . Сіе возможетъ
Онъ, сіе и сотворишь непреложно; ты же

Что швориши? . . . Ты не опвѣщаешь? . . . Камень привергаешся, и шы повелѣваешь запечашлѣши его? Пришелъ шы для умерщвленія? Львовѣ довольно. . . . Еще шы самъ и запечашлѣваешь? Развѣ швои любимѣйшіе, швои вѣрнѣйшіе, люшѣйшіе сущь паче львовѣ челошкѣубійцы? Ты хочешь избавиши. . . . но какая чародѣйственная сила преобращаетъ слова во устахъ швоихъ? Опамяшуйся, *Дарій!* вишь шы одинѣ шолько шопѣ всемошнѣй, коего умолять должно; вишь еще не пришли шѣ шридесять дней, дни швоего обожанія, и шы, шы нынѣ, кѣ соблазненію спрашныхъ швоихъ вельможей, опсылаешь мужа, вѣ челюстяхъ смерши находящагося, прибѣгнушь кѣ Богу, тебѣ невѣдомому, прося у Него обороны!

Рука, дерзающая описывать Царей, опважипся обнажишь и швои помышленія; око, неослѣвленное еще сіяніемъ діадимы, дерзаетъ вникнуть во упробу швою; неуспрашающійся ни швоего гнѣва, ни угрызѣнія швоихъ зміевѣ, ниже зубовъ львиныхъ, и уповающій единшвенно на Бога швоего смѣетъ повѣдати тебѣ, народу слабыхъ Князей: цѣною левскаго рва покупаешся ваша милосшь, кровію ваша любовь, живомѣ ваша довѣренность. Возмездіемъ великія вѣрности всегда была ваша неблагодарность, и испиянымъ заслугамъ сопутшвовала опасность. Вы, кои кровли своихъ зданій злашомѣ, спѣны пурпурою облачаеш; вѣ коихъ чершогѣ никакая нечиспая шварь безъ наказанія вниши не дерзаетъ;

когда

когда *Фараонъ* могъ восклицати ко Гѣсподу о избавленіи вшей и лягушекъ, вы развѣ менѣе чувствительны? Или вѣчно осуждены къ слушанію клеветы ласкашелей, къ уязвленію ошъ клеветующихъ ехиднъ? Для того ли въ вашихъ палатахъ ошъ утра до вечера изрыгающъ несмысленныя празднословія о чести, власи и достоинствѣ, чшобъ шѣмъ самимъ зашмишь шихій и крошчайшій гласъ невинности и добродѣтели? Развѣ вамъ не возможно бышь сильнымъ и пришомъ правосуднымъ, великимъ и пришомъ правымъ? Не можете ли бышь шоль же любезны, сколько нынѣ спрашны? Не лзя ли васъ любить не шрепеща, вамъ совѣшовашъ безъ печали, вамъ служить безъ опасенія? Всегда ли надлежишь бояшь вашихъ усшъ, когда можно было владѣшь вашимъ сердцемъ? Одни ли дерзкіе изъ васъ почитающъя сильными? Одни ли измѣнники у васъ щасшливы? На шо ли вы родились, дабы господами слышь по имени, а въ самомъ дѣлѣ бышь рабами у каждаго, кошорый на злыхъ цѣпяхъ вашихъ шрасшей умѣешъ водить васъ искусно? Развѣ корышь, предметъ вашего благородства, коему вы неповиннаго, какъ несносное свое бремя, предлагаеше въ жершву, ешь основашельнѣе, нежели корышь шого льва, кошорый раздираешъ свою добычу? О родъ несчастный и оплакиванія достойный! Къ Богу, въ кошораго вы не вѣруете, хошя бы и могли Его познашь; къ Богу, о коемъ и вы благоволише; понеже рабъ Его *Даніилъ* болѣе вамъ благошворишь,

нежели *Томарь*; къ Нему опсылаешъ вы! Есльи Онъ живешъ, Невидимый, шо вы бы лучше просили угнѣшеннаго опъ васъ; ибо Онъ помогашъ ему всегда, когда вы ничего припомъ сдѣлашъ не въ соспоянїи. Буде же Его нѣшъ, шо горе шому легковѣрному, кошорый на небо возлагалъ свою надежду! Онъ носилъ вину своей собсшвенной добродѣшли.

Живъ Онъ, и васъ не пребуешъ, буде восхощешъ изъ рва испоргнушъ *Данїила*. Богъ силенъ защишитъ вѣрующаго въ Него, и спаси уповающаго на Него. Но какую мѣрою возмѣришъ васъ, кои предъ Нимъ, какъ прахъ предъ лицемъ вѣпра? Какого опчеша воспребуешъ опъ васъ въ вашей власпи? Колико свидѣшелей сверхъ чаянїя возспанешъ на васъ! Львы милосердѣе васъ: оковы, омоченные слезами; стѣны, согрѣвшїяся опъ въздыханїи; персь, орошенная пошомъ угнѣшенныхъ; въздухъ, спшенанїемъ поражаемый; Ангелы, хранишли оскорбленныхъ праведниковъ; очи, кошорыя вы возмущаше; уши, кои вы соблазняете; спарцы, кошорые съ горесшїю васъ препровождали до самаго гроба; младенцы, кошорые изъ груди, пронзенной печалїю, сосали смершь; мужи, коихъ вы совѣшъ унищожали; премудрые, опъ коихъ вы опвращали очи свои; Пророки суда вашего, кошорыхъ вы лице заплевали, и собсшвенная ваша совѣсшь жалующаяся, обличающая и судящая.

Но Ты! повелѣваяя грому и бурямъ очищаши въздухъ, и шумящимъ опъ шого волнамъ напаяши землю; и Ты! кошорый вѣщашъ

къ челоѡку: *доселѣ и не къ тому*: Ты ;
управляяй сердцами Царей, какѣ водными
спруями! да будешѣ угодно Твоему Всемогу-
ществу изѣ шьмы сошвориши свѣшѣ; Твоей
Премудрости изѣ прошиворѣчій истинну;
Твоему Правосудію, отѣ бѣдѣ избавленіе;
Твоему Высочеству, изѣ смерти воздвигнуши
живошѣ.

Ты же, *Дарій!* отѣиди, сѣшуй, рыдая о
другѣ швоемѣ; положиши горделиво на силу
швою, и не обрящи покоя, спенай безѣ ушѣ-
шенія, смущайся и буди поруганѣ, чувствуй
болѣзнь и раскаяніе, отчаявайся, и ешьли
можешѣ, вѣруй и уповай.

Уже горестно сѣшуютѣ оставшіяся дще-
ри осирошѣвшаго дому. Сѣ расшрепанными
отѣ ужаса власы, сѣ померклыми очами,
дрожашими ушами, пришекаетѣ *Вирса* вѣ
обѣшія возлюбленныя *Суламиты*; испочникѣ
горячихѣ слезѣ ліешся на ланишахѣ ея, нога
зыблется подѣ испущающимся духомѣ, без-
дыханна повергается на землю, и однѣ пре-
рывающіяся слова даюшѣ знашѣ вѣрнѣйшей и
нѣжнѣйшей сосшрадашельницѣ о насильствен-
ной смерти родишеля.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Уже солнце, не желая бышѣ свидѣшелемѣ
дѣлѣ, вѣ ночномѣ мракѣ производимыхѣ, пре-
клонялось къ западу, когда *Даніиль* прибли-
жался ко предѣламѣ смерти. Господи! рекѣ
онѣ: здѣсь олшарѣ и жершва! и палѣ подѣ
дѣальмовымѣ знаменованіями изобильнымѣ дре-
вомѣ;

вомъ , коего вѣшви осыняли повелишеля звѣрей. Во встрѣчу къ новому гостю бросились съ яростию алчные львы изъ своихъ заклеповъ; но ощутивъ онаго , ужаснулись , и взирая на него , вострепсали.

Тако стоялъ *Адамъ* , украшенный еще непорочнымъ образомъ Всевышняго , въ райскомъ величествѣ , въ царствѣ покаяющихся ему звѣрей. Таковой лучъ славы Божіей озарялъ лице праведнаго ; величество сіяло въ очахъ его ; изъ жилища его не исходило уже ни малѣйшее дыханіе земнороднаго : былъ по духъ въ земномъ одѣяніи. Самъ Богъ приникнулъ на спрданіе своего раба съ вышши , заповѣдалъ Ангеламъ , сотвореннымъ для храненія свящихъ , сохраниши кости пророка. Вдругъ они окружили его , сами будучи несезерцаемы ; свѣшное блистаніе разсыпалось по темной пещерѣ. Прохлаждаешся уже погода , рекъ умиленный старецъ , ввечеру моя жизни. Пальмы , ошъ вѣпра Господня колеблемы , содрогались ; ужаснѣйшіе изъ звѣрей , возчувствовавъ Всемогущешвенную силу , съ пощительностию отщупя , расположились около его. Преданъ на смерть , не ожидалъ никакого чуда къ продолженію своей жизни ; равнодушно принималъ онъ приближеніе своего расшерзанія ; упражнялся единственно въ ошданіи Создашелю своему подобающаго ошчеша о долговременной своей жизни , и о полученіи разрѣшенія ошъ всего того , что шребуешъ прощенія , да возможешъ соединишся съ сво-

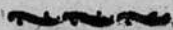
ими опцами безпорочною совѣсшію, очищенною на судѣ милосердія.

Представляя себя очамъ, испышывающимъ сердце и ушробу, стибаетъ руки праведникъ, кои часто были слагаемы въ горячайшихъ къ Богу молишвахъ. О! воззопилъ онъ . . . и вдругъ пошекъ испочникъ сокрушенныхъ слезъ . . . о! когда бы Ты шокмо Боже былъ мнѣ милосердѣ! когда бы лице Твое ко мнѣ блиспало въ милосши! Осужденъ я опъ человекѡвъ, но Ты Боже вѣщай въ душѣ моей миръ! Просвѣши меня, Господи, и ушробу мою; очиспи ее, какъ злапо въ горнилѣ, опъ всякія скверны, кошорая недоспойнымъ меня шворитъ явипися предъ Тобою. Сверши мою вѣру, укрѣпи мою душу, ушверди мое упованіе, да преизбышочествую во благодарности; да благословитъ Тебя и послѣднее мое дыханіе, когда брєнныя мои кости будутъ сокрушаемы зубам ильвогъ О! смѣюль я уповашъ, Господи Боже опецъ моихъ? Поиспиннѣ; ибо вѣра моя ушверждаєтся на Твоихъ обѣшпахъ, Боже Избавишелю мой! Ты не оставишь меня въ семъ спрашномъ вершєпѣ, и узришь Тебя око мое. Во дни гнѣва Твоего на вѣроломнаго Израиля, Ты, низринувъ меня въ сію спрану, привелъ ко двору *Напуходоносора*; шєсшьдєсять лѣшъ жилъ я еъ сей невѣрной спранѣ, болѣе, какъ самъ, Господи, вѣси, въ печали и слєзахъ, нежели въ покоѣ и радости.

Ахъ! естѣли бы Твои обѣшы не были мнѣ ушѣшеніємъ, Ты же самъ крѣпосшію моего

его духа: сколь часто исчезалъ бы я въ горести, и испаявалъ бы во искушеніяхъ безъ числа! Подлинно во мнѣ немощномъ совершалась сила Твоя, премудрость Твоя направляла стопы мои, Ты предшествовалъ мнѣ въ юности моей, руководствовалъ меня во спароси; законъ швой былъ мнѣ свѣшльникомъ, дабы ноги мои не уклонялись ошъ пуши заповѣдей швоихъ. Тобою я обрѣлъ у *Амелсара* милость и благоволеніе, чшобы не осквернишия заповѣданною мнѣ пищею; Ты впечатлѣлъ въ сердце моемъ глубочайшее понятіе о Твоемъ повсемѣшномъ присносушествѣ; Ты насхавилъ душу мою всегда къ Тебѣ прилѣпляшия. Какую похвалу принесѣ она Тебѣ за всѣ укрѣпленія, ушѣшенія, исправленія, наказанія, коихъ Ты удостоивалъ меня? Ты самъ во уста мои вложилъ молишвы, и оныя услышалъ; никогда не отвергалъ меня, когда прибѣгалъ я къ Тебѣ. Колико благодарю Тебя и нынѣ еще, Боже мой! за шу шишину, въ коей Ты меня, опдаливъ ошъ мяшежа и всѣхъ мерзостей идолопоклонническаго Двора, въ Африкѣ чрезъ двенашцашь лѣшь сохранялъ! Во вѣки не забуду я блаженныхъ дней, кои мнѣ съ вѣрными своими рабами *Азаріею* и *Зепулономъ* шамъ препровождашъ благоволилъ; дней спасительныхъ, въ коихъ меня высочайшихъ Твоихъ откровеній удостоилъ! Никогда я не входилъ во Дворъ безъ Твоего повелѣнія. Да судишь око Твое, Боже! прельщался ли я блистательностію суешы. Не болѣе ли я удалялся

ся отъ милости Царей, нежели о сиисканті оной имѣлъ попеченія? Ласкашельствовалъ ли имъ? Отрекся ли я отъ имени, или закона Твоего? Не охотнѣе ли раздѣлялъ я съ Твоимъ народомъ нищету и поруганіе, нежели съ *Даріемъ* Царскую прапезу и бремя? Званіе мое по самолюбію ли, или единственнo отъ повиновенія свяшой Твоей волѣ для меня важно и сносно? Не посвящалъ ли я Тебѣ оное по всякъ день? Не мыслилъ ли уже при восхожденіи солнца поущру о багровомъ онаго захожденіи ввечеру? Не охотно ли я проповѣдывалъ имя Твое между язычниками? Возжелалъ ли чего когда либо споль сильно, сколь желашельно было сдѣлать имя Твое великимъ и досшойнымъ преславленія у всѣхъ народовъ? Не явно ли носилъ я щипъ Твой, не срамляясь и поруганія плѣннаго Твоего народа? Не сжалился ли я надъ воздыхающимъ? Когда Ты поставилъ меня судією въ Едемѣ, шо восплакались ли на меня вдовы и сироты? Клянулъ ли меня народъ? Возгордѣлся ли я честью? На зло ли употреблялъ честь свою? Неправедныя ли давалъ повелѣнія? Исполнялъ ли и самъ оныя? Оклевешалъ ли я бѣднаго праведнаго, и пощадилъ ли богатаго злодѣя? Человѣческой спрахъ и подобоспращіе, значная порода, блиспашельностьъ человѣческихъ честшей, моглиль когда либо заглушишь Твой гласъ и смушишь мою совѣсть? Полагался ли я на свои силы? Уповалъ ли на свой разумъ и премудрость, не призвавъ Тебя въ маломъ, равно какъ и въ великомъ? Возлюбилъ

Ли я жизнь мою паче Тебя? То суди меня, Господи! по правдѣ Твоей. . . . Однако не раздражись на раба Твоего, дерзающаго судиться съ Тобою. О! ешьли бы Ты восхошѣлъ сотвориши со мною по правосудію, а не по милосердію, како успоялъ бы я предѣ Тобою! Сколь много уничижилъ я достойнаго исполненія! Сколь много я дѣлалъ не съ такою вѣрносшію, не съ такою ревносшію и не споль съ веселымъ духомъ, каковаго прѣбвало чистосердечное повиновеніе и сыновнее послушаніе судьбамъ и заповѣдямъ Твоимъ! Сколь сильно поражашь меня предѣ Тобою мерзское мое прѣрѣшеніе! Кшо успоишь предѣ Тобою всесвятымъ Судією? Ты еси праведенъ, мы же посрамляемся. Но рцы душѣ моей жизнь, и ободри мое сердце прощеніемъ: о семъ шолько, Господи! молюся, и на Твое шокмо благоушробіе уповаю. Поиспнишь Ты благоушробенъ; безпредѣльна ешь Твоя благосшь и вѣра. Тебѣ одному да будешь чешь и слава великому Твоему имени; я отшращаю отъ себя свой взоръ; моя вѣра стремияшя къ одному Тебѣ: Ты - шо меня руководшвовалъ, поучалъ, ушѣшалъ, укрѣплялъ и соблюдалъ. Твоя ешь моя жизнь, Твоя да будешь моя смерть; вѣ сей Тобою избранный часъ Твой да буду я. . . . Еще Ангелъ вписывалъ молишву праведника, достшойную соблюденной быши вѣ книгѣ свяшыхъ, какъ вдругъ любимецъ Вышняго, пораженъ будучи сильнымъ ишкшимъ уже дня душевнымъ ударомъ, сошкнулъ шомныя свои очи, и вѣ шихомъ драма-

ни клонился къ паденію. Еще изъ сжимающихся очей лилися умиленные слезы, кои Ангелъ принималъ съ благоговѣніемъ, собирав оныя въ плачевную чашу, наполненную мученическими слезами, въ день суда созрѣвающими въ жемчужины для украшенія побѣдоноснаго вѣнца шѣхъ побѣдителей, кои не любили свою жизнь даже до смерти.

Съ такою шербливостию и равнодушіемъ проходишь душа праведнаго, какъ ко сну, въ объятія смерти. О блаженства очищенной совѣсти! О драгость непорочнаго духа! Однако въ чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ чрезвычайная помощь, въ необыкновенныхъ искушеніяхъ необыкновенное утѣщеніе низпосылается. Между блюстителями покоящагося Патриарха были шѣ же Ангелы, кои живошворяли *Давыдоу* псалмы и лиру, *Иосафату* пѣсни и стихи *Соломоу*, когда возвышенное ихъ пѣніе прославляло благоденствіе Израиля, рѣчная стремленія града Божія, душу, почивающую въ Богѣ, помогающемъ ей, друга въ бѣдой и червленной ризѣ, избраннаго изъ многихъ тысячей.

При небесномъ семъ шихомъ восклицаніи духовнаго гласа улаждали они душу дремлющаго Пророка, которая внутреннею нѣкою согласія силою восхищена была во Іерусалимѣ. Неописанное чувствіе! Онъ узрѣлъ себя въ великій очищенія день, и окрестъ себя молящихся священниковъ и приносящихъ жершву за грѣхи народа; первосвященника же во благолѣпномъ священшескомъ одѣянніи благо-

вѣспвующаго прощеніе. Весь соборъ палъ на землю возблагодаришь Господа за Его чело-вѣколюбное милосердіе, пребывающее во вѣки. По долгомъ безмолвіи ликъ Левишовъ и чины пѣвцовъ возвысили громогласно радостный свой стонъ: Хвали душе моя Господа, и не забывай, колико Онъ благошворилъ тебѣ! Онъ опущаешъ всѣ грѣхи твои, очищаешъ всѣ твои скверны, избавляешъ жизнь твою отъ погибели, вѣнчаешъ тебя благодашію и милосердіемъ, возвеселяешъ уста твои, и обновися какъ орля юность твоя. Господь созиждешъ правду и судъ для всѣхъ, неповинно спраждушихъ. Духъ его высокими чувствованиями шoliko былъ восхищенъ, что и неодушевленная скинія была шѣмъ оживошворена, и онъ спалъ въ шипинѣ воспѣвашъ многокрасно: аллилуія! хвали душе моя Господа! что самое и Ангелы, предъ Всевышнимъ ницъ поверженныя, повшоряли.

Уже скончалась шрешія ночная спража въ сихъ священнѣйшихъ вдохновеніяхъ, какъ одинъ изъ Серафимовъ присоединился къ сему множеству, и огнемъ олшаревымъ прикоснувся устамъ *Исаи*, велѣлъ вѣщати о Мужѣ болѣзней, язвенномъ за грѣхи наши, мученномъ за беззаконія наши, наказанномъ за насъ, дабы мы миръ имѣли: Его • шо язвою мы ищѣли. Онъ отъ брашій своихъ помаваніемъ шребовалъ молчанія, помазанцу Божію имѣя открышь высочайшее шайнство, чтошбъ смертный взирашъ на шо былъ въ состояніи. Онъ повелъ его въ духъ на Голгофу и указалъ

ему Христа, Начальника жизни, колико Онъ по прошествіи седмидесяти двухъ седмицъ въ поруганіи и уничиженіи, спрадая въ ранахъ и болѣзни, первосвященнически моляся, долженъ будешъ жершвою бышь за грѣхи всего міра. Онъ показалъ ему святое шѣло, какъ спрѣлами пронзенное въ язвахъ и струпяхъ, чудодѣющія руки прободенныя, ноги кровію обогренныя, очи наполненныя сокрушенными слезами, зѣвающія уста, молящіяся и благословляющія, опверстіе ребра и ліющійся изъ него шокъ воды и крови, источникъ вѣчнаго прощенія, вѣчнаго усыновленія, вѣчнаго ходатайствованія, вѣчныя жизни . . . На сіе взиралъ онъ, крошчайшій румянецъ игралъ на ланишахъ его, умиленное сокрушеніе сердца изображалось на лицѣ его. Очи его испускали слезы, грудь воздымалась, руки преклонялись къ сердцу, губы шрепешали и глубочайшій вздохъ произнесъ слова вѣры: *и за меня.*

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

По подобію мершвеца, сопровождаемаго печальными погребательными свѣщильниками, *Дорій* медленными стопами возвращался во свои чершogi, когда въ слѣдъ за нимъ грядущіе придворные насыщенную къ убійству жадность паки возбуждали въ себѣ.

Вошедъ въ большой залъ, въ коемъ учиненъ былъ приговоръ ко умерщвленію праведнаго, скошски поверглись они ницъ на землю, моляся предъ Царемъ побѣдиселемъ. Но *жнѣвъ*, воспалившійся въ очесахъ сего героя,

отрѣялъ его отъ соборища сихъ измѣнниковъ; съ поспѣшностію бросился во внутренніе чертоги, и дверь оныхъ съ громомъ пошомъ заключаетъ. Смущеніе покрывало его чело, скорбь обращалась въ благородной груди его; онъ, стигая руки и шествуя косными стопами, сличалъ учиненное правосудіе своихъ поступковъ съ величиною своей праши. Гошовъ былъ начашъ мыслишь о обвиненіи купно и о оправданіи себя. -- Но шомъ, рекъ онъ, который вѣдалъ всѣ мои шайности, который увѣренъ былъ о моей къ нему любви и довѣренности, могъ бы и нынѣ швердо положиться на мою защиту. . . . Онъ довольно вѣдалъ, что я въ нынѣшнемъ случаѣ и вымышленнаго извиненія не приписывалъ бы его невѣрности, и шѣмъ вящшею обязанъ бы былъ ему благодарностію, естли бы онъ открылъ мнѣ путь къ избавленію его безъ поврежденія меня самаго. . . . Самъ онъ видѣлъ, что обнародованной мною заповѣди, не подвергнувъ опасности моей чести, прешола и собсвенной моей жизни, перемѣнишь мнѣ было не возможно; онъ, коему шоль легко было повиноваться, могъ бы и нынѣ смиришь себя -- могъ бы онъ лучше, о сколь охотно шо простилъ бы я ему! ошрещися отъ всего. Но, о несчастная ошкровенность! я долженъ былъ и шо помнишь, что и самые премудрѣйшіе часто самимъ себѣ весьма мало совѣща подашь въ соспоянніи. . . . Бѣдный другъ! несчастный для собсвенной вины! взоры мои, отчаяніемъ преисполнен-

ные, и самый гласъ рѣчей моихъ, не довольно ли свидѣшельствовали о наичувствительнѣйшемъ моемъ соболѣзнованіи? Оспавалось ли мнѣ другое средство, дабы самому погибнуть, или себя предать на жершву? Но хотя бы я и собственную мою жизнь опсважилъ на смерть, не онъ ли былъ бы первую по мнѣ жершвою звѣрской люшоспи своихъ враговъ? Не всѣ ли я упошребилъ способы ко спасенію его, кои только сосполяли въ моей власпи? --

Въ моей власпи! но какая мучительная укоризна помрачаетъ мой разумъ? Нѣтъ! не успокоюсь я прежде, а иначе шщешно для меня ушѣшеніе, доколѣ не буду увѣренъ, что я къ избавленію его всѣ возможные приложилъ мѣры. -- Но какъ! должно ли мнѣ бышь было споль легковѣрному, надлежало ли мнѣ прельщаться коварствомъ *Томара* и *Рапала*? Молва въ народѣ, возмущеніе въ градѣ, ропшаніе подданныхъ моихъ, было ли споль велико и справедливо, какъ умѣли мнѣ о помѣ внушить? Да и когда? Сколь часшо одно мое присушствіе усмиряло мяшежъ народа! . . . Не для шого ли они, вѣроломные, при одномъ моемъ на нихъ воззрѣніи шрепешали? . . . Не для шого ли они одного упошребили шолько разума и коварства, подъ видомъ обожанія моей власпи, чшобъ чрезъ шо уловить *Даніила*? Почшо я его, къ которому имѣлъ довѣренность неограниченную, не призвалъ на совѣтъ, прежде нежели запечашлѣлъ я сію заповѣдь? Премудросшь его предузнала бы истинныя побудительныя къ шому

тому причины. . . . Не сдѣлались ли они дерзновеннѣе, нежели въ то время были, когда умѣли скрывать себя позади достоинства моей короны и свящности моего слова? Вишь отъ меня зависѣло изъясненіе и рѣшеніе собственнаго моего повелѣнія? . . . Не открылъ ли я можешь быть имъ слабости моей? Не попустилъ ли я себя сперва въ обманъ симъ злодѣямъ? . . . Повиновеніе моимъ повелѣніямъ, почтеніе и подобострашіе. . . . слабыя подпоры моего престола, естли онѣ къ тому шолько просширающся, чшобъ похитить у меня вѣрнѣйшаго и любезнѣйшаго друга. Мучительна ша безопасность моей власши, кошорой бы я долженъ ожидать отъ мнѣнія корыстолюбивыхъ рабовъ! Изслѣдовалъ ли я все дѣло и всѣ обстоятельство онаго? Выслушалъ ли я самаго довольно, чшо бы онѣ предложилъ мнѣ къ оправданію себя, къ успокоенію меня, къ посрамленію своихъ доносишелей и къ своему избавленію? Но. . . . я. . . . ошврашился отъ него. . . . я предалъ его. . . . я. . . . о другъ! о *Даниль*! кровь швоя коснулася души моей. . . . Я бы могъ еще спасти себя прежде запечашлѣнія двери. . . . О праведникъ! се ли мзда за вѣрность швою? Се ли доказательство моей милосщи? . . . Чрезъ шестидесятъ лѣтъ сохранялася добродѣтель швоя, и шо при *Напуходоносорѣ* и *Валтасарѣ*, беззаконнѣйшихъ изъ Государей, невинность швоя всегда избавляема была. . . . но я. . . . я, кошорый узналъ швое достоинство, я низринулъ себя въ ровъ погибельный! . . .

Безславіе постигнетъ меня, когда попомки по прошествіи тысячи лѣтъ будутъ читать въ исторіи моей: „*Дарій* въ первое лѣто царствованія своего честибѣйшаго мужа въ государствѣ, своего друга, коего чрезъ шестьдесятъ лѣтъ никакая зависть одолѣть не могла, по представленію одного злодѣя повелѣлъ повергнуть въ ровъ левскъ. „ Колико и нынѣ будешь оплакивать его народъ, любившій его! Колико возскорбятъ о немъ всѣ, коимъ извѣстна была невинность его и добродѣтель! Не почтутъ ли меня малодушнымъ и робкимъ, который одной шѣни возмущенія устращился? Не будуль я слышь пиранномъ неблагодарнымъ и презрѣннѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ? Ахъ! естли *Дарію* слѣдуешь сіе поношеніе, то да постигнетъ первѣе васъ гнѣвъ его, и месъ да снидетъ на васъ, о измѣнники! —

Еще испускалъ *Дарій* пламенные слова, какъ *Роталь*, его слуга, возвѣщалъ ему о готовности вечерняго кушанья. Одинъ грозный силы исполненный мигъ вдругъ прогналъ его; ликъ шоржественныхъ пѣвцовъ умолкнулъ, ужасная пишина распроспранилась во всемъ залѣ; измѣнники воззрѣли другъ на друга, и поблѣднѣли; паки воззрѣли на себя, и воспрепешали; вперенное ихъ ухо внимало изъ чершогговъ Царскихъ страшно прерывающіеся гласы, и душа ихъ ужасалась.

Роталь, помавая коварнымъ своимъ окомъ, далъ знакъ клятвопресступникамъ. Они повлеклися, неся неистовство во злобной своей совѣсши,

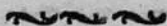
вѣсти, скрежеща въ лонѣ отъ печали. Тайнымъ образомъ собрались они въ домъ *Елула*, государственныхъ сокровищъ хранишеля. — Пропалъ шопъ Іудеянинъ, воззопіялъ *Рапаль*; и чего никто прежде меня не могъ сдѣлать, то я наконецъ совершилъ, чтобы низвергнуть того, котораго всѣхъ прочихъ лестию превосходилъ. Но, о мужи! возможно ли, чтобы мы нашему непріятелю изрыли яму, въ которую онъ самихъ насъ повлечетъ за собою? Что значить гнѣвный и презрительный взоръ Государя противу насъ, первѣйшихъ и вѣрѣйшихъ въ государствѣ? Вместо возблагодаренія намъ за избавленіе его отъ сего непошребнаго раба, усстраняется онъ отъ насъ во внутренніе чертоги; кажешься, какъ будто онъ сѣдуетъ о семъ Іудеянинѣ. Однакожъ мы видѣли, мы всѣ видѣли, съ какимъ безприсрастіемъ наше къ нему подобострастіе, и съ какимъ ругательнымъ воздаяніемъ принялъ наши важнѣйшія представленія. — О естли бы отъ него одного зависѣло! подлинно онъ бы избавилъ его, и никто изъ насъ не былъ бы ему столь любезенъ, коего бы онъ пощадилъ! Кажется, какъ будто бы не столь уваженіе слова его, сколь чашая опасность возмущенія подвинула его наказать сего непокориваго старца. Колико онъ защищалъ его! Колико шчилъ самъ подавать способы къ оправданію себя! Какое безобразіе! Какая недовѣрчивость, явственна оказанная, что запечашлѣлъ и дверь львиной пещеры! . . .

Поистиннѣ клянуся вамъ, мужи, брадою мою

сю и гробами предковъ моихъ, что ярость Царева не иное что значить, какъ насъ самихъ. Я знаю его, о Персы! знаю Мидской его нравъ: его молчаніе есть мщеніе; онъ мыслилъ о безопаснѣйшемъ и для себя наиполезнѣйшемъ средствѣ, чтобъ всѣхъ насъ принести на жертву своей злобѣ, которой онъ не могъ совсѣмъ отъ насъ скрыть съ самаго вступленія на царство. Покорилъ онъ хитростію, и жестокостію хочешь надъ нами властвовать. . . . О боги! почто живу я до сего дня, и служу сему неблагодарному, который за вѣнецъ обязанъ намъ благодарностію! Но какое его воздаяніе? И такъ еще ли зрѣшь мнѣ мое опечесство въ рукъ чуждаго иноплеменника? Еще живетъ во мнѣ Персидская кровь; скорѣе мечъ сей пройдетъ въ сердце мое, нежели я *Коресъ* возжелаю паки видѣть сего нечувствительнаго. Вамъ да будетъ судьба ваша — Но — *Рапалъ* вопіетъ и умолкаетъ.

Еще одно слово! вѣдайте мужи! естли *Дарій* живъ до вечера останешся, то мы погибли. Дорого хочу продать я сію сѣдинами покрывшую главу; каждой да пощипся равнымъ образомъ о своей. — Праведны слова твои, рекъ *Енуль*. *Даніилъ* Іудеянинъ мершвъ есть, другъ же Іудеянина, супосшатъ нашъ, врагъ Перскій, еще живъ; и естли онъ, какъ повѣдалъ *Рапалъ*, поживетъ еще одинъ день, то мы всѣ погибнемъ. Еще народъ въ нашей власти, еще продолжается радость о паденіи Іудеянина; возвѣстимъ печаль Цареву и нападеніе на насъ. А
естль-

есшлы шолько онъ свѣдаешъ, что мы сами воздвигнули мяшежъ въ чертогахъ, шо вражда на насъ проспрешя, и *Дарій* не станешъ ошъ насъ ошвращашъ народа. Ошвращашъ! -- примолвилъ *Томаръ*: онъ развѣ однихъ Іудеевъ прошиву насъ подвигнешъ? Но онъ спокрашно долженъ умрешъ прежде, нежели Іудеянинъ озлобитъ еще какого либо Перса. . . . Буди шако! вопіешъ все сонмище: онъ долженъ умреши, какъ *Валтасаръ*; да погибнушъ и всѣ прошивящіеся намъ! -- Они клянущся заговоромъ напасшъ на Царя при радостномъ пиршешствѣ; клянущся женъ и дѣшей привлещи въ союзъ кляшвопресшупленія, и въ ярости вопіюшъ они о крови, смерти и раззореніи.

Уже пѣшелъ возвѣстилъ вшорую ношную стражу, какъ *Дарій* еще ходилъ по своимъ чертогамъ, не прештавая шенашъ и въздыхашъ безпрерывно, обвиняя себя. О сколь много великая душа спыдишся своихъ слабостей! Сей внушренный срамъ никакъ не можешъ сравнишся съ посрамленіемъ подлаго челошъка. *Дарій* не шокмо не предаешъ забвенію непростышельныя свои поступки, и не стараетшя мнимыя доводы къ своему оправданію предештавляшъ себя довольными; но съ правосуднымъ разсмошреніемъ изслѣдывая безразсудную свою шоропливость, и самаго себя осуждая, предаешъ себя полнымъ чувствованиямъ печали; два испочника умиленныхъ слезъ, коихъ не пошребилъ еще геройскій пламень, лились изъ возведенныхъ на небо очей сего героя.

Онѣмѣвѣ отѣ обличенія справедливости приговора, учиненнаго имѣ самимѣ прошиву себя, и совсѣмѣ погружаяся во глубину заслуженной скорби, повергся онѣ на одрѣ, закрылѣ лице свое, ища сна, единственнаго ушѣшишеля сѣшующихѣ.

Сонѣ пришелѣ, а за нимѣ вѣ слѣдѣ и страшныя мечшанія. Наконецѣ вѣ обѣяшяхѣ печальнѣйшей ночи уснулѣ *Дарій*. Едва грудь, отѣ безпрестаннаго сѣшования изнеможенная, начала свободнѣе дыхашѣ, шо уже духѣ страшныхѣ сновидѣній усстремилѣ на него скорбныя свои стрѣлы. Пробудяся сѣ великимѣ ужасомѣ, вскричалѣ онѣ: Увы! се львы! -- избавьше! -- о львы! . . . шщетно силился онѣ испоргнушься изѣ руки сильной; Царѣ ужасовѣ распростерѣ надѣ ними черный покровѣ свой; львы сѣ ревомѣ страшнымѣ бросились на него. . . . *Рапалѣ* и *Томарѣ* шстояли издалече. . . . Онѣ еще громчае приглашалѣ ихѣ кѣ помощи и спасенію. Измѣнниковѣ сіе не шрогало. Уже алчнѣйшій изѣ львовѣ, сѣ яростію пошряся величественную гриву, вспяшилѣ на него; уже изѣ раскаленныхѣ очей кровь, изѣ разверстныхѣ челюстей смерть испущая, сжалѣ грудь его смершельными своими когшями, какѣ *Дарій*, пробудяся отѣ жестокаго сего движенія, и омоченѣ смершнымѣ хладнымѣ пошомѣ, дрожалѣ всѣми членами.

Онѣ ударилѣ себя вѣ кипящую и отѣ горесни стѣсенную грудь. . . . Сѣ робостію воззрѣлѣ окрестѣ себя: сонѣ ли шо былѣ, или живѣ я еще? помыслилѣ вѣ себѣ. Сіе ты заслу-

заслужилъ за дѣла свои прошивъ друга своего! Онъ спалъ безгласенъ, съ слабымъ дыханіемъ поднималъ и паки опускалъ руки. . . . Какія исповѣданія! какія признанія! . . .

Онъ возспалъ отъ одра, чтобы избавишься отъ печальныхъ привидѣній; нагбенную отъ горести главу опираешь на руку, кошорая того же утра клялася *Даниилу* вѣчною вѣрностію; и съ нешерпѣливостію ожидаешь разсвѣта поздно ему являющагося дня.

Богъ, кошорый не отвращается и отъ язычниковъ, да познають и обрящущъ Его, увидѣлъ сокрушеніе въ душѣ кающагося Царя; Онъ заповѣдалъ Ангелу, писавшему *Мане Сехель Напуходоносору*, явишися въ чертогахъ скорбящаго Самодержца. . . . Блещущія буквы являющся на стѣнѣ. . . . Онъ читаетъ: „Богъ *Даниилъ* отъялъ у тебя друга твоего; ибо ты почтилъ себя честию Божескою. „

Дарій, еще неожесточенный по примѣру *Фараона*, исполненъ богобоязненнаго благоговѣнія, оцѣпенѣваетъ, и падаетъ на землю. Невѣдомое Существо! рекъ онъ: естли Ты Богъ *Даниилъ* еси, то Ты силенъ сохраниши его: тогда и я хочу поклоняшися Тебѣ, и Ты будешь Богомъ моимъ и моего народа.

Духи ужаса убѣжали отъ лица Ангела, и тихій нѣкій духъ усыпилъ его сладкою дремошою. Паки во снѣ мечталася ему львиная пещера, и въ ней *Даниилъ*, стигающъ руки и устами молящійся; львы, окрестъ его покой-

но спящіе, рабѣ Господа окруженѣ спражесю сіяющихъ лицѣ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Еще злашую главу солнца закрывали густыя облака багряныя. А роры, еще всѣ пшцы во глубокомѣ были молчаніи, какѣ соловей, сидя на возвышенныхѣ кедрахѣ, превышающихъ верьхи Царскихѣ чершоговѣ, предвоспѣвалѣ поскливую пѣснь, выражающую его нѣжность и сѣшваніе о ушрашѣ возлюбленнаго супруга. *Дарій*, пробудясь отѣ сладкаго гласа сего сѣшующаго пѣвца, обращасѣ свое вниманіе, и помимѣ будучи собсшвенною скорбію, думасѣ при каждомѣ его воплѣ, что онѣ взывасѣ: *Даніилѣ!* . . . Бѣдная шварь! воззопилѣ онѣ: шы оплакивасѣ шого, ко порою погибѣ безѣ швоея вины; швоя пошеря можесѣ награждена бышѣ, но мнѣ. . . . Кто меня ушѣшитѣ? Моя ушраша невозвратна. . . .

Воспоминающую ему о ужасномѣ явленіи двоекрашнаго сновидѣнія, вѣ душѣ его происходили чикогда неощущаемыя горячайшія движенія. Я не считаю моихѣ желаній, рекѣ онѣ самѣ вѣ себѣ, ниже способовѣ кѣ оправданію себя; на ѣки останешся мнѣ спыдѣ за шо, что я осудилѣ праведнаго и принесѣ друга моего на жершву. . . . Тысящи падали предѣ очами моими отѣ ошрея меча, между кошорыми истинно были достшойные мужи, но ни чья смерть еще не шерзала меня, ни чья душа не предсшавляласѣ душѣ моей. какимѣ же мужемѣ долженѣ бышѣ *Даніилѣ* вѣ очахѣ бошовѣ,

говѣ, кой смерть его прославляющѣ въ видѣ-
нїяхъ? Я предѣ симъ никогда не видѣлъ стран-
ныхъ мечтанїй, нынѣ же едва зашворяешся
отъ печали око мое, шо вижу я львовѣ и
Данїла. . . . Тако, онѣ неповинный, мнѣ
нѣкогда и повѣдалѣ, что Богѣ его, Богѣ надѣ
всѣми богами, ошкрываетѣ себя душѣ каждо-
го человѣка ради увѣщанїя, ради ученїя и
для внушрнннго ея дѣлѣ осужденїя, дабы
она не имѣла никакого извиненїя. . . . О
когда бы мнѣ явилась сія страшная ру-
ка, праведная въ приговорѣ своемѣ! Я не хо-
чу надѣяться на себя; но Богѣ, любящїй
Данїла, не довольно ли силенѣ для оправ-
данїя его невинность его ишторгнуть отъ
устѣ львовыхъ, и жизнь его отъ смерти исхи-
пить? Преславный шотѣ, кошорый *Сидраха* и
Мисаха во пламени сохранилѣ нешлѣнными,
пресыаетѣ ли и нынѣ въ полной своей силѣ,
чшобѣ и себя, праведниче! коего лице сіяетѣ
какѣ солнце, сдѣлашѣ неврѣдимымѣ? Развѣ
сонному моему видѣнїю, въ коемѣ я видѣлъ
тебя между звѣрьми столь спокойнаго и не-
нарушимаго, должно было бышѣ одною меч-
шою? Боже *Данїлошѣ*, коего я чшу, копя
и не вѣмѣ Тебя! ештли Ты еси и живешѣ,
шо спаси шого, коего любиши! власть Твоя
да будешѣ сильнѣе, нежели зубы львовѣ; пре-
мудрость Твоя да покрешѣ мою безразсуде-
ность; ештли я могу умершвишѣ, шо пока-
жи, колико Ты силою меня превосходишѣ, яко
оживошворяешѣ мершвыхѣ. . . .

Дарій, одушевленъ сею шайною надеждою, сими благоговѣйными вдохновеніями движимый, предприемлетъ самъ въ шайнѣ шествовашъ ко львиной пещерѣ. Но въ шайнѣ, рекъ онъ въ себѣ, спану шо шворишь; ибо что скажутъ Персы, мудрецы, когда увидяшъ, что я ищу жизни у самой смерти?

Чрезъ окрешныя мѣста шествуя ко львиному вершограду, обрѣтаетъ онъ *Іосифа*, вѣрнаго *Даніилопа* слугу, сидящаго подъ пальмовымъ дровомъ, воздыхающаго и плачущаго. Ты еще рыдасшь, вопрошаетъ его *Дарій* съ притворною суровостію, о шомъ, кошорый преступилъ мой заповѣди! . . . Возставъ отъ земли и поклонився предъ Царемъ, не о моемъ господинѣ, вѣщаетъ *Іосифъ*, плачуся, душа коего содержится въ руцѣ Божіей; но ешьли бы, великій Царю, благоволилъ шы вѣру яти гласу моему, шо сей день еще прольются шысящи слезъ о жизни швоей: себя шо я оплакиваю, Царю, и невинныхъ шѣхъ, на счешъ которыхъ поставлена будетъ сія злодѣйская измѣна. -- Измѣна! прерываетъ *Дарій*; шы мечтасшь: но рцы, и не скрый отъ меня ничего. -- *Іосифъ*, припадъ паки къ ногамъ его, началъ говорить: въ девятомъ часу вчерашняго дня, извѣщенну мнѣ бывшу о злощасшной судьбинѣ моего господина, спѣшилъ я къ швоимъ чершогамъ узрѣши еще онаго и ошдашь ему послѣдній долгъ свой. *Сании* встрѣшилъ меня среди моего пуши. Уже, вѣщаль онъ, уже брошенъ онъ въ ровъ левскъ, и самъ Царь

Царь запечатавлѣ его. Не взирая на сіе, спѣшилъ я, дабы купно умрети съ нимъ, кошорый любезнѣе мнѣ былъ и собствѣнной моей жизни. Я, проходя мимо дома *Епулоа*, услышалъ шумъ и мясехъ, и въ немъ порицаемое имя *Иудеянъ*, *Данила* и Царя. Я, обративъ шуда свое вниманіе, и изъ почнаго *Рапалоа* гласа призналъ ругательныя о тебѣ слова, съ неистовымъ свирѣлствомъ произносимыя; они хулили швое правленіе, и совѣщали погубить жизнь швою. Тако, Царю, заклинали себя душами Персовъ, сей день погубить тебя. Съ поспѣшностію я возвратился въ сирожскій домъ; мы, рабы швои, чрезъ всю ночь проливали ко Всевышнему молишвы; мы молили Его неистощными слезами спасти непорочность, усмирить злобу, защитишь, Царю, и швою жизнь, избавишь *Данила* и насъ, и покажашъ величіе славы своея; яжъ сего дня на разсвѣтѣ притекъ сюда, да примешъ къ себѣ Господь душу мою, печалію и горестію пронзенную.

И шакъ шы, примолвилъ *Дарій*, скрываая скорбь своего духа, свѣдавъ о семъ на меня злоумышленіи, мнѣ не возвѣспилъ? Какъ можно мнѣ, ошвѣпсшвуетъ *Иосифъ* съ боязненною скромностію; какъ можно было предшашъ предъ лице Твое, когда шощъ, ко-его любилъ шы, ошпоргнушъ ошъ очей швоихъ? Какую бы я могъ сыскашъ у тебя до-дѣренность въ предшавленіи на шѣхъ, коимъ ошдалъ шы на жертву шого, коему шы предъ всѣми одному вѣрилъ во всемъ? Однако, Царю,

и въсемъ открывається Божіе благоволеніе, что рука Провидѣнія направила сюда стопы твои, Томъ, который надъ главами Государей неусыпно бдишь, подвигнуль тебя въ сіе утро, и симъ шочно пушемъ одному шествовати. Теперь отъ твоего зависишь разума, изслѣдовашь истинну моего предложенія; теперь ты легко все достигнушь можешь, ибо злые совѣшны всегда совѣшнику пагубны. Пребуди здѣсь, говоришь *Дарій*, и кщо спросишь себя, шому не отвѣщшуй, доколѣ позову тебя именемъ моимъ, да познаю, есть ли справедливость во словахъ твоихъ. . . .

Погруженъ во глубочайшія размышленія *Дарій*, съ поспѣшностію возвращається въ свои чертоги; въ спокойномъ видѣ повелѣваетъ призвати къ себѣ *Томара* и *Рапала*, *Сепула*, *Елака* и *Нацана*. . . . каждого порознь безъ замедленія. . . . Они являюшся, вѣроломныя; но съ какимъ шречетомъ бѣтятся злочестивая грудь, когда они увидѣли себя однихъ въ шоликомъ же числѣ штекщихся, въ коемъ предъ симъ за нѣсколько часовъ опредѣленіе свое о погубленіи Государя кляшвою подтвердили!

Время уже, вѣщаетъ *Дарій*, мое велѣніе, а вашъ совѣшъ совершишь, и покажешь всему моему народу, что я умѣю наказывать непокоривыхъ! Пойдемъ ошверзши печашь львиной пещеры. Текушь они. . . . и по повелѣнію Цареву, коему злочестивое сонмище внемлеть съ ужасомъ, окружаюшъ Государя и свишу его шестъдесятъ нахрабрѣйшихъ

музей Мидійской шѣлохранишельной спражи. Памятуя о всѣхъ предувствованіяхъ испекшей ночи, пораженъ былъ лучемъ вѣры, ко-торой увѣрялъ его о спасеніи праведнаго; но колебаясь еще между крѣпкою надеждою и спра-хомъ, повелѣваешь онъ знатнѣшимъ Двора оспановишься за шприспа шаговъ, желая одинъ предускорить корву. Не перцишь онъ, пока ошваленъ будешь камень. Утнѣшаемъ сею до-вольною нѣжностію, не спыдыся покаяннаго своего сердца излѣявишь во всемъ величїи, ис-полненъ чувствованія о томъ, что осужде-ніемъ на смерть разрѣшилъ праведнаго оцѣ должности подданнаго, почиая уже себя не-доспойнымъ наивѣрнѣйшаго избъ рабовъ сво-ихъ признавать своимъ рабомъ, полнѣ со-спраданія, полнѣ чувствованія, вопіешь къ нему: *Данїиле! Данїиле!* ты, рабъ живаго Бога, коему ты непрешанно служиши! воз-могъ ли Онъ спасши тебя оцѣ усцѣ львовыхъ?

Пророкъ почивалъ во сладкомъ спена-ніи. Ангелъ снималъ съ него образъ, и шолько совершалъ послѣднюю чершу (онъ и до нынѣ находишся во храмѣ Чистыя Совѣ-сти), какъ онъ, услыша имя свое и гласъ Царевъ, возсталъ.

О чудо! о *Дарїе!* ушпремляя на него взоры свои: тихо поднимаешся неврежденная грудь — онъ опверзаетъ очи — онъ живъ.

Ты внеслешь. . . . Ну! приуготовляйся шедерь къ оправданію шобою невинности, ко упреканію и къ посрамленію: онъ съ шпрого-сшію будешь упрекать шебя швоею неправ-

дою, со гнѣвомъ за твою безразсудность, съ жестокою жалостію за злобу твоихъ и его враговъ; ты будешь слышать неоспоримыя глубоко въ утробу твою проходящія слова; ты онемѣешь отъ посрамляющаго тебя внутренняго обличенія. --

Ахъ нѣтъ! слыши, *Даріе!* рабъ Господень вѣщаетъ тебѣ, съ подобоспрашiemъ онъ взираетъ на тебя, и первое его слово есть желанія Божіяго къ тебѣ благоволенія: Царю! во вѣки живи. Не будешь онъ укорять тебя убійствомъ, неблагодарностію, ниже неправдою; не будешь помышлять объ ошмщеніи своимъ врагамъ, не будешь клянущъ желанія твоего обржанія себя, не будешь разглашать о несправедливости твоихъ законовъ: крошкѣ, какъ добродѣтель, изъяснишь только предъ тобою свою невинность, и будешь единственно свидѣтельствоваться непорочностію своея совѣсти; увидишь, *Даріе,* высочайшее явленіе твоея жизни, верховнаго человека, который и въ безднѣ смерти дерзаетъ съ вѣчною истинною Всевышняго называться своимъ Богомъ.

Мой Богъ, продолжаетъ воскресшій, послалъ своего Ангела, который заградилъ уста львовъ, да не сотворятъ мнѣ ни единого зла; яко обрѣшеся предъ Нимъ правда моя, такъ и предъ тобою, Царю, не содѣялъ никакого прегрѣшенія.

О сколь скоро утекала отъ души его скорбь и боль! какъ мгла отъ лучей солнца. Веселіе распространяется по челу его, на всѣхъ

всѣхъ чертахъ лица его показывается радостное спокойствіе, опшвершное око пламеннѣе отъ восхищенія и удивленія, рука его приклоняется къ сердцу, біющемуся въ радостномъ кровопеченіи. . . . Онъ живъ! ахъ пакъ! онъ живъ еще! . . . Тако исходящъ изъ разширившейся отъ радости груди его крошкія неописанными движеніями прерывающіяся слова.

Вдругъ повелѣваетъ *Дарій* всему собранію присшупитъ къ камню львиной пещеры. Они осматриваютъ и находятъ печашъ невредиму; камень опшваливается, и спасенный праведникъ исходитъ изъ пропасши смершной.

Съ воспоргомъ взираетъ на сего возлюбленника Господня *Дарій*, какъ на драгоценный мешаллъ, извлеченный изъ пещеры пламенной, недоумѣвая, дѣйствительнѣ ли то было его избавленіе, истинное ли было чудо его спасенія. Тотчасъ простираетъ къ нему руки, и не безъ посрамленія взоръ свой осшнавливая при взаимномъ воззрѣніи, сжимаетъ его руку, какъ бы тайно увѣрая его о новой и вѣчной къ нему любви и милосши. Се потъ, рекъ онъ, обращая къ *Рапалу* и *Тамару*; се потъ, коего вы поносили, и коего всесильный его Богъ чудеснымъ образомъ сохранилъ въ цѣлости. Но вы, вы всѣ здѣсь предстоящіе, невѣрные и измѣнники! . . . Возмише ихъ! повелѣваетъ своимъ воинамъ, кидая на нихъ взоры, распаленные отъ яросши возбужденнаго правосудія. Помышляютъ о скоромъ побѣгѣ; но вдругъ своею совѣслію злою, какъ

молнією поражаемы, взирающѣ съ претепломѣ на обнаженные для себя мечи, и сперва покушаются дерзко запирасться. Но жены и дѣти ихѣ, кои шуда же приведены были, открывающѣ предѣ *Даріемъ* болѣе еще, нежели ему было вѣдомо. Объявляющѣ они о предпріимлемомѣ на Царя убійствѣ, о заженіи чертоговѣ, о раздѣленіи царства мяшежникамѣ; съ расстрепанными власами припадающѣ онѣ къ Царю, прося прощенія и помилованія. Воспріимше, говоритѣ онѣ, казнь, на которую осужденѣ былѣ оцѣ васѣ *Даніиль*. . . . Они смаяшася, и съ ужаснымѣ воемѣ ввергающася въ мрачную бездну погибели. Алчные львы, люшѣище изѣ звѣрей, нападающѣ на нихѣ, и въ мгновеніи ока, расперзавѣ ихѣ, поглотили.

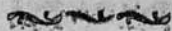
Тогда *Дарій* друга своего объемлетѣ съ нѣжностію. Богѣ швой, рекѣ онѣ, сохранившій тебя за швое на Него упованіе, поистиннѣ есть единѣ Богѣ велій и всемогущій; не довлѣетѣ для меня казнь клеветниковѣ и коварныхѣ преслупниковѣ: я буду чпшиши Бога швоего предѣ цѣлымѣ свѣшомѣ, исповѣдую Бога Избавишеля, изхишившаго тебя изѣ челюстей львовыхѣ. Первое дѣло мое да будетѣ благодаритѣ Его, и чудеса Его возвѣстшиши всему народу. Да прославленно будетѣ, ошвѣтшествовалѣ *Даніиль*, великое емя Его! я иду учинитѣ шже самое.

Еще весь сиропскій домѣ находился въ непрестанныхѣ моленіяхѣ къ Богу о спасеніи и помощи; еще лилися слезы благодарнаго по

почтенія и любви къ тому, который благошворишь другимъ почипалъ за увеселеніе своихъ дней, какъ онъ въ то самое время, когда объ немъ думали, что онъ въ пещерѣ, или въ успахъ уже левскихъ, вступилъ во врата своего дома. И въ самой нѣкогда день всеобщаго воскресенія не будешь чистѣйшее, ниже совершеннѣйшее веселіе споль щасливыхъ душъ, къ единой нѣжности сотворенныхъ сердець, кои чрезъ тысячу лѣтъ почивъ въ нѣдрахъ земли, преобразившись въ свѣтлости небесной, паки увидяшся лицомъ къ лицу, и воспоминаая радостные и блаженные часы земнаго своего печенія, возобновяшъ между собою препрославленную дружбу. Ручьями ліющимъ отъ радости умиленнымъ слезамъ, *Оирса* и *Суламинъ* объемлютъ своего начальника, ошца и благодѣтеля; вздохи премѣняюща въ шоржеспвенные клики, эхо повшоряешъ: онъ паки здѣсь! онъ живъ! *Веніаминъ* осушаетъ слезныя свои ланишы, во всемъ домѣ слышанъ гласъ: аллилуія! хвалите Господа!

Даниль, самъ ко плачу движимый сею нѣжною своего народа любовію, шребуешъ у нихъ шишины дружелюбнымъ своимъ помаваніемъ, и спѣшишъ въ большой залъ, въ комъ ввечеру прошедшаго дня душу свою вручалъ въ руки своего Творца. Преклоняя колѣна съ горячайшимъ благоговѣніемъ, молишся предъ Нимъ: Да будешь Тебѣ слава, честь, похвала и вѣчное благодареніе, Боже всемогущій, Боже народа Твоего, Боже и сердца моего, яко жизнь мою отъ смерти и кости

мои оубъ сокрушенія испоргнулъ еси. Чѣмъ
 возблагодарю Тебя, Господи, за всѣ искуше-
 нія, укрѣпленія и оживленія прошедшаго дня?
 Никогда ихъ не забуду. . . О, колико благо-
 дарю шебя, Спасишело мой! что еще удо-
 стоилъ меня исповѣдывать святое имя Твое
 предъ невѣрными; что даровалъ мнѣ крѣпость,
 желаніе и мужество держатися истинны, не
 уклоняся ни на десно, ли на шую; не пре-
 стану во весь вѣкъ благодарить Тебя за бла-
 женное содѣйствіе Духа Твоего, и за сіе Твое
 милосердіе, мнѣ сошворенное, жизнь мою при-
 несу Тебѣ на жертву. . . Ахъ! она-то дол-
 жна посвящаема бышь Тебѣ даже до послѣд-
 няго моего издыханія, и послѣдній мой зѣвъ
 еще Тебѣ кляшися, что въ одномъ Тебѣ спа-
 сеніе, и что я въ одномъ Тебѣ нахожу вѣч-
 ный животоу. Колико восхищаешся сердце мое,
 что Ты споль сильно коснулся души Царя
 моего; что споль дѣйствительно поразилъ
 оную, и неиспытанными пушями премудраго
 Твоего промысла и блаженнаго руководства
 открылъ ему себя какъ Всесильнаго! . . . Ты
 вѣру мою и моего народа искушеніями очи-
 стилъ, какъ злато въ горниль. Хотя душа
 моя была въ рукахъ Твоей, и Ты упѣшилъ ее,
 Ты оппустилъ мнѣ всѣ мои прегрѣшенія, Ты
 оубялъ силу ужаса смерти, и я въ зубахъ
 львовъ, какъ во снѣ, преселился бы въ цар-
 ство Твое; но Ты благоволилъ содѣлать Себѣ
 славу между язычниками, и поклоненіе оубъ
 шѣхъ, кои Твои сущь, и показать, что Ты
 Богъ славный и пречудный, Ты сильный Из-
 бави-

бавишель всѣхъ на Тебя уповающихъ. Великое да будешь имя Твое у всѣхъ народовъ, славимо отъ всѣхъ языковъ; всѣ земли да исполняются хваления Твоего! . . . Если дерзаю молить Тебя, Творче мой! то сохрани память сію Твоей всемогущей помощи даже до конца дней; и примѣръ мой да будешь благословенъ у тысящей грядущихъ по мнѣ; сотвори его глубокимъ и живымъ впечатлѣніемъ у всѣхъ, кои по волю судьбъ Твоихъ ожидаютъ шажайшаго жребія быти совѣшниками Государей и Князей, и познашь важность чина, ввѣреннаго имъ отъ Тебя, да воздадутъ Тебѣ должный отщещъ. Однако не попусти никому; который только любитъ душу свою, собственными своими силами, не познавъ Твоего благоволенія, покушаются ийти въ дворы Царей и Князей, но всякому; котораго шуды поблещи, даждь крошкой и бодрый духъ. Направи око ихъ на Тебя и на Твою истинну; учреждай, озаряй и ушверждай всѣ ихъ помышленія, дабы они симъ неизблемымъ постоянствомъ не преклонялись ни на какіе неправедные совѣшты, и слѣдо не повиновались бы правосуднымъ повелѣніямъ! . . . Даруй духа премудрости и быспрозрашельное око, да уразумѣтъ избѣжатъ навѣштовъ, поставляемыхъ отъ злобы на цѣломудренность ихъ сердца и непорочность ихъ намѣреній! . . . Огради ихъ сердце истиннымъ смиреніемъ, соблюди ихъ отъ заблужденія собственного духа; а свѣшъ Твой да не отступитъ отъ спраны ихъ никогда, да различають истинну

ну отъ лжи съ точностію! . . . Начертай въ нихъ всегдашнее памяшваніе о Твоемъ вездѣ-существѣ; исполни сердце ихъ горячайшимъ челоуѣколюбіемъ; возвыси дары, кои Ты для каждаго пошребными почипашь, дабы всякъ съ симъ непоколебимымъ мужествомъ охошѣе согласился имѣніе и кровь истощашь, нежели съ знаніемъ и волею всегда гремящій Твой гласъ въ совѣсши зашущашь! . . . О Всеблагій! Ты вѣси всѣ бѣдшвія, коими ограждено сіе шрудное въ Царскіе дворы хожденіе; какими обманчивыми мазками корышполюбіе, гордыня и самовлашное насиліе умѣюшъ прикрывашь себя, чшобъ и самага премудраго и добродѣшельнѣйшаго, кошорый собшвенной своей силъ желашь спрошвивляшья, прельшпшть правомъ породы, благососшояніемъ государшва и Монаршпмъ ушавомъ непремѣннымъ. Не всегда шо сущъ львы, коими насъ грозятъ; часто льшпшвыми словами уловляющъ и самыя цѣломудреннѣйшіе . . . . Для шого отъими шрахъ челоуѣческій и лицепрїяшіе отъ рабовъ Твоихъ, коихъ Ты опредѣлиши хошещи ко званію сего шоль развращеннаго подѣ долгошerpѣніемъ Твоимъ сосшоящаго міра! А дабы не изнемогли ихъ силы, душа ихъ не испаяла, надежда ихъ не исчезла, шerpѣніе ихъ не ослабѣло, вѣра бы ихъ была предѣ Тобою чиспа и драга: шо привлещы ихъ къ себѣ испиннымъ и надежнымъ съ Тобою собѣдованіемъ въ молишвахъ, дабы они всѣ свой попеченія на Тебя возлагали, и ошъ Те-
 бя

бя ожидали совѣша, просвѣщенія и предѣла
 своихъ внушренныхъ намѣреніи! Дажь имъ
 разумъ во всѣхъ ихъ поступкахъ, а паче воз-
 стави ихъ собственнымъ ихъ примѣромъ! На-
 учи ихъ говорить и молчать, смотря по
 благоприспѣшности времени; вооружи сердце
 ихъ щипомъ великодушія презирашь наглость
 зависти и лживаго духа! . . . Научи ихъ
 всегда спрещи самихъ себя, да не одержишь
 надъ ними искуситель побѣды; сошвори, дабы
 никто изъ рабовъ Твоихъ слѣпо на себя не
 полагался, но благодашь Твою почиталъ бы
 выше всего и выше самой своей жизни. . . .
 Да не уповаюшь они на милости Царей,
 не боящихся Тебя. . . . но начершай въ нихъ
 образъ Твой, и возвѣсти цѣлому свѣту,
 что пошъ шолько премудръ, кто во училищѣ
 Твоемъ премудрости учился! . . . Да не
 явится когда оскудѣніе въ вѣрѣ ихъ; да шво-
 рятъ они все, съ радостію повинуюся пушемъ
 Твоимъ! А естли спенаюшь они подъ бременъ
 служенія суешы, то Ты буди имъ крѣ-
 постію и духа ихъ силою! . . . Уничжи
 предъ лицемъ Твоимъ лицемѣровъ и лицепрї-
 ятелей, смиренно лукавыхъ, льстивыхъ, и
 всѣхъ, кои упошребляюшь имя Твое вмѣсто
 покрова своей боязни и корысполубія, и по-
 кажи ихъ свѣту въ день судный! . . . Со-
 бери слезы праведныхъ, услыши ихъ спена-
 нія! Всѣмъ спраждушимъ по волѣ Твоей, по
 истиннѣ Твоей и по правосудію Твоему, яви
 себя яко Помощникъ и Избавитель! . . .

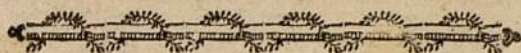
Еще молился *Даніиль*, пылая священнѣйшимъ пламенемъ, какъ вдругъ повелѣно ему ийти къ Царю. Онъ спѣшилъ съ повиновениемъ. . . . Со стороны зрѣлъ онъ львиную пещеру, и никогда не видѣлъ ее въ поздномъ теченіи славныхъ своихъ дней, кромѣ однѣми чувствованіями, съ которыми герой взираетъ на боевое поле, на кошоромъ онъ нѣкогда одержалъ именишую побѣду.

Конецъ пятой части.

№ VII Ф - 329

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	Стран.
I. Жизнь Плашонова. - - -	1
II. Жизнь Хилона. - - -	59
III. Жизнь Пишпака. - - -	64
IV. Жизнь Вiанша. - - -	70
V. Жизнь Клеовула. - - -	75
VI. Жизнь Перiандра. - - -	79
VII. Жизнь Анахарсида. - - -	85
VIII. Жизнь Мизона. - - -	89
IX. Пиръ Плашионовъ о любви. -	91
X. Юнговы ноши, ношь шрешiя. -	160
XI. Надгробная пѣснь Перуанцовъ. -	186
XII. О дружбѣ. - - -	191
XIII. Эклога изъ Виргилiя. - -	193
XIV. Эпименидъ. - - -	196
XV. Аристиппъ. - - -	201
XVI. Ксенократъ. - - -	214
XVII. Архезидай. - - -	220
XVIII. Аристошель. - - -	231
XIX. Даниилъ во рвѣ львиномъ. -	248

$\frac{7}{55}$

1785

4.5

M/CP